ЛЕГЕНДЫ ХОККЕЙНОГО ЦСКА

АЛЕКСЕЙ МАТВЕЕВ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

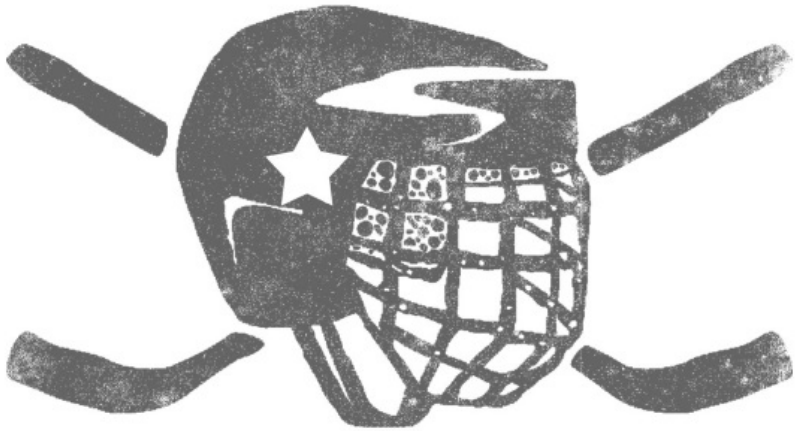
Эта книга – о судьбах легендарных хоккеистов знаменитого клуба ЦСКА и непобедимой, блистательной сборной СССР.

Акцент – на жизни любимых публикой игроков за пределами площадки. Какими они были в кругу семьи и друзей, с кем они конфликтовали, как преодолевали трудности и невзгоды.

Все лучшее о легендах. Главное о самой титулованной команде.

- Алексей Матвеев
  -
  - Вместо предисловия
  - «Смотри, папа у тебя какой!»
  - Стал чемпионом с «Зорким»
  - Политику не обсуждаем
  - Бабушка нас объединяла
  - Уроки Тарасова
  - Вторая молодость отца
  - Семейный подряд
  - Хоккей как образ жизни
  - Маму на руках носил
  - Учителя вместе с нами болели
  - Американский внук
  - Души прекрасные порывы…
  - Сто долларов за «мир»
  - Нравится творить добро
  - Секреты большой семьи
  - Связующее звено
  - «Ты еще не в порядке!»
  - Памяти друга
  - «Мы поняли – родителей больше нет»
  - Команда молодости нашей
  - «И не друг, и не враг. А так…»
  - История любви
  - Канада только снилась
  - Дружба с Высоцким
  - Пример мамы с папой в сердце моем
  - Служил срочную
  - Ампутация грозила
  - Братья боготворили маму
  - С любимыми не расставайтесь…
  - Как уходил родной человек

- В компании с Бобровым, Цыганковым
- «Роди мне правнука»
- Личная жизнь – табу
- Плясали в мокасинах
- Жизнь после хоккея
- Фанат рыбалки
- Звезды не сработались?
- Любовь не кончается
- «Середнячком стыдно быть»
- Спортсменчик растет!
- Не собирался умирать
- Альметова не бросили
- Почитывал классиков
- Личная трагедия
- Расписались тайно
- Пил – от безысходности
- Сын гордится дедом
- «Не буду я дачей заниматься»
- Дружба с Тарасовым
- Анонимка пришла…
- Из конька – кровь рекой
- «У тебя круглогубцы есть?»
- Сестра жестче отца
- По прозвищу Комар
- Испуг после Канады
- Хронический скромняга
- Он не закипал…
- В панки подался
- Вместо льда – бассейн
- Дух алчности не царил
- «Никто не знал, что я – сын Викулова»
- Рецепт семейного счастья
- Два прекрасных лебедя
- Вместо послесловия
- Иллюстрации



Алексей Матвеев
Легенды хоккейного ЦСКА

Благодарю за помощь в подготовке этой книги сотрудника хоккейного клуба ЦСКА Станислава АЛЕКСАНДРОВА.

О связи поколений, семейных династиях знаменитого клуба

Снимки предоставлены из семейного архива *Рагулиных, Локтевых* и *Викуловых*

В оформлении переплета использована иллюстрация:
Neuevector / Shutterstock.com
Используется по лицензии от Shutterstock.com

© Матвеев А., текст, 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

Вместо предисловия

Хотелось без особого пафоса, спокойно и доходчиво рассказать о жизни главных героев, они, по сути, все – главные. Но спокойно – не значит равнодушно, отстраненно, безразлично. Как тут без эмоций обойтись!

Немного забегая вперед, скажу: истории часто пронзительные, душещипательные, вызывающие разнообразную гамму чувств. Жизнь великих хоккеистов – глазами их детей и даже внуков. Причем не столько на ледовой площадке, сколько за ее пределами. Это, пожалуй, самое интересное. Ведь немногие из нас знают подробности семейных отношений звезд.

Надо правильно понять: не самоцель рассказать о вещах, оставшихся за кадром для подавляющего большинства поклонников хоккея. Цель на самом деле проста, благородна: отдать должное выдающимся мастерам игры, доставлявшим нам истинное наслаждение своим искусством. Посмотреть на их жизнь под несколько иным углом, посопереживать им, может, еще раз восхититься. Кто, как не их дети и внуки, знают, насколько непросто доставались близким людям кубки, медали, звания…

А жизнь самих детей, внуков – разве не интересна? Об этом тоже вы, уважаемые друзья, найдете на страницах книги почти исчерпывающие истории.

В тексте нет заумных, утомляющих публику вопросов. Будут только монологи заинтересованных людей.

Словом, при желании читайте, размышляйте, делайте выводы сами.

С уважением, ваш Алексей МАТВЕЕВ

Итак, начинаем.

«Смотри, папа у тебя какой!»

– В принципе, выбор был, чем заняться, – вспоминает сын Владимира Владимировича Петрова – Максим. – В раннем детстве, как и многие пацаны, мечтал космонавтом стать. Чуть позже подавал надежды в живописи. Даже подарил несколько полотен родителям.

Но хоккей все же полновластно вошел в мою жизнь, и больше не отпускал. Дед мой по линии отца профессиональным футболистом был, а папин брат мастером хоккея с мячом, в ту пору как раз этот вид спорта развивался. Ну, про спортивные подвиги Владимира Владимировича все любители хоккея с шайбой знают. Конечно, хоккейные гены не могли не сказаться и на мне.

Безусловно, наследникам спортивной славы отцов несладко приходилось. Многие люди неизменно сравнивали тебя с кумирами болельщиков, приносивших славу отечественному хоккею. Популярная фамилия в бытность мою игроком давила подчас непомерным грузом. Со всех сторон слышал: «Смотри, папа у тебя какой, а ты – раздолбай…» В особенности доставалось от тренеров ДЮСШ ЦСКА, где какое-то время я занимался.

Тогда требования, особенно к сыновьям прославленных хоккеистов, были значительно жестче. Хотя бы отдаленно должен соответствовать идеалу. Это сейчас в некоторых случаях можно привести парнишку в хоккейную школу по знакомству. В советское время так называемый блат не работал. Тем более если ты сын Петрова, Боброва, Александрова, других выдающихся хоккеистов. Психологически, повторюсь, очень сильно давило. В глубине души понимал: достичь спортивных вершин отца и его партнеров, видимо, нереально.

Мое поколение – Федоров, Могильный, Буре, ряд других известных всей стране мастеров. Классные хоккеисты, ярко проявившие себя не только в СССР, но и в НХЛ, кстати. Сравните, однако, папа мой двукратный олимпийский чемпион, многократный победитель мировых первенств, уж не говорю о гегемонии ЦСКА на внутренней арене. В составе армейцев Владимир Владимирович буквально штамповал золотые медали чемпионов страны. Главное – он и его друзья по сборной Союза прославляли страну. В этом смысле достижения мастеров моего поколения, даже лучших из них, согласитесь, скромнее.

Папа, насколько позволяло ему время, конечно, следил за моей подготовкой. По возможности вносил коррективы. Но он в те годы сам активно играл за клуб и сборную, свободных дней

для воспитания из меня подлинного мастера почти не оставалось. Помню, в мои восемь лет звал сыграть… в футбол в компании взрослых. Между прочим, умение гонять мяч очень даже пригодилось. В неполные 30 лет я пытался проявить себя и в этой игре, полгода выступал за дубль ЦСКА.

Стал чемпионом с «Зорким»

Но я несколько вперед забежал. В 16 лет передо мной дилемма встала. Либо завершать на серьезном уровне шайбу гонять, либо, разумеется, куда-то дальше двигаться. В связи с этим сказал отцу: «Давай попробую себя в хоккее с мячом, попытка не пытка. Красивый, динамичный вид». Мне действительно мяч нравилось гонять. Опять же хоккей. Отец одобрил.

Взяли в «Зоркий» из Красногорска, известный, популярный клуб. Представьте, получилось, смог органично вписаться в коллектив. В какой-то степени повезло. Согласно регламенту, в составе команд мастеров должны выступать двое молодых игроков. Минимум по тайму в каждом матче играть. К слову, отыграл в том сезоне больше половины встреч. Так, в 17 лет закрепился в основе. И трижды с командой выиграл чемпионат СССР.

А в 88-м уже со сборной отправился на первенство мира. Золото взять не удалось, но бронзу таки домой привез. В большой теннис также с удовольствием играл, даже стал кандидатом в мастера спорта. Видите, как меня кидала жизнь спортивная: от мяча к шайбе и обратно. В теннис, увы, давно не играю по состоянию здоровья, а шайбу до сих пор с друзьями гоняю.

Вернусь ненадолго в молодость. У меня была отсрочка от службы в армии – год. Затем призвали, а по окончании срочной службы отправился выступать за армейцев Свердловска. Сезон за них отыграл. Затем Владимир Владимирович посодействовал моему переводу в тогдашний Калинин, все-таки ближе к дому. Там цвета местного СКА защищал. Это хоккей с шайбой, вернулся к истокам.

В 89-м поиграл в ставшем мне почти родным «Зорком», спустя время уехал в Швецию, целых пять сезонов там провел. Еще год – в Финляндии. Не то чтобы ностальгия замучила – хотелось еще дома проявить себя. Позвали в ЦСКА, в то смутное время сразу два армейских клуба было из столицы. Пошел туда, где тренировали Крутов с Бабиновым. Под их руководством предсезонную подготовку прошел, контрольные матчи сыграл. Но в итоге не подошел по определенным причинам. Уже 36 мне тогда стукнуло.

Силы между тем оставались, и, вероятно, никакие локальные неудачи не могли погасить моего хоккейного энтузиазма. Отправился снова в Финляндию, месяца на три в общей сложности получилось. Оттуда – домой. Самому надоело

странствовать. Но вешать коньки на гвоздь не спешил.

Окончательно зажил в России в начале 2000-х. Как раз любительская Ночная лига создавалась, и почти сразу окунулся в неповторимую атмосферу хоккея. Для начала потренировался в хоккее с мячом, и тут подошли незнакомые на тот момент парни: «А в шайбу поиграть не хочешь?» – предложили они. Уговаривать не пришлось, согласился сразу. «Лавиной» команда называется. Уже почти полтора десятка лет с ребятами общаюсь. И завершать не собираюсь. Хотя самый старый я в команде и, наверное, во всей лиге.

Политику не обсуждаем

Ну, конечно, удается пообщаться с отцом, как говорят, в неформальной обстановке. Запомнилась, например, поездка в далеком 93-м в Штаты. Отлично отдохнули! Покатались на аттракционах, съездили на Гавайи. Посетили Канаду – Монреаль, Квебек, Торонто. Слетали в Нью-Йорк, Лос-Анджелес. В общем, месяца полтора кружили по Северной Америке. Разве такое забудешь?!

Но лучше отдыха, чем в России, все равно не найти. Это почти детские воспоминания, наверное, поэтому сладостные, упоительные. Относятся они к временам активной хоккейной карьеры отца и его партнеров, с которыми он десятки лет дружил, с некоторыми по сей день дружит.

В годы игры Владимира Владимировича за клуб и сборную хоккеистов отпускали со сборов на считаные деньки, порой часы. Люди созванивались и всей компанией ехали на шашлыки. Семьи Петровых, Михайловых, Харламовых, Лутченко. Чета Милосердовых из мира баскетбола присоединялась, да многие люди из других видов спорта. Представляете, сколько народу собиралось?! Под шашлычки спортсмены позволяли себе «чуть-чуть», все обычные люди, не отшельники.

Мы, дети, резвились на природе как могли – бегали, прыгали. Немножко хулиганили. Андрей Михайлов с младшим братом Егором тут же были, Саня Харламов, он в ту пору совсем маленький был. Мы так с ровесниками и общались: я чаще с Андреем, Саня с Егоркой. В принципе, я не шибко взрослым смотрелся, в разговоры старших не очень вникал. Да и зачем? У каждого возраста свои прелести, особенности.

Поездку в Ялту запомнил. Наверное, это любимое место отдыха в те годы. Наша семья с Харламовыми принимала солнечные ванны. Вот присутствовали Михайловы или нет, откровенно говоря, не помню.

Компанию составили Алла Борисовна Пугачева, Савелий Крамаров. Родители достаточно регулярно общались с ними. Популярный актер, шутя, по попке меня шлепал. Лещенко, Винокур тоже считались закадычными друзьями хоккеистов.

В годы игры Владимира Владимировича за клуб и сборную хоккеистов отпускали со сборов на считаные деньки, порой часы.

Элитная в то время гостиница «Ялта», центральный выход.

Пошли всей гурьбой гулять, местные достопримечательности осматривать, чистым воздухом подышать. Впереди шел Харламов. Кто-то окликнул его, Валерий резко обернулся, не приметив вплотную стоявший к нему фонарный столб. И – бац в него головой. Фингал приличный вырос. Уже в отеле всякие примочки хоккеисту делали.

Резко бьющего в глаза негатива от отца не помню. Он, по-моему, и в дни поражений на хоккейной площадке – иногда случалось и такое! – никогда дома не лютовал, излучал уверенность, спокойствие. Во всяком случае, на маму голоса не повышал. Видимо, упомянутая черта характера тоже досталась от него – как бы по наследству.

Чтобы вывести отца из равновесия, надо очень постараться. Как и меня, кстати, весьма сложно чем-то достать. Супруга моя, давно уловив этакий налет безмятежности во мне, в некоторые моменты подначивает: мол, я хоть за что-то или кого-то переживаю?! А как же, только внешне это может не проявляться, в себе эмоции, переживания держу. Ну, так устроен.

В раннем детстве, случалось, получал от отца шлепки. За дело. Ладонь-то его мощная, подлетал я, образно говоря, на метр… Редко, но применяю те же методы и к своему «мелкому» сынишке, ему сейчас пять лет. Вообще от четырех браков у меня в общей сложности четверо детей – двое сыновей, столько же дочек. Старшему сыну 25, самой юной особе всего три года, словом, я нынче молодой папа.

Вопросы политики, к примеру, не обсуждаем. Не потому, что не интересно, просто не наша с ним тема. Обговариваем, как правило, рабочие моменты, ведь трудимся в одном коллективе – ЦСКА. Текущих проблем набегает немало. И по организации соревнований в «Золотой шайбе», и в Фонде ветеранов хоккея.

Папа – непосредственный мой руководитель, поэтому каждый день сообщаю ему подробности. Если я и мои коллеги не совсем понимаем, как поступить, непременно обращаюсь к отцу. Он – мудрый, лучше разбирается в большинстве вопросов. Владимир Владимирович вовсе не давит своим авторитетом, доверяет нам, молодым. Ну, полной идиллии на работе не бывает, может и прикрикнуть, власть употребить. Это нормально. Отказать Владимировичу в исполнении каких-то моментов, конечно, не можем. Решение тех или иных вопросов, которые отец отстаивал, прошло в позитивном ключе.

Бабушка нас объединяла

В отличие от сугубо рабочих нюансов, в тонкости, подробности моей личной жизни папа никогда не вторгался. Не принято в нашей семье. Например, в процесс выбора моих спутниц жизни Владимирович не вмешивался. Здесь вообще терпеть не могу всяческих советов, рекомендаций и так далее.

Как, впрочем, не люблю быть зависимым даже в мелочах от кого бы то ни было. Скажем, кто-то из знакомых говорил: «Да попроси ты отца и Бориса Петровича, у них набор шикарных клюшек есть, пусть нам дадут». Да не могу я просить! Даже близких, родных мне людей. Мука сплошная, дискомфорт, понимаете?

Случился период, когда мы с Владимировичем потерялись в отношениях. Такое бывает. Может, «кризис возраста» на моем душевном состоянии сказался. Представьте, года три-четыре кряду не общались. Это давно было, лет пятнадцать назад. Наверное, в то время я себе очень принципиальным казался…

Нынче, конечно, все по-другому обстоит. Теперь не представляю, как можно с родным человеком не разговаривать, тем паче подолгу. Как и мои близкие, тоже не позволяю себе копаться в их личной жизни. Каждый из родителей мне по-своему дорог, значим. И в связи с этим не столь важно, где они, с кем, чем занимаются и прочее. Зримо чувствую: вот мои родители, которых я глубоко уважаю, искренне люблю. Родные люди играют определяющую роль в моей жизни.

Иногда слышу досужие разговоры: дескать, родители разошлись, стали едва ли не врагами и т. д. Совсем не аксиома, подобная ситуация возникает далеко не у всех. Можно и нужно сохранять как минимум уважительные отношения. У нас, Петровых, так и есть. Мама моя, к примеру, знакома с супругой Владимира Владимировича, он, в свою очередь, общается с мужем Надежды Аркадьевны. К слову, я тоже со всеми из них разговариваю без всяких затруднений.

На момент расставания родителей я уже взрослым человеком был. Жил, можно сказать, своей обособленной жизнью. Относительно спокойно воспринял перемены. Потому что для меня нет плохого, хорошего родителя. Никогда не разделял их на условные ячейки: этот, мол, не совсем хорош, а матушка, ну, воплощение добродетели. Мама с папой были, есть и будут самыми дорогими людьми независимо от привходящих моментов, каких-то обстоятельств.

Петровы – большая семья. Уже говорил, одних только моих

детей – четверо, думаю, впечатляет. Жил среди нас уникальный человек – наша замечательная бабушка, мама отца моего. Наверное, при жизни именно она являлась главой семьи. Кстати, так нередко случается и в других семьях. А с уходом бабушек, дедушек на какой-то период, порой весьма длительный, наступает некая, даже зловещая опустошенность. Потери-то на самом деле невосполнимые. Словно огромная частичка души, непомерного тепла уходит вместе с человеком. Безвозвратно.

Так вот, подчеркну еще раз: именно бабушка в основном всех Петровых объединяла. Собирала вместе, сплачивала. Многие праздники, дни рождения неизменно отмечали вместе без исключения. Бабуля очень энергичной слыла, особенно когда это требовалось, на ее взгляд. Она тонко чувствовала: вот мы отдаляемся друг от друга, надо бы всех позвать к себе, по душам поговорить. Звонила, ненавязчиво звала в гости, мы с удовольствием приезжали. И общались. Это же праздник души!

Глава семьи сочетала в себе не только потрясающие душевность и сердечность. Но и в меру властной особой была, примерно как ныне здравствующая – дай бог ей долгих лет! – Елена Николаевна Боброва. Никто не мог ослушаться бабушки, даже мой отец. Она в лучшем смысле держала всех в узде, у нее, как говорят в народе, не забалуешь. Действовала, разумеется, методом убеждения, доводы ее – неотразимые. Этакий семейный «моторчик».

Так вот, подчеркну еще раз: именно бабушка в основном всех Петровых объединяла. Собирала вместе, сплачивала.

С ее уходом краски семейной жизни Петровых заметно потускнели. Куда реже, чем прежде, видимся и общаемся. Хотя, казалось, должно быть наоборот: старше становимся, детьми обросли, внуками, имею в виду Владимира Владимировича. «Моторчика» нашего нет…

В связи с этими воспоминаниями, размышлениями вспомнились слова знакомого мне человека. Хотя мысль его, судя по всему, не нова. Он высказался в том плане, что нынче собираемся на дни рождения, другие мероприятия – иногда. Следует чаще общаться, если, конечно, чувствуем потребность. И дорожить подобными мгновениями. Потому что позднее – такое неизбежно – придется видеться по куда более грустным, даже печальным поводам. Жизнь так устроена, уж не взыщите за столь философские выводы.

Уроки Тарасова

Чем старше становился, тем отчетливее понимал, что наши с Владимиром Владимировичем взгляды на жизнь, в том числе на методы воспитания детей, восприятие семейных ценностей, многие другие немаловажные моменты совпадают. Почти во всем. Могут кому-то скучными показаться мои откровения, но, если принципиальных разночтений между близкими людьми нет, разве это плохо? Нынче, пожалуй, я отца «догоняю» – в плане того, что мудрее становлюсь, может, терпимее к определенным, не всегда адекватным поступкам людей.

В юности, правда, мне весьма и весьма доставалось от отца. Не в плане моральном. И даже не в физических наказаниях, которых почти не помню. А в смысле нагрузок в хоккее, которые он практиковал. Когда мне стукнуло 16 лет, отец в свободное от работы время пытался меня тренировать. Понятно, из благих намерений, чтобы я прибавил в уровне мастерства, как-то совершенствовался. Может, дальше стал бы мастером, отдаленно напоминавшим самого отца.

Увы, те мечты, надежды не сбылись. Во время занятий, которые проводил папа, меня даже подташнивало – настолько серьезными оказались его нагрузки. В тренировочном процессе Владимир Владимирович оказался жестким, требовательным, в чем-то неумолимым. Тогда, и тем более сейчас отношусь, с пониманием. Он сам прошел подобную школу, за счет которой и стал знаменитым хоккеистом. В годы его становления как игрока других вариантов и не было. То были уроки великого Анатолия Владимировича Тарасова.

Кстати, я еще застал тренировки Анатолия Владимировича, в чем, считаю, мне очень повезло. И что для меня является предметом особой гордости. Ведь сам Тарасов учил уму-разуму!

В связи с этим случались и забавные эпизоды. Анатолий Владимирович не просто посещал занятия 13—14-летних пацанов армейской ДЮСШ, среди которых был и я, а давал весьма непростые задания. Мы что есть мочи должны бросать шайбой в защитников, они принимали ее на грудь, как во времена легендарного защитника Ромишевского и его партнеров. Мало того, наставник призывал нас, форвардов, не жалеть своих друзей по команде, швырять в них диском со всей силы.

Мы, нападающие, понимали: если в точности выполним указание Тарасова, несдобровать после тренировки. Габаритные игроки обороны в раздевалке могли не на шутку нас проучить, проще говоря, побить за такие, с позволения сказать, «броски».

Ловили моменты, когда Анатолий Владимирович немного отвлекался от событий на площадке. И бросали шайбу не очень сильно – ребятки картинно корчились от боли, давая понять уважаемому специалисту, как непросто им пришлось.

Буквально все подобные занятия являлись настоящим испытанием на прочность, без преувеличения были очень тяжелыми. Лишь сугубо игровые тренировки чуть легче воспринимались, на то они игровые. А так, «рубка» шла отчаянная, в высшей степени нешуточная, почти «на выживание». Тот самый период времени, когда очень-очень многое дозволялось.

Били, «цепляли», у бортов просто «убивали». По уровню жесткости, крутизны нынешний хоккей, по-моему, несопоставим с тогдашним, явно уступает. Сейчас в этом плане игра смотрится мягкой, даже интеллигентной: чуть «зацепили», сразу свистят, удаляют. Раньше тебя, как говорили в хоккее, на «вилы брали», и – как давали в борт! Не только сам бортик, кости трещали и хрустели. В буквальном смысле.

Иногда мы в узком кружке размышляем на извечную тему: почему наши прославленные хоккеисты 60—70-х столь часто побеждали на крупнейших соревнованиях – чемпионатах мира, Олимпийских играх? Не в последнюю очередь именно потому, что обладали отменной физической формой. Видимо, благодаря тем самым очень насыщенным тренировкам, от которых, в частности, меня подташнивало.

Не всякий выдержит подобные нагрузки. Кто выдерживал, превозмогал боль, усталость, травмы, повышал мастерство, тот и побеждал, становился легендой отечественного хоккея. Как мой отец, например.

Еще принято говорить – менталитет тех замечательных во всех смыслах людей кардинально отличался, не в обиду сказано, от большинства теперешних мастеров. Тогда все-таки наши отцы, деды играли за Родину. Мозг, простите, так у них повернут. Подспудно в них сидело, вероятно, на генном уровне: сыграем плохо, страну подведем. Вот, наверное, потому так редко «подводили».

Вторая молодость отца

На мой взгляд, еще одним важнейшим фактором успеха папы и его друзей являлся потрясающий коллективизм. По-моему, это вообще самое главное, разумеется, при наличии высокого индивидуального мастерства, которым уж точно не обделены он сам и партнеры по ЦСКА, сборной СССР.

Немаловажна и дисциплина – игровая, бытовая в том числе. В общении с нами, молодыми тогда хоккеистами, давний партнер и товарищ отца – Борис Петрович Михайлов часто повторял: дисциплина бьет класс.

Почему, например, нынешний ЦСКА прилично выступает, демонстрируя стабильную, организованную, нередко красивую игру? Потому что в команде Дмитрия Квартальнова зримо ощущается дисциплина. У него коллектив сродни отлаженному механизму. Все ребята без исключения делают то, что должны делать. Вот бы еще в командном духе прибавить. Он, этот дух, есть. Но, на мой взгляд, некоторые недоработки в данном направлении имеют место быть. А так, надо работать. Команда перспективная, способная прогрессировать, добиваться весомых результатов, радовать многочисленных болельщиков.

Если вернуться к завораживающему хоккею отца, его партнеров, то игру того времени нет, наверное, смысла сравнивать с поколением действующих мастеров. Здесь уместно говорить вот о чем. Сопоставим, к примеру, тройку Михайлов – Петров – Харламов с молодыми их коллегами Макаров – Ларионов – Крутов. Последние мне лично представляются более техничными игроками. Трио Хомутов – Быков – Каменский вообще шедевральны в плане опять же техники. Мнение мое отнюдь не бесспорное, я его никому не навязываю, уважаемые наши читатели-болельщики. Думаю, из поколения хоккеистов отца, пожалуй, лишь Балдерис обладал подобным уровнем мастерства, как технари в звене Быкова. Снова никого не призываю непременно со мной соглашаться.

Сейчас, если игрок хоть немного с шайбой на «ты», он уже супер-пупер. Мы смотрели на Сашу Радулова, понимали, он – звезда. Хотя бы потому, что может делать на льду то, что другим не под силу. Остальные – просто хорошие мастера.

На мой взгляд, еще одним важнейшим фактором успеха папы и его друзей являлся потрясающий коллективизм.

Снова опустимся в 60—70-е. Там звезда на звезде. Что ни игрок, то имя. Чемпион мира, Олимпийских игр, некоторые становились триумфаторами по несколько раз за карьеру. Практически все личности, случайных людей в хоккее тогда не наблюдалось. Каждый – Легенда. Бери, ставь в состав сборной. И не только армейцев. Спартаковцев, динамовцев, из стана «Крылышек», горьковского «Торпедо», воскресенского «Химика» и т. д.

Повторюсь, те замечательные люди играли, прежде всего, за честь страны, о гонорарах, тем паче высоких, и не помышляли. Пообщайтесь с кем-то из них сами, откровенно, по душам. Легко поймете по тональности, настрою, образу их мыслей, что здесь я уж точно не ошибаюсь и не лукавлю.

Никого не осуждаю, просто констатирую: нынче мастера играют за деньги, и весьма-весьма приличные. Наверное, так должно быть, никакого тут криминала, другая жизнь совсем, точнее, ее уклад. Наши родители подобных средств близко не заработали, хотя возможность была. Например, игроков легендарной тройки Михайлов – Петров – Харламов звали к себе боссы профессиональных клубов НХЛ. Кстати, не только их приглашали. Истории-то известные. Известно также, чем они завершились. Да ничем, по сути.

Очень жаль, но в большинстве своем люди не до конца понимают, что выдающиеся хоккеисты советского периода буквально все отдали для прославления Отчизны. Ее безусловного величия. Причем в буквальном смысле. Здоровьем жертвовали, порой и жизнью. Ведь жесткие баталии на хоккейных площадках здоровья спортсменам не прибавляли, напротив, сокращали дни. Примеров масса.

Однако беззаветно любившие игру и глубоко почитавшие родную землю спортивные Легенды не считались с такими «мелочами», как личное здоровье. Пахали на тренировках, отдавали силы без остатка на площадке в битвах против мастеровитых, неуступчивых соперников. Не всегда, к слову, действовавших по-джентльменски.

Только спустя десятилетия славным ветеранам стали возвращать долги, в денежном выражении тоже. Тем, разумеется, кто пока жив, многие от нас, к сожалению, ушли – в силу возраста, из-за проблем со здоровьем.

Что касается ЦСКА, мы выплачиваем своим любимым «дедам» пенсии, кстати, много лет кряду. Раньше были буквально копеечные выплаты, сегодня неплохие деньги, на них можно прожить. Заслуга клубных руководителей несомненна.

По завершении хоккейной карьеры отца денег в семье не

хватало. Сбережений он не делал, все уходило на текущие расходы, наверное, так многие семьи жили. Как-то перебивались от зарплаты до зарплаты, выкручивались, старались где-то подработать. Мы, Петровы, в этом смысле не исключение. Был период, когда, по сути, работала одна мама – швеей. Юбки шила, продавала. Я тоже научился шить на машинке, маме таким образом помогал. Ничего, выжили.

В послехоккейной жизни отца сквозила некая неопределенность с его будущим. Точнее, невостребованность. Остро встал вопрос: куда пойти, чем заняться, как заработать деньги для семьи. Казалось бы, обычная ситуация не только в жизни великих, но и рядовых атлетов. Век их выступлений короток, следует готовиться к непривычным для себя испытаниям – в первую очередь психологического свойства.

Какое-то время после ухода из родного клуба – ЦСКА Владимир Владимирович помогал на тренерском мостике ленинградского СКА давнему партнеру и товарищу Борису Петровичу Михайлову. В начале 90-х папа возглавил, как известно, Федерацию хоккея России.

Позднее я понял по реакции и сдержанным рассказам самого отца, что ему просто не дали там работать. Ушлые от хоккея чиновники, образно говоря, съели неискушенного в околоспортивных интригах заслуженного мастера спорта, двукратного олимпийского чемпиона. Вот на льду Владимирович дал бы фору любому сопернику в честной, открытой борьбе. А плести интриги… Нет, не его это призвание!

После в какой-то степени драматических событий в федерации наступил некий провал в работе, та самая невостребованность. Хотя, видите, отец не сидел на месте, не ждал манны небесной, что-то предпринимал, пытался принести пользу любимому хоккею. Увы.

Как семья жила? Отчасти я рассказал. Добавлю, в 90-е сам еще играл. И для себя зарабатывал, и родным, естественно, деньги отдавал. Отцу все-таки пенсию платили, за выслугу лет в армии. Сумма невеликая, но это лучше, чем совсем ничего. Если маховик времени назад отмотать, то в конце 80-х папа вместе с друзьями организовал первую в Союзе команду «Звезды хоккея». Ветераны популярной игры ездили по городам и весям, давали уроки хоккея, общались с людьми, товарищеские матчи проводили с любительскими командами. Все равно очень скромные деньги привозил.

Вообще, если требовалось, отец никакой работой не гнушался. Помню, одно время даже ездил с артелью на лесоповал. Чем плохо? Разве лучше без денег сидеть? Пытался

сниматься в кино. Его, между прочим, пробовали на роль ковбоя в известной картине «Человек с бульвара капуцинов». Дома сохранилось видео кинопроб. Словом, в разных ипостасях проявлялся. Считаю, молодец! Носа не вешал, не отчаивался, не ныл – не в его характере.

Конечно, подспудно грызла мысль: очень хотелось ему в хоккее работать. Ну, просто не давала покоя. Понятно, столько славных лет провести в любимом ремесле, и фактически остаться не у дел. Врагу не пожелаешь. Но время было такое – 90-е на дворе. Сам-то хоккей, обожаемый народом вид спорта, пребывал в глубочайшем застое. И отнюдь не по вине легендарных мастеров.

Знаменитые игроки буквально рвались помочь своим опытом, талантом, советом. Однако всякий раз чинуши разных мастей били по рукам, панически боялись малейшей инициативы великих мастеров. «Отстаньте, отойдите, не нужны» – лейтмотив тогдашних околоспортивных функционеров. Беда еще в том, что не мог я полноценно общаться с родителями, выступал тогда в Швеции. В Москве был наездами. Папа с мамой иногда прилетали ко мне, хоть малейший контакт поддерживали.

Когда-то безвременье должно было завершиться. И оно, наконец, закончилось! Хочется верить, раз и навсегда. По-моему, отец вместе с Борисом Петровичем обрел нынче вторую молодость. Сейчас оба входят в состав наблюдательного совета родного клуба ЦСКА. Это ли не радость?! А был период, вспоминать даже не хочется, когда легендарных армейцев не то что на порог дворца спорта – на территорию спорткомплекса не пускали. По распоряжению деятелей из прежнего клубного руководства.

Наши «деды», так мы их любя называем, огромное внимание уделяют нынче развитию клуба, его дальнейшему становлению как одного из ведущих в стране. Руководители клуба тоже в долгу не остаются, проявляют заботу о ветеранах, об этом я уже упоминал. Чувство любви, почитания взаимные: от «дедов» отдача колоссальная. Прежде всего, глубоким, тонким пониманием хоккейных процессов, скрытых от глаза многочисленных поклонников игры. Их «подсказ» – как наиболее верно, точно и правильно поступить в той или иной ситуации, просто бесценен. Это прекрасно понимают в клубе. Впечатление со стороны – ветераны, любимые хоккейной публикой, проще говоря, народом, будто обрели вторую, может, третью молодость. С таким небывалым энтузиазмом работают они на благо родной команды.

Иногда слышу: что, дескать, с них взять, чем они полезны, эти старики? У них мышление, по мнению всяких «спецов», якобы

заскорузлое от времени. Чушь. С уровнем мышления, доложу вам, все отлично. Даже более чем.

> А был период, вспоминать даже не хочется, когда легендарных армейцев не то что на порог дворца спорта – на территорию спорткомплекса не пускали.

Те же хоккейные каноны ведь не менялись и меняться априори не могут. Потому что критерием оценки игры, работы тренеров, деятельности сотрудников клуба остается одно: успех или провал, правильно? Только внутри данных постулатов можно и нужно совершенствоваться, что мы все пытаемся делать. Поэтому вклад в общий успех наших ветеранов, повторюсь, бесценен. Они не просто умные – мудрые.

Легенды смотрят матчи, анализируют. Допустим, кто-то из нынешних игроков действительно способный, талантливый мастер. Но ведь это не всегда – правда, такое редко случается – может рассмотреть один, пусть даже великий, легендарный хоккеист. Потому наши ветераны и работают «могучей кучкой».

Вот пример, очень характерный, кстати. Даже знаменитый Анатолий Владимирович Тарасов мог ошибаться. После просмотра на сборах отправил Валерия Харламова в Чебаркуль, тот какое-то время выступал за местную команду. Анатолию Владимировичу ненавязчиво советовали вернуть Харламова в ЦСКА. Тарасов прислушался.

Сейчас невозможно себе представить, что хоккейный мир не узнал бы и не увидел выдающегося форварда на ледовых площадках. А ведь такое, не исключено, вполне могло произойти, не работай тот же Тарасов в связке с соратниками-специалистами. Думаю, пример исчерпывающий и ярко демонстрирующий, сколь необходимы ценные советы прославленных ветеранов уровня Михайлова с Петровым.

Аксакалы хоккея видят мастера со своей точки зрения. Есть еще позиция действующего тренера, а также других членов наблюдательного совета хоккейного клуба ЦСКА. И, когда мнения суммируются, вырабатывается общая линия в оценках, скажем, того или иного игрока.

Так что ветераны сверхактивно, полноценно участвуют в жизни ЦСКА, вырабатывают и принимают решения вместе со всеми заинтересованными, неравнодушными людьми. К их мнению стоит прислушаться хотя бы потому, что они сами что-то собой представляют как хоккеисты. Слава богу, поиграли, да еще как!

В свое время Борис Петрович Михайлов рассказал любопытную историю. Тренировал он команду и по ходу матча

советовал подопечному: мол, приезжаешь в зону и вот из этой позиции бросаешь по воротам. Игрок, похоже, с некоторым недоверием отнесся к рекомендации наставника. Тогда Петрович сказал ему: «Послушай, друг мой, с точки, о которой тебе говорил, я забросил кучу шайб». Действительно, так и было, здесь и спорить глупо!

Семейный подряд

В продолжение темы ветеранов. По-моему, хотя могу ошибаться, Владимира Владимировича и Бориса Петровича сближает как раз то, что они абсолютно разные по внутреннему устройству люди. Противоположностей, общеизвестно, притягивает друг к другу. Наши любимцы настолько разные – с мизинца на руке до волосинки на голове. В характерах, взглядах на жизнь. Опять же мое, сугубо частное мнение.

Были бы во многом схожи, вряд ли столько лет дружили бы. Но, конечно, их объединяет благородство во всем: в словах, разумеется, в поступках. В общении с людьми. Их личные взаимоотношения по большому счету очень заразительный и положительный пример для подражания. Хотелось бы хоть немного соответствовать эталону. И не мне одному.

Сегодня есть примеры иного свойства. Скажем, партнеры по бизнесу, да. Общались годами и в одночасье разбежались. По каким-то только им ведомым причинам. Затем делают вид, что не знакомы вовсе, подчас даже враждуют, интригуют и т. д.

Расхождения между Борисом Петровичем и отцом? Может, были в чем-то, но, во всяком случае внешне, никак не проявлялись. Я не видел «дутых» щек, испарины на лбу, других атрибутов недовольства, откровенной злости. Словом, мужики.

Разумеется, могут и, наверное, должны в чем-то не соглашаться, например в нюансах развития клуба. Но чтобы прилюдно конфликтовать, во всеуслышание кричать друг на друга – моветон. Подобное представить себе невозможно. Продолжают цивилизованно, нормально общаться.

Не скрою, очень рад, что дали старт долгожданному строительству хоккейной Академии имени Владимира Владимировича Петрова в родном ему Красногорске. Отец весьма долго и в меру настойчиво пробивал свой проект. Нынче в торжественной обстановке заложили первый камень в основание будущего здания академии.

Сейчас Красногорск возглавляет новый мэр, страстный поклонник хоккея и таланта Владимира Владимировича. Мэр тоже внес несомненную лепту в осуществление федерального проекта. Будут построены сразу два крытых катка, рядом со стадионом «Зоркий». Один – на пятьсот посадочных мест, другой – на тысячу.

Что еще добавить о семейных ценностях? Родители, конечно, любили друг друга. В большей мере их отношения могли бы служить образцом для подражания. Но, когда один родитель

постоянно в семье, а другой, в силу обстоятельств, почти все время отсутствует – имею в виду хоккейную карьеру отца, – отношения как бы меняются, трансформируются, что ли. Видимо, неизбежно так происходит, не только в нашей семье.

У папы, можно сказать, две жизни или жизнь, поделенная на две части. Одна почти всецело посвящалась спорту высших достижений, другая – когда он прочно обосновался дома по завершении хоккейных выступлений. События двух его жизней как бы абсолютно не пересекаются, хотя в чем-то, безусловно, дополняют друг друга, разнообразят.

Думаю, вряд ли отец сожалеет о прожитом им отрезке. Он давно состоялся как личность во всех отношениях. Никогда не слышал от него стенаний, раскаяний по поводу чего-то несбывшегося, неудавшегося. Да и не самоцель непременно бичевать себя – за что, для чего и почему надо это делать?

Общаюсь с ним, уже рассказывал, постоянно. Владимир Владимирович отходчив по характеру, каких-то обид, шероховатостей долго не помнит. Я весь в него, сказал бы, копия. Немудрено, родные люди. Представляюсь себе излишне добрым. А надо в каких-то ситуациях быть жестче с отдельными товарищами. Не могу, не получается, весь в папу.

В основном отец критикует меня по работе, и то редко. За внуков журит: обещают деду выполнить то-то и то-то, а не всегда обязательны. Хотя, считаю, каждый должен сам отвечать за собственные слова и поступки.

Конечно, ездим в гости: он к нам, мы с ответным визитом. Не можем друг без друга. Нотаций Владимир Владимирович никому никогда не читает, занудой не слывет. Если требуется, сразу «вставляет», и все. Бабушка, мама моя, почти все время меня отчитывала, теперь внуков воспитывает. Сетует, что они иногда не прислушиваются к ее мнению. Обычная житейская история. Слава богу, критические стрелы в мой адрес уже не запускает. Разве что от супруги мне попадает за мелкие недоработки.

Старший сын мой женился, детей пока не завел. Пусть сначала на ноги как следует встанет, тогда подумаем о потомстве. Признаться, дедушкой стать пока не готов – психологически. Не созрел.

Сын – Кирилл, о котором только что упомянул, трудится в нашем клубе, решает вопросы по «Золотой шайбе». Я, кстати, занимаюсь аналогичными вещами. Кирилл окончил соответствующий вуз, где специализировался на подобных проектах, скрупулезно изучал многие нюансы. Нынче органично вливается в дружный коллектив единомышленников. У нас своего рода семейный подряд, в лучшем смысле слова. Каждый

занимается любимым делом. Здорово!

Без хоккея не могу, убедился в этом, когда пытался заняться чем-то другим. Игра давно вошла в мою плоть и кровь. Младшего сынишку тоже приобщил к хоккею, тренируется, понятно, в ЦСКА. Вообще он очень разноплановый человек: кроме тренировок на льду, играет в футбол, катается на горных лыжах, плавает, еще большим теннисом увлекся. Какой вид предпочтет для более серьезных, углубленных занятий, не знаю. Непредсказуемо. Настаивать, давить на психику ребенка не стану, он сам должен определиться.

С Егором Михайловым поигрываем в одной лиге, вместе тренируемся. Да и с Саней Харламовым в одной команде рассекаем. Пару раз в год обязательно выступаем в турнирах той самой, знаменитой тройкой Михайлов – Петров – Харламов…

Хоккей как образ жизни

Теперь самое время предоставить возможность рассказать об отношениях с легендарным отцом – Борисом Петровичем Михайловым – его младшему сыну Егору. О нем как раз нередко упоминал в своем повествовании друг детства, юности и нынешней поры Максим Петров. Ребята – и это прекрасно – по сей день поддерживают отношения, работают в одном клубе, разумеется, ЦСКА.

– Будучи действующим игроком, папа, дай бог, раз в месяц приезжал домой, – говорит Егор. – Советская система подготовки к матчам была очень жесткой, в чем-то даже жестокой. График чрезвычайно плотный, почти не оставлявший времени на общение с близкими людьми. Здесь ничего не поделаешь.

Маленьким залезал на стул у окна тринадцатого этажа, ждал, пока отец на своей «Волге» подъедет к подъезду дома. Автомобиль с характерным номерным знаком «013». И, как только машина плавно выруливала к дому, стремглав бежал встречать отца, уж больно по нему скучал. Потому еще встречи были столь сладостными, желанными.

А к тому времени, когда отец стал помогать Виктору Васильевичу Тихонову в роли тренера, мне всего-то лет семь исполнилось.

Где еще, кроме как дома, мог увидеть родного человека? Разумеется, в стенах старого дворца спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте. Вместе с мамой, приоткрыв рот от восхищения, наблюдал за тренировками великих армейских хоккеистов. Удовольствие ни с чем не сравнимое. Что-то подсматривал у них, учился, просто восторгался. По окончании тренировки мне позволяли зайти в раздевалку к игрокам, моим кумирам. Удавалось немного поговорить с отцом, его партнерами по клубу.

Отец многое для меня делал и делает. В том числе помогал во время активной хоккейной карьеры. Советы мудрые давал, разве такое забудешь, это на всю оставшуюся жизнь. К сожалению, папа далеко не всегда имел возможность присутствовать на моих тренировках и во время матчей по причине занятости.

Если сравнить со старшим братом, Андреем, то меня, наверное, родители откровенно баловали, как младшего ребенка. И времени больше уделяли, и подарков вдоволь привозили. Понятно, к маленьким в любой семье особое, трепетное отношение.

Когда папа впервые по окончании карьеры игрока отправился в Ленинград тренировать местный СКА, мама, конечно, иногда навещала его. За мной в подобных случаях присматривал старший брат. Успевал из детсада забрать, погулять, накормить. Ну, просто второй отец родной! Спасибо ему.

Еще, представьте, брал с собой на тренировки, ведь Андрей увлекся хоккеем не на шутку. Серьезно им занимался, играл на приличном уровне. Нас с братом, разумеется, все работники дворца спорта ЦСКА знали в лицо. Я, можно сказать, с утра до вечера там находился. На Андрея действительно серьезная нагрузка легла. Но он справился тогда, молодец.

Отец всегда для нас с Андреем открыт в плане общения. И сегодня в том числе. У него, правда, в отношении сыновей давно выработалась своя линия поведения, философия, что ли. Он не прочь советовать в определенных жизненных ситуациях, но принимать решение мы должны сами. Считаю, правильно. Люди, тем паче уже взрослые, обязаны самостоятельно думать, решать, поступать, а не только и не столько с родительского благословения. Никогда папа не заставлял делать что-то по своей указке, лишь высказывал профессиональную точку зрения, например по хоккейным вопросам.

> Советская система подготовки к матчам была очень жесткой, в чем-то даже жестокой.

В 96-м я отправился в Америку попробовать силы в тамошней юниорской лиге. Там, кстати, хорошо знакомый российским болельщикам Валерка Буре играл. Увы, сильно мне не повезло. Угодил в автомобильную аварию, будучи с командой в автобусе. Он попросту перевернулся. Из всех ребят только я один серьезно пострадал. Много крови потерял, получил сотрясение мозга, сильнейшие, глубокие порезы. Пару пальцев на руке вообще не чувствовал, они не работали. Больше шести месяцев не играл в хоккей. Тяжелый период – психологически. В жизни в целом, в любимой мною игре в частности.

Конечно, отцу позвонил. Можно было в Штатах остаться либо домой вернуться. Требовался совет родного человека в столь непростой ситуации. Не скрою, мечтал сыграть за российскую сборную на молодежном чемпионате мира. Отец как раз подсказал, что, на его взгляд, лучше вернуться в Россию, подлечиться, сил накопить, набраться опыта. И попытаться в состав «молодежки» пробиться. «Если хочешь на первенстве мира сыграть, возвращайся», – вполне конкретно заметил тогда Борис Петрович. Я так и сделал. По-моему, не ошибся, не прогадал.

Тот его совет, как показало время, оказался своевременным,

точным, профессиональным и человеческим. Вернулся, поехал на чемпионат мира, заветная мечта сбылась. Очень благодарен папе! С командой до финала дошли, там уступили в овертайме финнам, чуток не дотерпели. Это самое обидное. Ничего, серебро тоже неплохой результат. Главное – успел восстановиться после инцидента в Америке с падением автобуса. Вернулся-таки в большой хоккей.

К сожалению, реже стали собираться нашей большой семьей, отмечать общие праздники. Думаю, дело поправимо. Кто-то из нас, представителей молодого поколения Михайловых, иногда не мог составить компанию. Занятость не позволяла. Хотя регулярные ссылки на нее порой неуместны.

Нынче отец чаще навещает нас, чем мы его и маму. Приезжает в гости с любимыми внуками пообщаться. Скучает по ним. У моего сына, Никиты, внука Бориса Петровича, практически каждый день тренировки плюс, конечно, учеба в школе. Времени на полноценный контакт почти не остается.

Обожает и двух внучек, детей старшего брата, Андрея. Папа, полагаю, идеальный отец и дед. Никиту, к примеру, просто избаловал подарками. В домике подмосковного поселка Поварово, где родители живут и отдыхают, у отца имеется уникальная коллекция спортивных наград. В том числе хоккейные шайбы.

Для продолжателя семейных спортивных традиций, внука Никиты, любимейшее занятие – приезжаем на дачу, он стремглав бежит в заветную комнату. Там его ждут кубки, медали, шайбы разных периодов. Сувенирчик, подаренный дедом, Никита обязательно привозит домой.

Довелось играть под руководством отца, огромное, считаю, счастье. Многое для себя почерпнул в профессиональном плане. Не то чтобы между нами конфликты возникали, так, рабочие моменты обсуждали. Да, порой эмоционально. Хоккей – не камерная игра, в меру азартная, темповая, с очень скоростной сменой «декораций». Кто-то из моих знакомых, видимо, не слишком информированных, небрежно бросил фразу: дескать, папа мой слишком жесткий человек, работать с ним или под его началом почти невозможно. Неправда!

Маму на руках носил

Просто он очень честный, справедливый, да, требовательный, а каким должен быть старший тренер? Чтобы подопечные, образно говоря, веревки вили из него?! Отец никогда такого не допустил бы.

Борис Петрович буквально требовал от нас выкладываться на все сто во время тренировок, матчей. Как по-другому? Кому-то, судя по всему, не импонировала требовательность отца, ну, это их проблемы. Сын не сын, все равно обязан доказать своей игрой право на место в составе. На мой взгляд, предельно честно по отношению ко всем хоккеистам без исключения.

Настолько хорошо воспитали нас родители, что мысль о возможных конфликтах, например в моей семье, даже не возникает. Моя супруга Анжела прекрасно общается с моими родителями. Очень радует, что царит полное взаимопонимание в нашей большой семье. Вообще мне есть с кем сравнивать, что анализировать. Тем паче здесь и не требуется глубокой аналитики. Просто наблюдай, как жили и живут папа с мамой, как они общаются, в чем-то перенимай жизненный опыт. Я так и поступаю. Ну, не слепо, конечно, с учетом возрастного фактора.

Первый мой брак, откровенно говоря, не сложился. Разумеется, папу с мамой есть о чем поспрашивать в плане семейных отношений. Их подчас ненавязчивые подсказки очень даже кстати. Ведь наши замечательные родители отметили в прошлом году золотую свадьбу!

Еще в детстве, юности наблюдал со стороны, как отец с мамой общается. Да он буквально на руках носил любимую женщину, чем не пример?! Даже нынче пытается носить, невзирая на солидный уже возраст. Мама тоже очень заботливо, трепетно к папе относится.

В советское время все непросто обстояло: папа постоянно на сборах с командой, подготовка к матчам, бесконечные разъезды по стране и миру. Домашнее хозяйство исключительно на одной маме. Приготовить надо, детей накормить, отвезти, привезти, проследить за выполнением уроков и тому подобное. На самом деле тяжелейший труд женщины. Мы, мужчины семьи Михайловых, очень ценили и ценим усилия мамы до сих пор.

По примеру родителей стараюсь своей супруге, по мере возможности, облегчить быт. Чтобы удобно, комфортно жилось и ей, и сыну нашему, Никитке. Ни в коем случае не стеснять в чем-то Анжелу, не мешать ей. Перед глазами – пример замечательных, просто-таки потрясающих отношений папы с мамой.

По жизни иногда требуется быть строгим. Я не о себе – об отце. В бытность капитаном ЦСКА и сборной Борис Петрович проявлял присущие ему качества безусловного лидера. Но в жизни, за пределами хоккейной площадки, он совсем другой человек. В меру мягкий, обходительный, не лишенный чувства юмора, даже самоиронии.

Люди, пытавшиеся судить об отце со стороны, часто не в курсе его истинных качеств – человеческих, профессиональных. Они словно пребывают в плену набивших оскомину стереотипов.

Если вспомнить пору детства, юности, вряд ли папа строго с нами, детьми, держался. Скорее он, как я уже говорил, справедливый, требовательный. Отец, к слову, нередко по-доброму подтрунивает надо мной и сыном. Даже налета злости не ощущается в его словесных пассажах. Так он устроен.

Конечно, Михайлов-старший мог не простить каких-то вещей определенным людям. Они, в свою очередь, копили обиды на него, не исключаю. Мне как раз отец импонирует открытостью, честностью. Он никогда о человеке не скажет за его спиной гадостей. Всегда откровенно поговорит, невзирая на лица. Свое мнение, пусть и нелицеприятное для кого-то, высказывает прямо в глаза. Так было, есть и, не сомневаюсь, будет.

…Даже не нашу кассету, а канадского производства несколько раз пересмотрел, порой и сейчас пересматриваю. Потому что хоккей того времени – праздник души. Да, те самые матчи легендарной серии 1972 года глубоко запали в душу и сердце. Затем встречи четырьмя годами позже – потрясающе!

Мне родители, кстати, никогда не вбивали в голову, что я непременно должен достичь спортивных высот отца. Может, в чем-то даже превзойти. Иначе, дескать, общаться со мной не станут. В нашей семье подобное невозможно.

Папа, напротив, доброжелательно подсказывал, помогал. Показывал, как лучше выполнить, например, тот или иной хоккейный прием. Как тоньше, быстрее, точнее развить в себе навыки тактического мышления и прочее. Не ругал за какие-то промахи, недочеты, хотя, наверное, мог бы, имел моральное право. Чаще ободрял, хвалил, словом, направлял в нужное русло. И в детстве, когда я только начинал свой путь в хоккее, и в зрелые по спортивным меркам годы. Отец внутренне всегда настроен на позитив, понимаете?

Для папы хоккей во всех его проявлениях – своего рода наркотик в лучшем смысле слова. Потому он столь часто посещает мероприятия, так или иначе связанные с нашей замечательной игрой. Сидеть дома ему, видимо, противопоказано самой природой. Это его образ жизни, сложившийся

десятилетиями.

Борис Петрович старается не пропускать тренировок внука. Очень внимательно наблюдает, оценивает, советует. Может, если необходимо, приструнить мальца. Дескать, работай, внучок, нормально. Никита – мальчик с характером, проигрывать не любит, как в свои лучшие годы и дедушка. Так что внук, хочется верить, пошел в династию Михайловых. Манерой игры, настроем, почерком, любовью к хоккею.

В жизни сынок мой в меру упертый, благо есть кому подражать и от кого наследовать неуступчивость. В детстве, юности я тоже, признаться, слыл сорвиголовой. Но приезжает дед, дает указания, и внук преображается на глазах. Установки любимого, уважаемого дедушки выполняет беспрекословно и с видимым удовольствием. По-моему, он куда чаще к советам Михайлова-старшего прислушивается, чем к моим указаниям. Так сложилось. Борис Петрович все-таки безусловный авторитет.

Параллельно с учебно-тренировочным процессом идет процедура задаривания. Дед то шайбу сувенирную привезет, то брелок с шоколадкой. С популярного турнира «Русская классика» Никита удостоился шапки с символикой соревнований. Гордо носит ее.

Учителя вместе с нами болели

– Отец как думает, так и говорит. Как говорит, так и поступает, дела не расходятся со словами, – утверждает старший сын Бориса Петровича Михайлова Андрей. – На мой взгляд, с течением времени человеческие ценности заметно нивелировались, стали менее привлекательными в глазах некоторых людей.

Тем не менее для меня есть святые понятия. Например, родителей, как и родину, не выбирают. В моем мироощущении понятия отнюдь не затасканные, а наполненные конкретным глубоким содержанием. Это как само собой разумеющееся.

Когда помогал отцу в СКА, существовало четкое разделение: работа работой, дом домом. Нельзя смешивать данные вещи, они не пересекались у нас никогда, к примеру, в процессе профессионального общения.

…Очень много времени в детстве проводил в здании еще старого дворца спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте в столице. Почти дневал и ночевал там. С удовольствием смотрел тренировки отца и его партнеров по ЦСКА, праздник души, сказал бы. Есть расхожее выражение, что дети артистов, не всех, конечно, но многих, выросли на подмостках сцены или на съемочных киноплощадках. Пока родители трудились. Ведь действительно так было.

О себе тоже с полным правом могу сказать, что рос в потрясающей, замечательной атмосфере хоккея – неизгладимые впечатления на всю мою дальнейшую жизнь. В лучшем смысле слова. Под сводами старенького дворца спорта ЦСКА, без прикрас, творили спортивную историю лучшие хоккеисты страны и мира, наши отцы. Подобное не забывается.

В свои пять лет вместе с мамой на трибуне «Лужников» наблюдал за матчами легендарной Суперсерии советской сборной против канадских профессионалов. Естественно, мало что запомнил, слишком маленьким еще был. Зато репортажи с Олимпиады 1980 года тринадцатилетним подростком уже отчетливо помню. Учителя сами не выдержали, прямо во время урока включили нам телевизор. Ведь среди школьных наставников немало было поклонников хоккея, в те годы царило просто какое-то сумасшествие – в хорошем смысле. Почти вся страна, наверное, отчаянно переживала за наших игроков.

Включили телик, чтобы посмотреть матч с американцами. Непостижимо сильным, горьким разочарованием явилась для всех нас та встреча за олимпийское золото. Конечно, никто не ждал,

что любимцы советских болельщиков проиграют…

Папу в бытность его игроком редко дома видели. И со спортивной базы, где армейцы или хоккеисты сборной готовились к матчам, особо не позвонишь. Даже отцу как капитану сборной никто поблажек не делал, персонального телефона, разумеется, не предоставляли.

В редкие свободные от тренировок и матчей деньки папа приезжал домой. На редкость сладостные мгновения коротких встреч. Затем снова поездки по стране и миру, подготовка к играм, поединки на хоккейных площадках. Тогда, казалось, этому не будет конца.

Стараемся все-таки, при всей занятости, собираться хотя бы на дни рождения членов нашей большой семьи. Врезались в память следующие слова отца: «Вы, родители, воспитываете своих детей, мы, дедушка с бабушкой, будем их только баловать». В общем-то, так и происходит. Роли четко распределены.

С чувством юмора у Бориса Петровича все в порядке, даже, сказал бы, отлично. В его компании никогда не скучаем. Отличительные, пожалуй, самые сильные черты характера отца – честность, порядочность, открытость.

С родным братом Егором общаемся нынче не очень часто, как хотелось бы. Заняты оба, как говорится, «под завязку». Будучи человеком женатым, ответственным, Егор больше времени уделяет семье – жене и сыну. Плюс мы с ним оба напряженно работаем в любимом нами хоккее. Но все равно созваниваемся, иногда видимся.

Американский внук

Судьба этого молодого человека не совсем обычная. Ему всего 31 год, а большую часть жизни обретался за океаном. И не потому, что родину не любит, этакий диссидент. Нет. Так сложилось. Сейчас вы сами все узнаете.

Станислав Александров, внук легендарного мастера хоккея – Вениамина Александрова. Вениамин Вениаминович из той самой незабываемой тройки ЦСКА и сборной СССР Локтев – Альметов – Александров. Мне, по счастью, довелось воочию наблюдать за их потрясающей игрой, возраст уже позволял.

Итак…

– Было мне три года, когда успел с дедом пообщаться, – вспоминает Станислав, ныне сотрудник хоккейного клуба ЦСКА. – Мало что помню. Зато отчетливо. Как дедушка, например, учил меня простым вещам, трепетно опекал. Гуляли с ним по территории дачи, дед все время направлял: как не пораниться острыми предметами, не споткнуться, больно не упасть.

Отложилось в душе. И сказывается в манере общения с людьми, проявлениях заботы о них. Словом, я не «отмороженный» парень, который печется только о себе. Вы еще убедитесь в этом из моих рассказов. Не случайно окружающие мне говорят, что не только внешне похож на Вениамина Вениаминовича, но и характер его унаследовал. Это важно. На коньки, как принято говорить, меня уже не дед, отец ставил. В шесть лет.

Долго в Америке прожил. Родители развелись, когда мне было всего два года. Мама полагала, что в России находиться бесперспективно. Достичь чего-то существенного, по ее мнению, невозможно. В плане развития, роста надо уезжать. И сама рассчитывала на успех там, за кордоном. Потому мы и улетели.

Отец между тем остался тогда в России. Его нынешняя супруга – как раз мамина подруга еще с институтской скамьи. Так несколько замысловато складываются судьбы близких мне людей. Папа тоже выбирал себе подходящий образ жизни. В хоккей поигрывал, в армии служил, какое-то время посвятил военной разведке. И бизнесом занимался, в общем, много чего перепробовал.

> Меня почти все время воспитывали в том духе, что в России многое плохо, надо реже туда возвращаться, может, и вовсе отказаться от поездок.

В бизнесе, к слову, нашел правильных, приличных людей, что

немаловажно. Мой родитель старается пользу приносить стране, позитивно влиять на ту или иную ситуацию. Нынче его бизнес далек от хоккея. Тем не менее игру по-прежнему любит, по возможности посещает матчи с участием нашего клуба.

По окончании профессиональной карьеры – она, к слову, не столь успешной оказалась – папа продолжал выступать в любительском хоккее. Когда сердцем прикипел к игре, не так просто оставить давнюю любовь-увлечение, да и зачем? Ближе к сорока, помню, отец еще гонял шайбу. Где-то в районе «Речного вокзала», на льду дворца спорта «Умка», в других местах. Но это недолго длилось. Каков нынешний любительский хоккей? Да, люди с шайбой на «ты». Но попутно, и прежде всего, общаются с партнерами по бизнесу, решают вопросы. Как только бизнес-интересы здесь пошли на спад, то и матчи потихоньку сошли на нет.

Мама сконцентрировалась на моем становлении, юного в те годы создания. Со Штатами, не секрет, у нас многое связано: недвижимость осталась, по сути, жить там можем. Летал туда несколько месяцев назад, последнее время живу в России. А мама до сих пор там обитает. Последний раз прилетала на похороны Миши Боброва, трагически погибшего в автомобильной аварии. После чего почти сразу вернулась в Америку.

Матушка немного переживает, ей казалось, что здесь ничего не изменилось. Все-таки обещала скоро вернуться, маму свою навестить, Елену Николаевну Боброву, супругу Всеволода Михайловича. Стараемся в этом смысле отношения склеивать, поддерживать. Не всегда, правда, удается.

Гонять шайбу начал в семь лет, жили недалеко от Флориды. Затем переехали под Принстон, на границе Пенсильвании и Нью-Джерси. Получилось, в «жилу» попал. Русский мальчик из хоккейной семьи и т. д. Меня сразу взяли в местную школу, конечно, в нападении играл. Хотел традиции поддерживать, дед и отец – форварды.

Тогдашние люди в Америке лишь отдаленно слышали о великом хоккеисте Вениамине Александрове. В силу объективных причин: о спортивных подвигах легендарного дедушки могли знать подробнее болельщики старших поколений. Молодежи больше известны фамилии современных мастеров, скажем, Сергея Федорова, Павла Буре и других.

Профессиональный хоккей начался для меня уже в Канаде. В юниорских лигах выступал. В двенадцать лет переехали с мамой в Торонто, то считалось высшей лигой в школьном возрасте. Для детей достаточно высокий уровень, уже готовят пацанов к взрослому хоккею.

Меня почти все время воспитывали в том духе, что в России многое плохо, надо реже туда возвращаться, может, и вовсе отказаться от поездок. Примерно так и воспринимал реалии, юным еще был. Несколько прозрел, когда стал здесь жить. Да и папа в России. Он в свое время прилетал в Америку, на целых два с половиной года. Бизнес свой вел. И отношения родители пытались наладить. Увы, не получилось.

> Ему всего 31 год, а большую часть жизни обретался за океаном. И не потому, что родину не любит, этакий диссидент.

Да, жил одно время, как говорят, на два дома. Тетя родная, бабушка, Елена Николаевна, немало близких мне людей в России. Не выдерживал разлуки, прилетал, общался. И снова возвращался. Потому что стал играть в юниорской лиге Америки, это весьма ответственный шаг. Времени в обрез даже на личную жизнь.

До двенадцати лет считал, что фамилия непременно обязывает играть. Но игрового «голода» не испытывал. Он, «голод», вернулся к пятнадцати годкам. Зримо увидел плоды своих трудов на площадке, замаячила перспектива попасть в приличный клуб НХЛ. Просто начал осознавать, что я уже далеко не ребенок, что тамошние тренеры выделяют меня из сорока ребятишек в команде. Готовься как следует, отличайся в матчах – мотивация весьма мощная.

Деньги, в том числе и в хоккее, – вещь немаловажная. Но куда важнее, по-моему, поддерживать имидж семьи, фамилии. Не позориться. А деньги придут, если грамотно делаешь свою работу. Передо мной примеры моих родителей, их знакомых, друзей. Они приоритет учебе отдали. В общем, не хоккеем единым.

Души прекрасные порывы…

Всю жизнь играю. В 26 лет, однако, пришлось завершить карьеру профессионального хоккеиста. Почему? Думал, здоровья хватит надолго, молодым был, полным сил. Но появились всякого рода проблемки, с руками, к примеру. Без них не только на хоккейной площадке, в жизни-то не обойтись.

Не поверите, а я играл в России, в том числе в команде Виктора Васильевича Тихонова, еще под руководством Быкова Вячеслава Аркадьевича. В 2006 году в частности. Болельщики, может, вспомнят, я порядка двадцати матчей за ЦСКА сыграл. В «Крыльях» тоже выступал, там скромнее, двенадцать-тринадцать встреч провел.

Теперь удел – любительский хоккей, без любимого занятия жизнь пресной видится. Друзья иногда просят поддержать компанию, сыграть в турнирах, посвященных замечательным ветеранам. Как тут откажешь? Кощунством с моей стороны было бы. Катаюсь нынче три-четыре раза в неделю с моими неизменными друзьями – Егором Михайловым, Максимом Петровым, другими ребятами. С ними словно очередную молодость переживаю. Собственно, и так молодой, всего-то 31. Но в их компании преображаюсь, в душе еще моложе становлюсь.

Последние два года до завершения профессиональной карьеры играл в Америке. Понимал, чувствовал, тяжело с духом собраться на тот или иной матч. Там рубка всегда идет нешуточная. Да, не столько физически, сколько морально непросто. Из-за травм. Их последствия все время сказывались на настроении, появлялся внутренний дискомфорт. Это в ранней юности легко, почти играючи преодолевались трудности. Ближе к тридцати все сложнее дается, на себе прочувствовал. Мне вот по полтора часа до начала матчей в Америке руку в норму приводили – перематывали ее, буквально «колдовали» над ней врачи. Долго ли протянешь таким образом в профессиональном хоккее? Нет, конечно.

…Был момент, когда папа мой серьезно заболел. На тот период редко с ним общался – в силу занятости, огромных расстояний и т. д. Мама, мудрая женщина, подсказала ненавязчиво: повидай отца, пообщайся с ним. Мол, если упустишь такую возможность, многое в жизни рискуешь потерять. Совесть замучает, не даст покоя чувство, что чего-то недоделал в жизни, недодал частичку тепла родному человеку. Достучалась до моего сердечка без труда, я нормальный, неравнодушный парень. Поэтому практически сразу, не размышляя, отправился на

свидание к папе.

Жизнь его изрядно «тестировала», словно проверяя на прочность. Чуть раньше рассказал, что на спортивной стезе, армейской службе, да и на личном фронте ему пришлось пережить непростые времена. Неудивительно, возникли проблемы с сердцем. За состояние мамы, к слову, тоже пришлось в свое время сильно переживать, беспокоиться. Болела-то серьезно. Одна из причин, почему она не может пока приехать в Россию. Наблюдается у доктора. Слава богу, нынче маме лучше стало, кризис преодолен.

Завершу, пожалуй, свой рассказ об американском периоде. Учился я в частных школах и солидных университетах. Совмещал, кстати, учебу с тренировками, матчами. В России, в МГУ, учил русский, шлифовал особенности родного мне языка.

А там, за бугром, постигал азы бизнес-экономики. Это немного другая тема, не как здесь. В принципе, как уже сказал, старался учиться, играть в хоккей. Не случайно студенческие команды столь сильны в Америке и Канаде. Там приветствуется выбор: если что-то не получается в большом хоккее, можно и нужно попробовать силы в университетских коллективах. Многие мои тамошние знакомые, друзья так и поступили: играли в Гарварде, Принстоне, других местах.

Сто долларов за «мир»

Никогда не забуду о поколении игроков деда, в том числе его молодых коллегах по хоккею. Еще в детстве меня познакомили с легендарным Александром Павловичем Рагулиным, прекрасной семьей Кузькиных, многими другими замечательными мастерами. Общаюсь, к примеру, с потрясающим Владиславом Александровичем Третьяком, и не только с ним, разумеется.

Чувствую, по сей день должок перед ними неоплаченный. В плане высокой духовности, выдающегося их мастерства, незабываемых человеческих качеств. Сызмальства вырос на рассказах об этих людях, родители посвящали в подробности. И проникся аурой, хочется верить, впитал все самое лучшее.

К сожалению, такие хоккеисты и тренеры, как Анатолий Владимирович Тарасов, Аркадий Иванович Чернышев, Всеволод Михайлович Бобров, Виктор Васильевич Тихонов, своего рода исчезнувший вид. Мне очень грустно, если откровенно. Люди-уникумы. О них никогда не забуду, они в сердце моем. В детстве, по понятным причинам, не очень понимал столь простые истины. В пору взросления осознал, прочувствовал великую душу мастеров. Ведь я сам хоккейный человек, мне близки подобные вещи.

Конечно, хоккей деда и его партнеров по ЦСКА, сборной СССР смотрел и смотрю, благо Интернет позволяет. Очень техничная, сказал бы, ажурная манера игры. Образно говоря, «ниточка с иголочкой». На языке домашней хозяйки, продеваешь нитку в игольное ушко и шьешь узоры на льду. Таким тончайшим, на мой взгляд, искусством хоккея владел дедушка, его друзья.

Меня воспитывали в атмосфере уважения к людям. И, если человека уважаешь, необязательно кричать на него в минуты раздражения. Надо держать себя в руках, не поддаваться соблазну сорвать на собеседнике злость. Подобного склада человеком был и Вениамин Вениаминович.

Конфликты между тем случались. Насколько помню, между отцом и дедом. Весьма строго в некоторые моменты дедушка относился и к моей родной тете – Наталье. Но разговоры, пусть и жесткие, все равно оставались в рамках приличий, не переходили в банальную ругань, тем паче истерику.

Дед ненавязчиво внушал своим детям мысль об успешной, по возможности, учебе в высших заведениях. То есть видел их в своих мечтах умными, достойными людьми, способными уважать окружающих. Убеждал их искать собственный путь в жизни, а не

рассчитывать на чью-то протекцию со стороны. Дед, к примеру, открыто говорил моему отцу: «Ты все равно не станешь лучше меня в хоккее». Видимо, давно подметил и оценил возможности отца-хоккеиста. Тем самым ориентировал сына на поиски верного пути. «Иди, учись, пробивайся сам», – говаривал дед.

Отец мой, Игорь Вениаминович, прислушивался к ценным советам. Позднее столь же взыскательно относился и к моим выступлениям на хоккейной площадке. Говорил, может, банальные фразы, но от этого не менее значимые: дескать, надеваешь майку знаменитого ЦСКА, изволь соответствовать имени клуба.

Между прочим, Игорь Вениаминович отыграл пару-тройку сезонов в родном для нашего деда коллективе. Но по большому счету ко двору не пришелся. Видимо, сие и подметил легендарный дедушка, он иногда посещал тренировки и матчи с участием моего отца в составе ЦСКА. Потому не случайно советовал папе искать иные пути в жизни, нежели реализация себя в хоккее. К слову, Игорь Вениаминович так и поступил.

Да, хоккей наших замечательных ветеранов совсем иной, в отличие от нынешних времен. Был медленнее, но, может, техничнее. Я, можно сказать, всю жизнь играю. И могу засвидетельствовать: сейчас спортивное оборудование настолько современное, что позволяет быть на высоте положения во многих компонентах.

А, например, в 60—70-е надо было обладать незаурядным мастерством, чтобы прямым крюком старомодной клюшки регулярно – девять из десяти шайб – точнехонько отправлять в «девятку» ворот. Нынче это стандарт. Тогда – эталон, своего рода пьедестал. Потому что право играть в коллективе с подобными знаменитостями требовалось заслужить. Надо быть МАСТЕРОМ.

…Дед как-то рассказывал о подробностях поездки и, разумеется, самой игре на чемпионате мира в той же Америке. Вот не надо только саркастически улыбаться, гомерически смеяться, это тогдашние реалии. За выигрыш мирового первенства хоккеистам советской сборной выдали премиальные – по сто долларов на брата.

Ну и что, по меркам того времени, кстати, весьма приличные деньги. Деду, как и его товарищам по команде, понравились тамошние хот-доги. По окончании матчей еще оставалось немного времени до вылета на родину. И дедушка вместе с друзьями отправился в местную лавку – полакомиться хот-догами. Еду запивали популярной в Штатах кока-колой. Почти всю сумму спустили, так вышло.

Да, дружили семьями. И нынче, представьте, поддерживаем

отношения с родственниками Константина Борисовича Локтева. Если помните, был потрясающий партнер деда в тройке нападения Альметов – Локтев – Александров. В годы активной хоккейной карьеры эти люди дружили, ездили в гости, общались. Помогали друг другу в непростые периоды жизни. Жаль, Альметов Александр Давлетович рано завершил свои выступления в большом хоккее. Отец рассказывал позднее, что партнер и друг Александрова и Локтева несколько отдалился от партнеров по тройке. Потом вовсе исчез из поля зрения.

Нравится творить добро

Иногда размышляю вот о чем. Если в свое время удалось бы покататься вместе с дедом, возможно, и в хоккее преуспел бы больше. Но дедушка слишком рано умер… В наше время хоккей, да, другой. Не лучше или хуже, просто иной. Не стал бы жестко противопоставлять легенд советского периода и нынешних мастеров. Ни к чему.

Одно, пожалуй, скажу: сейчас нет, по-моему, столь трепетного отношения к понятию «мастер игры». Возможно, ошибаюсь, но так мне представляется. По ощущениям, звания «заслуженных мастеров спорта» выдают примерно как права на вождение автомобиля способным игрокам. Все.

Тем не менее сегодня получаю ни с чем не сравнимое удовольствие погонять шайбу в компании прекрасных людей и хоккеистов. Например, поигрываю вместе с Егором Михайловым. Великолепный мастер и классный парень. Считаю его своим товарищем. Вообще хорошо знаю семью Михайловых, восхищаюсь теплыми отношениями в ней. Еще катаюсь с Андреем Николишиным, Валерием Каменским, Сергеем Викторовичем Федоровым, другими потрясающими игроками. Подобное общение для меня – именины сердца.

Уже пятый год работаю в штабе ЦСКА. Так вышло, что достаточно хорошо знаком с директором клуба Игорем Вячеславовичем Есмантовичем. Предыстория следующая. Бабушка моя, Елена Николаевна Боброва, позвала как-то на пару матчей ЦСКА. Она весьма частый и желанный гость в армейском дворце спорта, все-таки вдова легендарного Всеволода Михайловича Боброва. Да и саму команду бабуля никогда не переставала любить, я чувствовал это и знаю ее пристрастия.

В тот момент у меня функционировал маленький бизнес, далеко за пределами России. Я не бил, как говорят в народе, баклуши. Но хотелось работать в серьезной структуре, даже необязательно связанной с хоккеем. Тут на авансцену вышел как раз Максим Петров. Он, в хорошем смысле, одержим идеей, как поддерживать и умножать традиции великого клуба ЦСКА. В том числе как развивать детский хоккей, реально, эффективно помогать славным ветеранам армейской команды. Приход Максима, его порыв, не скрою, окрылили и меня. Уже не сомневался, чем заниматься дальше, чему себя посвятить. Выбор сделал. Стал работать в классном коллективе, с друзьями-единомышленниками. Интересно, очень интересно!

Нашлись люди, вложившие душу и средства в наше общее,

считаю, весьма благородное начинание. В частности, выделяются немалые средства на становление регионального движения «Золотой шайбы», что чрезвычайно важно. Без подпитки большого хоккея ценными кадрами «снизу» не будет дальнейших позитивных перемен в популярной и любимой народом игре. И ДЮСШ армейская, к слову, весьма динамично работает, стала поставлять перспективных мальчишек в наши команды.

Мы во всем помогаем директору клуба. Без промедления откликаемся на решение всевозможных задач, прежде всего связанных с вопросами помощи ветеранам ЦСКА. Реализуем многочисленные проекты по социальным программам, благотворительности и так далее. Руководство компании «Роснефть» выделяет немалые деньги на развитие упомянутой мною детско-юношеской школы ЦСКА. Там понимают значимость подобных шагов. Спасибо!

Я пришел работать в клуб из глубочайшего уважения к выдающимся мастерам – Владимиру Владимировичу Петрову, Борису Петровичу Михайлову, их товарищам по хоккею. Поручения, задания славных ветеранов – своего рода негласный закон для нас, молодых. Выполняем беспрекословно.

Ничего в клубе не проходит без нашего с Максимом Петровым ведома. Так нынче сложилось. Конечно, все начинания отнюдь не только наших с ним рук дело. Дружная, управленческая команда ЦСКА весьма обширная, все при деле. Стараются оправдать надежды великих мастеров хоккея.

Наверное, случаются недоработки, пытаемся оперативно их устранять. Мне нравится делать то, что необходимо людям хоккея, решать их насущные проблемы. Говорил уже, самое пристальное внимание уделяем жизнеобеспечению ветеранов.

По-моему, очень даже неплохой музей организовали для болельщиков прямо на территории дворца спорта. Люди, к примеру, выходят в фойе в перерывах матчей и с нескрываемым интересом изучают хоккейные экспонаты. Уникальных вещей, связанных с историей ЦСКА, его выдающимися представителями, уже больше двухсот!

Мы во всем помогаем директору клуба. Без промедления откликаемся на решение всевозможных задач, прежде всего связанных с вопросами помощи ветеранам ЦСКА.

Регулярные экскурсии организуем по заветным уголкам музея. Целых пять лет поклонники, не равнодушные к игре, проявляют жгучий интерес к подобным мероприятиям. Не поверите, заявок на посещение нашего музея видимо-невидимо.

Письма с просьбой посмотреть экспонаты приходят даже из-за рубежа – из Швеции, Финляндии, Британии, Америки с Канадой. Разумеется, частые гости – топ-менеджеры крупных иностранных фирм, аккредитованных в Москве, да просто семьи иностранцев, проживающих в столице. Звонят нам и говорят: «Знаем, у вас самый большой в Европе музей хоккея. Разрешите взглянуть». Разрешаем. Это ведь наглядная популяризация любимой нами игры.

Секреты большой семьи

Наверное, в какой-то степени я обижен на хоккей. Все-таки слишком рано, считаю, завершил карьеру. Есть ребята, мои ровесники, которые до сих пор выступают, в том числе в составе первой команды ЦСКА. Александров-младший, получается, не у дел. Хотя, знаю точно, мог бы еще играть на хорошем уровне. Если бы не травмы, о которых рассказал выше. В принципе, о себе можно живописать, когда что-то ценное сказали бы специалисты хоккея…

Повторюсь, сейчас мне нравится решать насущные вопросы с людьми, работающими вместе со мной в одной управленческой команде. Сколько это продлится, хватит ли сил, терпения – не знаю. Пока мы намерены и впредь заниматься тем, чем занимаемся. Развивать и поддерживать традиции великого клуба, заботиться не на словах, а на деле о ветеранах – поверьте, интересно.

С бабушкой, Еленой Николаевной Бобровой, часто общаюсь. И не только по телефону. Матчи первенства с участием ЦСКА она достаточно регулярно посещает. Встречаю ее, разговариваем, вместе смотрим хоккей. Ну, как она могла бы не приезжать на игры, если сам дворец спорта носит имя Всеволода Михайловича Боброва? Можно смело сказать, Елена Николаевна так или иначе здесь всегда незримо присутствует.

У нее свои, персональные пожелания, свое видение, чем и как я должен заниматься. Какой образ жизни вести, к чему стремиться. Елена Николаевна, однако, человек тонкой душевной организации, грубо не вторгается в мои планы, ничего, например, не советует. Не выносит оценок моей нынешней работе. Думаю, в глубине души она гордится внуком, но вряд ли заявит об этом вслух. Да и зачем?

В нашей большой семье имеются собственные тайны, как, наверное, в любой другой. Естественный процесс. Некоторые тайны не подлежат огласке, слишком «наше», бобровско-александровское. Елена Николаевна, тем не менее, дает понять окружающим, что мы с ней одной крови люди, близкие родственники. Я же внук ее по линии матушки. Значит, родная кровинушка. Чувствую, иногда внутренне сокрушается: внук-то нынче в хоккей не играет. А мог бы. Жаль. Сопереживание бабушки ощущается даже на расстоянии.

Другой внук, Сева, работает в Российском футбольном союзе. Несколько странно, что не в хоккее, правда? Семья у нас все-таки хоккейная. Хотя тот же Всеволод Михайлович весьма

разноплановым человеком слыл: одинаково классно и в хоккей играл, и в футбол.

Сева посетил несколько матчей ЦСКА в компании бабушки. Но хоккейные поединки, бросалось в глаза, ему не в радость. Елена Николаевна довольна, что Сева прилично учился. В отличие от меня, в некоторой степени шалопая, по мнению окружающих.

Со мной, если откровенно, вообще беда была, близкие со мной намучились – в детстве, юности тоже. Все предлагаемые варианты личного развития отвергал с порога, полагаясь только на свой вкус и выбор. Может, и правильно.

Сегодня, однако, неверным представляется то невоздержанное мое поведение. Общаться со мной крайне сложно, трудным ребенком считался. Проблемным в юности. Близким буквально бороться приходилось, чтобы направить меня на путь истинный, как им казалось.

Между нами двумя могу называть Елену Николаевну просто Леной. Настолько доверительные отношения. И разница в возрасте никого из нас не смущает. Конечно, на людях не допускаю подобной фамильярности. Обо мне вообще мало что знают окружающие. Стараюсь не афишировать и не акцентировать внимание на том, что я внук легендарных в мире спорта людей. Скромнее надо быть.

Все же приоткрою один семейный секрет: никого, кроме меня, ближе для Елены Николаевны нет. Так, наверное, сложилось в жизни. Она даже не скажет, слегка намекнет, и я – у ее ног. Могу и спонтанно приехать, она всегда рада внуку. Стараюсь чаще навещать. Женщина гостеприимная, хлебосольная. Неизменно стол накроет, вкусно накормит.

Часто разговариваем с ней по душам. Кроме того, я и своеобразный пресс-атташе для бабушки, она ведь нередко имеет дело с журналистами. Прежде чем общаться с кем-то из репортеров, советуется со мной. Как и с кем говорить, о чем можно поведать, что должно остаться некоей тайной и т. д.

Случалось, акулы пера не всегда точно интерпретировали рассказы бабушки, из-за чего всякие недоразумения возникали. Вот она и стала обращаться к внуку по поводу разъяснений. К примеру, в одном из интервью Елена Николаевна просто-таки забыла упомянуть о своей дочери, моей маме, кстати. Та, разумеется, не на шутку обиделась. Видите, приходится сглаживать определенные шероховатости в отношениях близких мне людей.

Связующее звено

Продолжу рассказ о семейных отношениях и ценностях Бобровых-Александровых. В определенные дни непременно посещаем могилы близких нам людей – Вениамина Вениаминовича, Всеволода Михайловича, безвременно ушедшего Миши Боброва, сына моей бабушки и Всеволода Михайловича. Как же без этого?! Веление души, сердца. Без ложной скромности, именно я как бы цементирую нашу семейную команду, стараюсь по возможности вдохнуть новую жизнь.

Они бы вряд ли общались, не будь меня в добровольной роли посредника. Мне это приятно делать, не чужие все-таки люди. Например, каждый из родителей затаил обиду друг на друга. Как тут разрулить без меня, чтобы они полноценно общались? Никак. У Светланы Александровны, мамы моей, и Елены Николаевны, бабушки, тоже разногласия имеются. По сути, у них не осталось общих интересов, которые, как правило, объединяют.

Еще очень тонкий момент. Мама, как известно, – не родная дочь Всеволода Михайловича, ребенок от первого брака бабушки. Возникали коллизии. Дескать, поэтому Бобров не очень-то жаловал ее вниманием. На подобные досужие разговоры, сплетни отвечу: все обстояло с точностью до наоборот.

Со слов самой Светланы Александровны, Всеволод Михайлович как раз ее любил сильнее и глубже, чем рожденного в совместном браке с бабушкой сына Мишу. Она чувствовала отношение к себе отца, хотя формально и не родного. В свою очередь, мама сетовала, что к Мише моя бабушка относилась куда теплее, чем к ней… Вот такие непростые отношения внутри семьи.

Сам я пока не женат, во всяком случае, на момент этого рассказа. И детей соответственно не завел. Меня воспитывали следующим образом: женщину непременно надо уважать. Быть стойким, спокойным, в меру настойчивым. Чтобы иметь, например, красивую во всех смыслах жену, требуются усилия. Пассивно ждать манны небесной явно не в традициях нашей семьи.

Я жил в гражданских браках. Считаю себя человеком серьезным, заводить детей со случайными спутницами – моветон. Думаю о будущем, планирую его. Не хочется подвести близких, уважаемых людей, обмануть их ожидания, они искренне желают мне счастья.

Для меня важно, чтобы обе дорогие мне бабушки, любимые родители приняли мой выбор. Приезжаю к ним, знакомлю. Они

оценивают не столько внешние данные, сколько внутренний мир избранницы. Анализируют, затем, общаясь со мной, что-то советуют. Нормально. В основном наши взгляды совпадают. Родители всегда предоставляли мне возможность и право поступать, как считаю нужным.

Вообще всем своим близким очень благодарен, каждый из них вложил частичку души, сердца в мое становление, развитие, дальнейший рост. И в устройстве личной жизни тоже участвуют. Неравнодушные граждане. Поэтому не могу привести в наш общий семейный дом чужого человека и заявить с порога: вот, мол, моя половинка, будьте добры, любить и жаловать. Девушка по возможности должна органично вписаться в семейный интерьер Бобровых-Александровых.

Вот были в гостях у Елены Николаевны. Знаю, она любит мою девочку, с которой общаюсь. Потому и познакомил ее ближе с моими родными, не опасаясь полярных расхождений во взглядах.

Наверное, в какой-то степени впитал элементы советского еще воспитания, хотя прожил в Америке дольше, чем в России. В СССР как обстояло: знакомишься, например, с отцом любимой девушки, разговариваешь по душам. Если чувствуешь, тебя приняли, предлагаешь руку и сердце его дочери. Нынче в моем случае так и произошло. Что немаловажно, возможно, будущая супруга нормально воспринимает мою работу. Точнее сказать, ее ненормированный распорядок. Забот разнообразных хватает с лихвой, на выполнение которых порой недостаточно сугубо рабочего времени. Девушка с пониманием относится. Просто объясняется: она сама по жизни, что называется, трудоголик.

…Ездил вместе с Еленой Николаевной на родину Всеволода Михайловича – в Моршанск. Компанию составил и теперешний супруг бабушки, замечательный наш хоккеист Станислав Афанасьевич Петухов. Открывали там каток имени Всеволода Михайловича Боброва. Уже четвертый по счету спорткомплекс подобного рода.

Три других возведены на Ленинградке в Москве, в подмосковном Ступине и Сестрорецке Ленинградской области. Пусть люди спортом занимаются, в хоккей играют, а не слоняются без дела. Елена Николаевна, к слову, невзирая на свой солидный уже возраст, дома не отсиживается. Едва ли не постоянно в дороге, колесит по городам и весям. Открывает, в том числе, катки для народа.

Бабушке всегда есть чем поделиться с поклонниками горячо любимой ею игры. Она кладезь ценной, очень полезной информации. Массу интересного, познавательного расскажет, например, о незабвенном Всеволоде Михайловиче –

заслушаетесь! Кто еще способен увлечь столь глубокими, искренними откровениями о великом человеке и хоккеисте, как не она?!

«Ты еще не в порядке!»

Вернусь, однако, к рассказу о своей работе. Все-таки ей сейчас отдаю приоритет, хотя пытаюсь совместить приятное с полезным. Представьте, за последние четыре года выпустили порядка восьми документальных книг о жизни родного для всех нас клуба ЦСКА. Отсняли шесть или даже семь фильмов на ту же тематику, больше, чем, например, все российские телеканалы, вместе взятые.

Скрупулезный, временами даже каторжный труд, но в охотку. Потому что – как бы сказать точнее – мы корнями вросли сюда, в армейскую карму. Нас что особенно вдохновляет? Общение с прекрасными ветеранами. Ведь мы с раннего детства слышали и знали друг друга. Мы, внуки и дети наших знаменитых дедов и отцов, общались с незапамятных времен во время совместных поездок, скажем, на природу. И дальше виделись, отношения развивались, крепли, обрастали подробностями.

Сейчас как бы «продолжение банкета», образно говоря. Понимаем друг друга, словно во время матча на хоккейной площадке, – с полуслова, полувзгляда, полужеста. Тут еще славные ветераны рядом, ради блага которых мы готовы, наверное, в лепешку расшибиться. Вот в такой атмосфере трудимся. Мы, что называется, в родной стихии.

Потому, видимо, относительно легко решаются даже, казалось бы, непростые вопросы. Запас прочности в человеческом плане велик. Например, общение с тем же Владиславом Александровичем Третьяком в удовольствие. Говорю о деловой стороне отношений. Надо разработать и подписать документ – нет проблем. А ведь это крайне важно, касается, прежде всего, действенной помощи нашим ветеранам, детско-юношеской школе, организации работы «Золотой шайбы» и т. д.

Третьяк просто отвечает: «Для тебя все сделаю». Такой вот уровень взаимодействия. У него весьма высокий статус в обществе: президент Федерации хоккея, депутат Государственной думы. Главное, он остался нормальным человеком, в нем нет и не было чиновничьей жилки, непомерной звездности. Хочется верить, он верит в меня как в профессионального сотрудника клуба ЦСКА. Что я работник, скажем так, не лишенный чувства ответственности. Дело свое знаю, выполняю по высшему разряду. Могу к Владиславу Александровичу и по личным вопросам обратиться. Отказа никогда не было, как минимум в грамотном, квалифицированном совете.

Конечно, иногда удается собраться в узком, неформальном

кружке друзей, отдохнуть. Прекрасно общаюсь, к примеру, с Кириллом Петровым, сыном Макса Петрова, мы с ним, можно сказать, друзья. С самим Максимом Владимировичем тоже неразлейвода. Очень его уважаю. В ресторанчике можем посидеть, на каком-то мероприятии пересечься. Макс иногда зовет меня помочь по нашей общей работе.

Музыку слушаем в зависимости от коллектива, в котором на данный момент находимся. Если, например, в компании великолепных советских звезд хоккея, то мелодии того времени исполняются. Почему нет? Например, песни Ирины Аллегровой, с которой, кстати, давно и хорошо знаком.

Если человек альбомов двадцать-тридцать выпустил, как можно с этим фактом не считаться, игнорировать? Глупо. Да и музыка, на мой взгляд, качественная. Молодые типа меня и чуть старше предпочитают несколько иные направления. Джаз, шансон слушаем. Нынче, однако, куда важнее работу делать, а не прохлаждаться.

Признаться, там, за океаном, не очень Россию воспринимал. Сегодня по ощущениям, настрою, мыслям столь же остро не воспринимаю Северную Америку. Я полюбил народ российский. Хотя живу всего седьмой год из своих больше чем тридцати. И то наездами бывал на родине. Всего пять полноценных лет здесь.

Вернулся в Россию, «голод» рабочий испытывал. Чувствовал – очень хочу работать! Буквально рвался доказать себе и всем, на что способен, раскрыть, наконец, потенциал. Елена Николаевна Боброва, к слову, весьма сомневалась, что я когда-нибудь сам соберусь с силами. Не только заявлю о намерениях, но и примусь трудиться. Тут пришел и сказал: хочу и буду работать на благо армейских ветеранов. Все, что от меня зависит, непременно выполню. Готов был «пахать» чуть ли не бесплатно, такой вот энтузиазм посетил.

Максим Петров, между прочим, целый год работал бесплатно в штабе ЦСКА. Только потому, что горел желанием помочь родному клубу, в составе которого выступал его легендарный отец, Владимир Владимирович Петров. Вносил и до сих пор вносит вклад в общее дело.

Я тоже одно время не претендовал на зарплату. Хотелось вернуться в родную стихию, прочувствовать непередаваемую атмосферу близкой мне команды. Да и проявить себя требовалось в глазах уважаемых людей, тех же ветеранов, представителей клубного руководства. Стал выполнять разные технические задания, чуть позже предлагал и по возможности воплощал собственные идеи.

Слава богу, поверили мне, посчитали, что потенциально еще

могу развиваться, в чем-то прибавлять. Взяли в штат. Нынче и впредь буду доказывать свою человеческую и профессиональную состоятельность. На достигнутом ни в коем случае нельзя останавливаться.

…Владимир Владимирович Петров и Борис Петрович Михайлов частенько рассказывали мне о годах минувших. По сей день рассказывают, вспоминают дорогие им моменты, не только на хоккейной площадке. Отлично помнят, например, как общались с моим дедушкой, Вениамином Вениаминовичем Александровым. Он был для них старшим, добрым товарищем, наставником в хоккее и в жизни. Ведь Петров с Михайловым некоторое время выступали в тройке с Александровым.

Однако не хоккеем единым. Владимир Владимирович и Борис Петрович в те годы нередко приезжали к нам в гости, в квартиру на тогдашнем Калининском проспекте столицы. Разумеется, после матчей или тренировок. Отпускали, правда, советских хоккеистов редко. На даче были в компании деда.

Вениамин Вениаминович никогда никому нотаций не читал. Потому общение с молодыми партнерами проходило в легкой, непринужденной обстановке. Очень любили и почитали моего деда товарищи по команде. До сих пор тепло о нем отзываются. Сейчас весьма ненавязчиво Владимир Владимирович, Борис Петрович и меня воспитывают, работаем-то в одном клубе. Связь поколений неразрывна.

> Понимаем друг друга, словно во время матча на хоккейной площадке, – с полуслова, полувзгляда, полужеста. Тут еще славные ветераны рядом, ради блага которых мы готовы, наверное, в лепешку расшибиться.

Благодарен им за все. Это моя теперешняя жизнь, как видите, ни о чем жалеть не приходится. Действительно вернулся в родные пенаты. Почти ежедневно видимся. Прежде всего, в дни хоккейных матчей. Понятно, оба ветерана посещают игры – смотрят, анализируют, тщательно что-то записывают.

Они – члены наблюдательного совета, вносят, если требуется, ценные предложения по развитию родной команды. Дают оценки хоккеистам, рекомендуют, кого звать в состав, а кого, может, не стоит. Словом, полноценно, с огромной отдачей трудятся. Отнюдь не являются так называемыми свадебными генералами, как кому-то со стороны представляется.

Разумеется, можем кофейку вместе попить, обсудить текущие вопросы. Для меня подобное общение – праздник души, именины сердца. Словно расцветаю. Вот стукнет мне лет пятьдесят, еще глубже проникнусь уважением к ветеранам.

Иногда по-доброму подначивают. Отправились одной компанией на благотворительные матчи в Сочи. Владимир Владимирович Петров с Борисом Петровичем Михайловым «рулили» процессом, тренировали. А я непосредственно играл. По амплуа – нападающий, но дали задание сыграть защитника.

«Ноги включай. Веня бы так не поступил», – неслось со скамейки. «Посажу в запас», – вторил другу Борис Петрович. Забил я три или четыре шайбы в том поединке. «Ну что, отмазался я за свой косяк?» – в свою очередь, обращаюсь после матча к нашим ветеранам. «Ты еще не в порядке!» – полушутя-полусерьезно парировал Борис Петрович. Непринужденно общаемся. Нормально, интеллигентно.

Видимо, никогда не скажу, что хоккей мне надоел, утомил и прочее. Такое просто невозможно. Ведь я пока последний из поколения Александровых, наследник спортивной славы предков. Отказаться от работы в хоккейной среде – своего рода предательство. Не простил бы себе.

В лице Максима Петрова сразу три поколения хоккеистов. Отец, понятно, выдающийся мастер, двукратный олимпийский чемпион. Сам Макс, дай бог каждому, неплохо поиграл в своей жизни, в том числе и в хоккей с мячом. Пожалуй, Кириллу Петрову, внуку Владимира Владимировича, стоит обязательно поддержать семейные традиции. Знаю, Максим привозит нынче на тренировки и младшего сына. Правильно. Надо держать марку, соответствовать имиджу. И Алексей Тарасов, внук знаменитого Анатолия Владимировича Тарасова, считаю, должен внести лепту. Фамилия обязывает.

Андрей и Егор Михайловы тоже понимают, что глубокие хоккейные корни их замечательной семьи нельзя оборвать. У них вообще трепетное отношение к популярной игре, почти фанатичное. Не случайно сын Егора и внук Бориса Петровича Никита катается в ДЮСШ ЦСКА. Говорят, подает надежды перспективного форварда. Занимается под присмотром в том числе и блистательного деда, он почти не пропускает тренировки и матчи любимого внука.

Немного я обижен на Севу Боброва, внука Всеволода Михайловича и Елены Николаевны. Он даже не попробовал силы в хоккее. Жаль. Мог ему в свое время помочь освоить азы игры, увы. Парень не проявил элементарного желания взять в руки клюшку.

Как бы перешел уже на любительский уровень, а тренируемся всерьез. Почти все, как в большом хоккее. Занятия проводит легендарный Борис Петрович Михайлов. Представьте, не прощает прохладного отношения к подготовке. Иногда получаю от него

нагоняй. В виде дополнительных нагрузок – в наказание. «Александров, пять кругов по периметру площадки!» – командует наш Петрович. Ведь не откажешь великому мастеру. Хотя, понятно, скорее, в виде шутки дает указания. Выполняю, однако.

Мечты? Помимо хоккейных забот, развиваю еще свой бизнес, связанный с производством фастфудов, торговлей. Соучредительство практикую, некоторые компании поднимаем буквально с нуля.

Но главное, конечно, – спортивные проекты. Болельщики не представляют тот объем усилий, который необходим для решения многих вопросов. Естественно, социальные программы готовлю вместе с Максимом Петровым. А сколько времени, сил отдает руководство!

Директор клуба лично ездит в те же хосписы. Беседует часами с онкобольными детьми, приобщает их к хоккейным ценностям. Привозим ребятишек на экскурсии в наш музей, о котором я уже рассказал. Матчи с участием ЦСКА юные болельщики посещают. С нашими хоккеистами дети общаются, у них слезы в глазах от столь пристального, истинно душевного отношения к ним.

Мне было очень приятно, когда тот же Саша Радулов, наш звездный форвард, находил время и теплые слова в беседах с детворой. На площадке он злой, колючий, возможно, кому-то представляется слишком суровым, что ли. За пределами ледовой арены Александр – сама галантность, особенно, разумеется, в общении с подростками. Добрейший, отзывчивый человек.

На площадке Радулов – безусловный лидер. Но не совсем тот вожак, какими слыли Вениамин Александров, Владимир Петров, Борис Михайлов, другие выдающиеся игроки. В советской сборной, в клубе ЦСКА практически все были лидерами своего времени. Потому и перечисленные мною хоккейные коллективы просто великие.

Кстати, нынешний главный тренер ЦСКА Дмитрий Вячеславович Квартальнов во многом исповедует методы старой, проверенной временем, советской школы. Понятно, не копирует слепо те образцы, а, если требуется, вносит разумные коррективы, совершенствует стиль, тактику и прочее. В основе, да, советская система: игровая и, между прочим, бытовая дисциплина тоже. Наставник наших игроков доказал действенность таких подходов на практике. Команда стабильно выигрывала регулярный чемпионат, неизменно пребывает в лидерах отечественного хоккея.

Сейчас, при всех относительных рабочих трудностях, внутренняя обстановка в ЦСКА и вокруг команды праздничная.

Поистине конгломерат интереснейших людей посещает хоккейные поединки. Кроме специалистов на трибунах можно увидеть известных политиков, бизнесменов, деятелей искусства, популярных артистов. Все, без исключения, жарко обсуждают предматчевые расклады: победит ли наша команда или нет. Интерес к хоккею огромный!

В подобной, истинно спортивной, атмосфере весьма любопытно находиться и приятно трудиться. Разные мнения, точки зрения, эмоции порой зашкаливают. Понимаю, если бы не работа в штабе родного клуба, никогда не удалось бы познакомиться со столь содержательными, известными людьми. Перекинуться с ними несколькими фразами, обменяться мнениями. Мы знакомы, к примеру, и с министром обороны, и с некоторыми политическими деятелями, имеющими достаточно серьезное влияние на развитие державы.

Масштабные задачи ставят перед нами, молодыми сотрудниками, прославленные ветераны, неоднократно упоминаемые мной, – Владимир Владимирович Петров, Борис Петрович Михайлов. Это тот самый случай, когда уместно сказать: «Спасибо деду за победу». Если не они, то кем, извините, без них стали бы мы?! Их вклад в развитие клуба невозможно переоценить. Он поистине бесценен.

Бабушка моя, Елена Николаевна Боброва, проработала целых двадцать лет администратором дворца спорта ЦСКА. Уникальный человек, беззаветно служивший своему делу. Она и до сих пор горячо любит родную ей команду, приходит на матчи…

Памяти друга

– Не помню точно, в какой момент и при каких обстоятельствах познакомился я с Мишей Бобровым, сыном Всеволода Михайловича, – говорит о своем безвременно ушедшем товарище Максим Петров. – Но однозначно дружили с детства, лет по восемь-девять нам было.

Учились в разных школах, я – в Красногорске, он – в Москве. В тот период Всеволод Михайлович, к слову, тренировал моего папу и его товарищей по команде. Не скажу опять же, когда из сугубо рабочих отношения наших отцов стали приятельскими. Не так важно, правда ведь? Помню, ездили на дачу к Бобровым. Шашлычки взрослые готовили, а мы с Мишкой резвились, отдыхали, пацаны совсем. Обожали гонять на велосипедах, позднее у друга мотоцикл появился.

Вместе тренировались в ЦСКА. Группировочка, как мы ее называли, образовалась. По интересам. Цыганков-младший, я, Рагулин, Грошев. Андрей Михайлов старше нас на пару лет, что отнюдь не мешало дружбе. Саня Харламов органично влился в дружный коллектив. Егор Михайлов еще «под стол» ходил, маленький, компанию не мог составить.

Первый наставник в хоккее – знаменитый Александр Виноградов, дальше нас вел не менее колоритный мастер, Эдуард Иванов. Пришел я в команду того возраста достаточно поздно по меркам профессионального хоккея, в девять лет. Обычно мальчишек набирают раньше, лет с шести-семи.

Мишка Бобров как раз уже играл. Мои ровесники успели и в первенстве Москвы отметиться, и в других турнирах. Словом, опыт, в сравнении со мной, имели колоссальный. Вот в такую команду мне предстояло влиться, доказывать, что я как минимум не хуже, а может, в чем-то лучше. Амбиции у мальчишек тоже есть.

> Мужчина, виновный в гибели моего товарища, посадил за руль сына своего. Он, по сути, и сбил Мишку.

Мишка всегда был характерным парнем, эта его черта особенно импонировала. Настойчивый, даже, сказал бы, пробивной крайний нападающий. Иногда доводилось в одной тройке играть, порой в разных звеньях. Кого-то, меня или Мишу, тренеры реже ставили на матчи. Обычное дело. Правда, тренер, Эдик Иванов, откровенно недолюбливал Петрова с Бобровым, нелюбовь сквозила во всем. Он, не скрываясь, говорил моей маме,

что, мол, отцы наши играли, а дети не будут играть. Не дано. Может, в чем-то он и прав.

Мой друг не слыл застенчивым юношей. Как раз напротив. Рубаха-парень, умел организовать всех вокруг себя, был душой компании. Любил в центре внимания находиться, словно магнитом притягивать к себе. Очень креативен, как модно нынче говорить.

Своего рода автомастерская существовала, будто в «Трех товарищах» Ремарка. Все время, благодаря Мишке, какие-то проекты безостановочно крутились. В основном с джипами возились – подвески то увеличивали, то уменьшали. Работали с энтузиазмом. Пока не надоело.

Мишка успел на двух моих свадьбах погулять, всего я четырежды женат. От первого брака детей не завел, отпрыски от последующих жен. Впервые, представьте, женился в шестнадцать лет. Ну, так вышло.

А друг мой женился позже. Супруга – Наталья, рослая, красивая девушка. Позднее, после трагической кончины Михаила, вышла замуж. По-моему, я видел ее избранника, но давным-давно, даже черты его из памяти стерлись.

У Миши и Наташи замечательный сын есть – Сева, видимо, в честь деда назвали, Всеволода Михайловича. Ровесник моей дочки, дети 1994 года рождения. Сынишка совсем маленьким был, когда Миши не стало…

Мужчина, виновный в гибели моего товарища, посадил за руль сына своего. Он, по сути, и сбил Мишку. Елена Николаевна Боброва, великодушная женщина, не стала портить жизнь молодому человеку, фактическому убийце ее любимого сына. Не добивалась через суды непременно засадить его в тюрьму. Может, зря.

По иронии судьбы, Михаил умер в той же больнице, что и отец, Всеволод Михайлович. Оба похоронены на кладбище, где и Валерий Харламов покоится. Трагедия еще в том, что нынче подобные травмы, как у Миши, лечатся без особых проблем. Тогда уровень медицины все-таки заметно отставал от нынешнего. Ему укол толком не могли сделать, когда ступню оторвало. Других повреждений не было.

Мишка сам ничего не нарушал, управляя мотоциклом. При наезде, повторюсь, ему раздробили ногу, оторвали ступню. Еще пролежал пару часов на обочине злосчастной дороги без необходимой медицинской помощи. Если бы сразу отвезли в больницу… Все нормально завершилось бы. Я дотошно анализировал ситуацию, можно сказать, пропустил через себя по несколько раз. Просто сердце у моего друга не выдержало. И не

от потери крови. Трагическое стечение обстоятельств – от начала и до конца.

С Еленой Николаевной Бобровой по-прежнему общаюсь. Есть, правда, один тонкий, немаловажный момент. Если во дворце спорта ЦСКА в преддверии матча я мелькну перед ее взором, несчастная от потери сына женщина начинает плакать. Видимо, остро пронзает безутешная мысль о том, что сына ее нет и не будет, ведь мы с ним действительно очень-очень дружили. Поэтому стараюсь лишний раз не ранить душу Елены Николаевны, теряюсь в толпе, ухожу в сторонку.

Одно время я реже стал ей звонить – по той самой деликатной причине. Чтобы не напоминать о себе. Конечно, много лет минуло со дня кончины Михаила. Но вряд ли сердце матери, потерявшей любимого сына, лечит время. Сейчас общаюсь с Еленой Николаевной чаще – по телефону, на матчах ЦСКА все же видимся. Да и по долгу службы ездим вместе по стране, посещаем мероприятия. Мы с ней занимаемся проблемами ветеранов нашего клуба. В среднем раз в месяц полноценно решаем вопросы, говорим на многие темы.

Да, огромная, невосполнимая потеря для всех нас, Мишкиных друзей тоже. Вот остался сын Миши, внук Елены Николаевны, Сева. Бабушка во внуке, как говорят, души не чает. О Севе ничего толком не знаю. Вроде живет с мамой – Натальей, возможно, и отдельно. Взрослый парень, наверное, самостоятельный. Встречал его на некоторых хоккейных мероприятиях, церемониях, там он неизменно сопровождал бабушку.

Миша – самый близкий мой товарищ, теперь приходится констатировать в прошедшем времени. После его кончины что-то сломалось внутри меня. Стал по-другому смотреть на некоторые моменты в жизни, иначе оценивать слова и особенно поступки людей. Долго, признаться, приходил в себя. Рубцы в душе и сердце постепенно затягиваются. Но разве забудешь о потере друга? Это со мной уже до конца дней останется.

На могилу Миши обязательно ездим. Минимум раз в год. Елена Николаевна Боброва в большей степени стоик по жизни. Сказал бы уважительно – «железная леди». Она манерой общения, поведения неотразимо напоминает мою бабушку. Характерной мимикой властной женщины. Родная бабуля держала нас, Петровых, образно говоря, в кулаке. Высший комплимент обеим прекрасным дамам.

«Мы поняли – родителей больше нет»

– Вероятно, семейные традиции Харламовых не могли сформироваться окончательно. Понятно, по причине трагической гибели мамы и отца, – размышляет сын легендарного хоккеиста Валерия Харламова Александр. – Тем не менее Харламовы встречаются, общаются. У меня теплые отношения с родной сестрой, членами ее семьи. В этом смысле все нормально.

С нашей потрясающей бабушкой не перестаем видеться, делиться самым сокровенным. С ней, кстати, моя сестра с семьей живет. Так что бабуля не одинока. Нине Васильевне 85 лет, отметили ее юбилей. Ведь по большому счету именно она после кончины родителей дала любимым внукам практически все. На ее попечении остались дети трех и пяти лет, почти с нуля нас поднимала. Удивительное самоотречение, можно сказать, самопожертвование! Ее заслуга в нашем становлении, воспитании неоспорима. Вырастила, сделала нормальными людьми.

До сих пор народ интересуется: что это за бабушка такая, отдавшая всю себя детям? Совершенно нормальный у нее характер, обычная женщина, вырастившая обычных детей и внуков. Вопрос даже не стоял, куда-то нас отдать, кому-то передоверить. Жили вместе, на редкость дружно, в одной квартире. С дедом, правда, разговаривал реже, чем хотелось.

Насколько помню, информация о трагедии дошла в довольно мягкой форме. Что могли понять дети в столь юном возрасте? Ничего. Не понимали, что произошло. Только спустя несколько лет стали осознавать – родителей больше нет…

Бабушка в тот же год, в сентябре, отвела меня в ДЮСШ ЦСКА. Было мне шесть годков. Уже начал понимать, кто я, зачем и почему, прежде всего, в хоккейном плане. Почему надо тренироваться, играть. Первым моим наставником стал замечательный Юрий Александрович Чабарин. Всю жизнь проработал в ЦСКА, отдавал силы, душу, сердце юным дарованиям.

И Вячеслав Фетисов – его воспитанник, и Сергей Брылин, и Валерка Буре. До определенного возраста пацанов вел Чабарин, затем моими тренерами последовательно стали Владимир Иванович Викулов, Александр Петрович Герасимов. Под его руководством я и завершал учебу в армейской ДЮСШ.

Поймите, в тот же хоккей невозможно играть, если не любишь этим заниматься, претит тебе. Насильно мил игре не

станешь. И она тоже не улыбнется тебе. Каким бы известным, великим ни был мой отец в частности. Очень любил и люблю хоккей, был и остаюсь его фанатом.

Не поверите, я с трех лет на коньках. Как раз отец первые конечки мне привез. И мы с сестрой настоящие баталии устраивали дома, в московской квартире. Она по моей просьбе вратарем была. Почти весь день – шум, гам. Бабушка и родители нас почти не одергивали. Как можно в спортивной семье запрещать играть в хоккей, пусть и дома?!

Вот почему в шесть лет, после кончины родителей, бабуля привезла меня в ДЮСШ ЦСКА. Куда еще? Родной клуб отца. Уже готовый, «сложившийся» игрок «домашнего розлива». Предстояли занятия на льду, в знаменитой на весь мир детско-юношеской школе. Но о данном периоде жизни я уже рассказал.

Иногда мы с сестрой, смеясь, вспоминаем те домашние баталии. Счастливое, беззаботное время. Да, сохранили добрые, теплые отношения, по-другому между родственниками и не должно быть. Знаете, постоянно в гости не наездишься. У сестры двое детей, у меня тоже семья и дети. Бегония проживает на проспекте Мира, я – в районе «Щукинской». Время, однако, находим. Созваниваемся, иногда встречаемся.

У меня выбора, каким видом спорта заняться, почти не оставалось. По понятным причинам. А сын мой предпочел в футбол поигрывать. Я видел, что он больше тяготеет все-таки к игре с мячом. Не настаивал, не заставлял. К хоккею весьма прохладно относился. Футболом лет пять занимался, в специализированной школе.

На коньках тем не менее сынок тоже катался, клюшку в руках держал. И не где-нибудь – в ЦСКА. Со временем увлечение сошло на нет. Тогда в футбол пошел, тренировался там же, в армейской школе. Во всех больших клубах – ЦСКА, конечно, не исключение – держат в своих рядах действительно лучших среди лучших. Дети, юноши тоже должны соответствовать эталону. Сын в этом смысле звезд с неба не хватал. И со здоровьем проблемы возникали.

Историю деда, к слову, знает не хуже меня, если не лучше. За разъяснениями крайне редко обращается. У него обширная картотека, архивы по данной теме внушительные. Подробнее трудно себе представить.

Поступил на первый курс МГУ. Будет специалистом управления менеджмента в большом спорте. Он прилично разбирается в футбольных вопросах, причем в масштабах мирового футбола. Желает в данной сфере работать, почему нет? Поучится, опыта наберется. О трудоустройстве, по-моему, еще рано думать, только-только школу окончил.

Команда молодости нашей

Я совсем маленьким был, когда родителей не стало. О том, как общались со своими отцами, подробнее рассказывали уже мои друзья – Максим Петров, Егор Михайлов, другие ребята. Наших хоккейных звезд советского периода к родным почти не отпускали. Безвылазно жили на сборах – тренировки, матчи, бесконечные перелеты по стране и миру. Выбирались домой буквально на считаные часы.

Тогда мамы брали маленьких сыновей, дочерей в охапку и отправлялись с ними на хоккей. В «Лужники», например. По окончании матчей общались с любимыми мужьями минут десять-пятнадцать. Поцелуи на прощание, все. Игроки садились в клубный автобус, уезжали на базу. Детей порой не успевали обнять.

Нынче смотрю на игру сквозь призму хоккея тех лет. Отдадим должное мастерам старших поколений: технически они интереснее, разнообразнее. Словом, сильнее в данном компоненте. Вообще хоккей развивается семимильными шагами, постоянно что-то совершенствуется, модернизируется и т. д. Нынче зрелище более динамичное, жесткое в том числе. В отличие от советского периода.

Сейчас люди задаются вопросом: почему хоккейных личностей меньше, чем тогда? Поймите, из СССР никто из выдающихся мастеров не уезжал, такое невозможно себе представить. Другая политическая система царила. Люди по десять-пятнадцать лет отдавали одному только клубу. Теперь «шлюзы» открылись, уезжай куда хочешь. Вместе с политическим укладом изменились условия жизни.

Хоккей, повторюсь, тоже не стоит на месте. Игра несколько иная. Трансформируется на глазах людей, любивших и продолжающих ее почитать. Не стоит, думаю, жестко противопоставлять хоккеистов старших поколений и нынешних. Каждое из них имеет своеобразное отличие. И право на жизнь.

…Отец был открытым по характеру человеком. Причем для всех. Его, как и многих товарищей по ЦСКА, сборной СССР, преследовали травмы. Без них выступления на высоком уровне, к сожалению, не обходились. Но даже в столь непростые моменты папа не унывал, не впадал в состояние прострации. Грустил, конечно. По причине отсутствия в команде ничем не мог помочь своим друзьям.

Грусть, тоска не стали доминирующими чертами характера, я, даже будучи маленьким ребенком, чувствовал это. Травмы

оказывались подчас настолько болезненными, что отец лежал на домашней постели почти в неподвижном состоянии. Разумеется, не до веселья. А в принципе у Харламова-старшего легкий, веселый нрав. Люди к нему очень даже тянулись.

Когда во время активной карьеры отца выдавался свободный денек, наш дом наполнялся гостями. Мы искренне удивлялись: откуда народ мог знать о планах родителя, ведь мобильных телефонов, понятно, близко не было. Видимо, людям интуиция подсказывала. Завсегдатаи подобных посиделок не только хоккеисты, партнеры отца, но и популярные артисты – Винокур, Кобзон. Насколько знаю, с Высоцким закадычной дружбы не наблюдалось, но спектакли театра на Таганке отец по возможности старался не пропускать. Еще нынешнего президента федерации фехтования Усманова мы с удовольствием принимали. Хоккеисты молодого поколения захаживали – Фетисов с Касатоновым, Крутов.

К этим замечательным людям и отменным мастерам хоккея лично у меня особое отношение. Именно они после кончины родителей реально нам помогали. Спасибо им огромное! Главное – морально поддержали, не забыли о детках Харламова, уделяли внимание. А свободного времени в обрез. Советская эпоха на тот момент еще не завершилась, требования крайне жесткие, отлучаться со спортивной базы в Архангельском строго-настрого запрещалось. Строптивцам грозили санкции, вплоть до отчисления из ЦСКА и сборной.

В годы скорби, когда раны от двойной потери у моих близких буквально кровоточили, общались и с моим наставником в ДЮСШ ЦСКА, прекрасным хоккеистом и человеком, Владимиром Ивановичем Викуловым. Он тоже по возможности заглядывал к нам, ободрял, как мог, поддерживал. Разве такое забыть?!

Когда во время активной карьеры отца выдавался свободный денек, наш дом наполнялся гостями.

Реже виделись с непосредственными партнерами отца по ЦСКА и национальной сборной Владимиром Владимировичем Петровым и Борисом Петровичем Михайловым. Можно сказать, почти не разговаривали. По объективным причинам. Оба трудились тренерами в ленинградском СКА. Потому времени на встречи, проявления чувств по поводу утраты не оставалось априори.

Чаще виделся и вижусь с их детьми, Максимом Петровым, Егором Михайловым. Да и ближе они мне по возрасту, интересам. Нынче в одном клубе – ЦСКА – работаем, в том же здании располагаемся. А с нашими ветеранами, как и с друзьями,

Максом, Егором, пересекаюсь на клубных совещаниях. Вместе рассматриваем и решаем текущие вопросы.

Борис Петрович Михайлов как-то полушутя-полусерьезно заметил, что мы, дескать, молодые, лучше разбираемся в тенденциях современного хоккея. Нам, мол, и флаг в руки. Дерзайте, решайте, по возможности без наших ветеранских подсказок. Думаю, он и в работу сына, Егора, особо не вторгается.

Есть импровизированная команда, в составе которой все мы играем. Пару раз в неделю. Конечно, в числе моих спарринг-партнеров и Макс с Егором. Обычная любительская дружина из бывших профессиональных спортсменов. Между собой соревнуемся, общих друзей зовем.

Получаем неслыханное удовольствие от подобного неформального общения. Иногда играем в одном звене, отцы наши наводили таким сочетанием форменный ужас на соперников. Теперь их сыновья вместе – Михайлов – Петров – Харламов.

«И не друг, и не враг. А так…»

В принципе невозможно было тогда игрокам советской сборной прилететь на похороны отца. Эту тему в свое время мы весьма откровенно обсудили с легендарным защитником Валерием Ивановичем Васильевым. Он, кстати, буквально рвался проститься с моим папой. Виктор Васильевич Тихонов не отпустил его из Канады. Валерий Иванович в тот момент негодовал. Ну, такая система отношений. На кого тут обижаться? Хоккеисты играли, тренеры – тренировали. Партийные боссы тоже, говорят, работали. Все при деле.

Знаете, я вывел своего рода формулу. При жизни с человеком общаются, в определенные моменты даже превозносят. Как только беда пришла, о нем почти сразу забывают. По большому счету. Видимо, так мир устроен.

Поэтому особенно ценю усилия тех людей, о которых рассказал выше. Они действительно оказались в моих глазах на высоте в моральном плане. Искренне помогали, всячески поддерживали. Но были и «числившиеся» в друзьях. Почти сразу пропали, будто по чьей-то команде. Впечатление подобное сложилось, не могу от него отмахнуться, отделаться, забыть.

Заметил, часто журналисты наобум, произвольно сравнивают несопоставимое. Например, копирование, подражание отцу в хоккее не привело бы, уверен, ни к чему хорошему. Я, тем не менее, поиграл на неплохом уровне.

Кстати, улетел выступать в Америку не от хорошей жизни, поездка туда отнюдь не самоцелью была. Просто многие из нас в 90-е не лучшее время переживали, правда ведь? Тот же хоккей российский в упадке находился. Будь здесь условия чуть лучше, однозначно никуда не отправился бы.

Словом, вынужденно отправился на заработки, семью-то надо кормить. Безусловно, игра в Штатах – новый опыт, как говорится, вызов судьбе. Чему-то можно научиться в профессиональном, человеческом плане. Повторюсь, вряд ли куда уехал, окажись дома сносные условия для работы.

Посмотрите, кто-то из наших хоккеистов там остался? Единицы. Даже не знаю таких. Вот Сергей Викторович Федоров вернулся, сейчас генеральным менеджером ЦСКА трудится. Все здесь – Вячеслав Фетисов, Алексей Касатонов, Паша Буре, можно долго перечислять. Вариант с Америкой рассматривался как временная, но необходимая на тот период мера. Просто работа во имя семьи. И дело даже не в том, что Америка не по нутру, предположим. В России живут все мои близкие, друзья. По моим

наблюдениям, каждый из ребят, выступающих за океаном, летом непременно в Россию прилетает – проведать родных.

Рабочих вопросов у меня, как спортивного директора клуба ЦСКА, миллион набегает. Нагрузка приличная. У нас спортивный и административный отдел. Занимаемся всем, что к спортивной части относится. Опекаем сразу три клубные команды – главную, а также «Звезду» и «Красную Армию». Еще отвечаем за решение вопросов по детской школе.

Как уже упомянул, вернулся Сергей Викторович Федоров, занял пост генерального менеджера. Пришла солидная компания «Роснефть», вложившая немалые средства в развитие клуба. И ЦСКА впервые за 25 лет вернул себе звание чемпиона России. Очень приятный фактор для всего коллектива. Однако есть к чему стремиться. Выиграть, к примеру, и неоднократно, заветный кубок Гагарина.

Если говорить о буднях за пределами дворца спорта ЦСКА, то, конечно, хочется, чтобы дома было все в порядке. Чтобы дети росли и радовали нас. С женой вот отметили двадцатилетие совместной жизни. Испытал ни с чем не сравнимые эмоции, пережил чувство бурной радости, когда в прошлом году дочка родилась. Женей назвали.

На работе окружают друзья, желательно, чтобы продолжался праздник общения. Так много времени проводим на рабочем месте, что, наверное, сроднились уже. Подобная совместимость возникает разве что с поистине близкими по духу людьми. Есть у нас предводитель, Сергей Викторович Федоров, вокруг него многое крутится. С друзьями, единомышленниками в клубе могу обсудить практически любые вопросы, вплоть до личных.

> Знаете, я вывел своего рода формулу. При жизни с человеком общаются, в определенные моменты даже превозносят. Как только беда пришла, о нем почти сразу забывают.

Фамилия – нет, не тяготит. Обязывает, да. По большому счету никогда не обременяла. Почему должно быть иначе? К данному статусу надо правильно относиться, и все. Здесь ребята тоже с известными фамилиями трудятся – Максим Петров, Егор Михайлов. Никакой звездности близко не наблюдается. Нормальные, ответственные, очень неглупые сотрудники клуба. Работают на благо родной команды.

История любви

– Да, весь мой рассказ будут пронизывать воспоминания об очень теплых, поистине трогательных отношениях родителей, – говорит сын легендарного форварда ЦСКА и сборной СССР Анатолия Фирсова Анатолий Фирсов-младший. – В обыденной жизни отец был добрым, веселым, отзывчивым, общительным человеком. С людьми, причем совершенно незнакомыми, далекими от его профессии, сходился легко, разговаривал непринужденно. Словно знал их много лет.

Папа очень любил дачу в подмосковной Фирсановке. Будто и назвали это местечко в его честь. С удовольствием гулял в окрестностях, наслаждался природой. Запросто, в спортивной форме, ходил по территории. Со всеми соседями дружил, они отвечали ему взаимностью. Даже с почтением относились, все-таки знаменитый хоккеист. Главное, человек простой, доступный, душевный. За подобные качества его все, без исключения, уважали.

К сожалению, не застал период активной хоккейной карьеры отца. Слишком маленьким был. Анатолий Васильевич закончил играть в 73-м, а я родился всего тремя годами раньше. Моя старшая сестра – свидетельница хоккейных триумфов папы. Увы, умерла два года назад, в 57.

В гости к нам, как вы, наверное, догадались, могли приехать абсолютно простые люди, не имевшие, скажем, никакого отношения к хоккею. С партнерами по клубу и сборной отец общался в основном во время соревнований «Золотой шайбы». Он как бы продолжил дело великого тренера Анатолия Владимировича Тарасова, долгое время возглавлявшего благородное начинание и движение. Еще при жизни Тарасов отправлял папу пропагандировать «Золотую шайбу» по городам и весям – от Якутии до Грузии. Сопровождали его в поездках, как правило, Викулов с Трегубовым.

Во время и после перестройки Анатолий Васильевич принялся особенно рьяно возрождать подзабытые многими чиновниками детские состязания. Искренне любил он это дело, с пацанами мог часами возиться. Стал депутатом Верховного Совета, приобщил некоторых коллег к реальной помощи и созданию подходящих условий для организации и проведения турниров.

Хоккейные «коробки» во дворах начали строить, работа кипела. Например, в Кировском районе столицы реанимировал «Золотую шайбу», с утра до вечера там пропадал. В Кировском

райкоме комсомола ему предложили возглавить детский клуб «Кировец», команда позднее гремела на всю столицу.

Отец, к слову, без проблем общался со всеми партнерами по ЦСКА и сборной. По-моему, скрытых, тем паче явных врагов у него не было. Ближе других по духу, складу характера оказались дядя Женя Мишаков, Виктор Григорьевич Кузькин, Александр Павлович Рагулин.

«Доброжелателей», казалось, нет, однако вхождение в послехоккейную жизнь выдалось непростым. Будто кто-то незримо «палки в колеса вставлял». Папа сам не скрывал: сложно ему адаптироваться. Одно время работал с молодежной командой ЦСКА. Затем просиживал простым дежурным на вахте «большого» ЦСКА. Конечно, не нравилось. Помогал в роли тренера Анатолию Владимировичу Тарасову, однако недолго.

Невостребованность – «ахиллесова пята» многих легендарных спортсменов, не только хоккеистов. Отправился в Польшу, тренировать местную «Легию», не без успеха, между прочим. В Швейцарию отца, как хоккейную знаменитость, позвали открывать детскую школу, он, разумеется, с удовольствием откликнулся.

Разовые акции, понятно, не могли затмить личных проблем неустроенности после карьеры. Анатолий Васильевич не отчаивался, не вешал носа, не ныл. Но в период с 80-го по 82-й год начал прилично выпивать…

Сделаю, пожалуй, лирическое отступление. Расскажу теперь о взаимном чувстве любви родителей. У меня до сих пор это вызывает душевный восторг и трепет. Оба супруга отходчивы, незлобивы. Могли, конечно, дуться друг на друга, спустя минуты общались как ни в чем не бывало.

Они во всем неразлучны. Правда, в последние годы жизни мама не посещала вместе с папой хоккейные матчи. Наверное, чувствовала себя неважно. А так, везде и всюду вместе, неразлейвода. Трогательная забота проявлялась в мелочах. Вот мы приехали на отдых в пансионат. Отец по установившейся традиции рано утром играл в большой теннис, любил размяться. Буквально на цыпочках по комнате ходил, чтобы маму, не дай бог, не разбудить. Ее никогда не беспокоил.

На рынок вместе идут. Под ручку. Мило интересуются: что, мол, дорогой или дорогая, хотел бы (хотела) на обед увидеть? Во всем гармония, взаимное понимание. Смотрел я на симпатичную пару, слушал разговоры, невольно проникался красотой отношений. Тогда еще не сознавал до конца, просто интуитивно впитывал, черпал для себя что-то. Любовался со стороны.

Мама в лучшие времена вообще не пропускала матчи с

участием ЦСКА. Более того, не просто зрителем была – статистику для Анатолия Владимировича Тарасова готовила. Да-да, удивительно! Дома до сих пор храню те статистические мамины отчеты. В состав женсовета хоккейного клуба входила, ее опять же Тарасов туда позвал. А познакомились родители рано, папа подростком смотрелся, всего-то шестнадцать лет. Чувство свое сквозь десятилетия пронесли.

…Безусловно, на состояние отца роковым образом повлияла кончина мамы, нашей общей любимицы. Он настолько сильно, глубоко переживал, – не передать словами. Из последних сил на валидоле, валерьянке держался. У мамы рак обнаружили. Дома умирала, буквально на наших глазах. Мы с женой, словно парализованные, наблюдали страшную картину – мама угасала. Ей 64 было, пятью годами старше отца.

Я не знал подробности болезни почти до последнего дня. Поставили перед фактом – рак, и все. Стал понимать, когда родного человека положили в онкологический центр. Всем нам особенно тяжело пришлось еще потому, что маму буквально выпихнули из клиники. Беспардонно, безжалостно. Папе вообще с порога заявили: забирайте свою жену безнадежную, увозите. Уже дома за какие-то десять дней «сгорела».

Отец посещал могилу мамы каждое утро и каждый вечер. Всего в паре километров кладбище. Отговаривать бесполезно. Он, даже будучи на больничной койке с микроинфарктом, рвался к любимой женщине. «Пап, обещаю, я сам съезжу», – как мог, успокаивал отца. Действительно, ходил к мамочке: прибраться на могилке, вспомнить все лучшее.

Болезнь папы, однако, явилась для нас полной неожиданностью. Никогда он не испытывал проблем с сердцем, во всяком случае, не сетовал на боль. В последние годы мог, конечно, рюмашку-другую махнуть, но не перебарщивал. В клинике отец буянил, отчаянно хотел уйти домой. Утверждал: сердце в порядке, просил кофейку с молочком. Сигареты принести требовал.

Даже знаменитого доктора Белаковского Олега Марковича попросил приехать в больницу, поговорить с Анатолием Васильевичем. Может, к его авторитетному мнению прислушается, пройдет-таки полноценный курс лечения? Никто и ничто не могло убедить родного человека лечиться. Он просто отказывался от лекарств, терапии. Из клиники отец уже не вышел. Умер ровно спустя сто дней после кончины дорогой супруги.

Да, папу рядом с мамой похоронили, разумеется. Разве можно их разлучать? Отец, помню, ни разу вслух не обмолвился: мол, положите меня к обожаемой женушке. Не собирался

умирать. Мысли о возможном уходе не посещали, не преследовали. Кто-то, помню, предлагал Анатолия Васильевича хоронить на Ваганькове. Престижнее якобы. Мы, его близкие, возражали. Во-первых, далеко друг от друга, а во-вторых, нельзя родство душ нарушать.

Канада только снилась

Признаться, после кончины родителей, да еще такой стремительной, боялся опуститься. Проще говоря, спиться. Чтобы немного прийти в себя, начал дачу отстраивать под Звенигородом, недалеко от тамошнего монастыря. Места красивые. Участок жены моей, затем прикупили еще пол-участка. Теща, молодец, по хозяйству помогала. Сына к хоккею приобщал, матчи с участием армейцев он смотрел. В общем, удалось выйти из «пике». Сам пытался на должность в спорте устроиться, плюс работал в таможенной академии.

Если задуматься, год ухода мамы с папой выдался просто страшным – по совокупности. Квартира наша сгорела, машину разбили. Еще дачный домик в Фирсановке какие-то негодяи сожгли. Вереница навязчивых покупателей не оставляла семью в покое. Ходили и ходили, место хорошее. Мы им отказывали. Результат – поджог.

О периоде пребывания отца в Швейцарии я коротко упомянул. Теперь подробности. Папа, как уже рассказывал, был очень легким в общении, быстро находил общий язык почти со всеми. С хоккеистами – подавно. Сразу подружился с Сашей Зыбиным, Славой Быковым, Андреем Хомутовым, бывшими армейцами.

Они работали на тот момент в этой альпийской стране. Компанию составил и украинский голкипер, выступавший в одной команде с Зыбиным. В общем, подобралась славная русская колония. Отличные ребята, приятно с ними общаться.

> Очень жаль, что по меркам советского спорта атлеты, перешедшие тридцатилетний рубеж, считались завзятыми «ветеранами».

Папа отправился в Швейцарию, напомню, в 89-м. Меня, кстати, с собой позвал. Во время показательных занятий с детворой чудеса техники демонстрировал, всячески импровизировал. Дети в восторге пребывали. А я с вратарями работал.

Немножко отвлекусь от темы. Пытался, нетрудно догадаться, хоккейным наставником стать. Не получилось. Вакансий якобы не осталось. Отец в какой-то степени содействовал, но, видимо, не судьба. Везде, так, во всяком случае, со стороны представлялось, должности заняли «свои» люди. Все и вся, как в подобных случаях говорят, схвачено. В одну из спортивных школ вместо меня

пригласили, например, капитана подводной лодки…

Папа как раз и на ниве бизнеса проявлял себя. Наверное, отчасти мера вынужденная, однако почему не попробовать силы в новом начинании? Тем более в компаньоны звал весьма известный бизнесмен – Брынцалов. Он, представьте, по совету Анатолия Васильевича даже завод приобрел, чтобы производить и реализовывать товар.

К слову, физкультурно-оздоровительный комплекс вместе открыли, отец заведовал этим учреждением там, в Швейцарии. Много времени уделял, все-таки знакомое ему направление. Таким образом, мне материально неплохо помогал, отправлял деньги. Вообще мы с ним в то время договорились о реализации ряда совместных проектов. Он мою работу, естественно, оплачивал. Я, в свою очередь, мог на эти деньги отправить к нему, в Швейцарию, жену с ребенком. Чистым горным воздухом подышать. Отец прожил в стране три или даже четыре года.

Анатолию Васильевичу я помогал по работе в Польше, когда он местную «Легию» тренировал. Язык польский достаточно быстро и успешно освоил. Везде сопровождал отца, помогал тем самым общаться без проблем с игроками, руководством клуба, болельщиками. Они весьма доброжелательно относились к русскому тренеру.

В той же Швейцарии французский с английским в ходу. Там папе облегчала жизнь профессиональная переводчица, кстати, наша соотечественница. Он, по обыкновению, легко с ней сошелся, отношения стали приятельскими.

Упомянутую мною «Легию» отец едва ли не с последних позиций наверх поднял. Тем не менее в СССР ему не давали толком работать. По возвращении из Варшавы Фирсов-старший, легендарный форвард ЦСКА и сборной, оставался не у дел по большому счету.

Ситуация тем паче казалась слишком огорчительной, потому что в свои 32 года знаменитый Фирсов был полон сил, хотел еще играть. Может, не совсем последовательно рассказываю, не взыщите. Просто чувство некоторой горечи от тех лет до конца не проходит. И, наверное, не пройдет, ведь речь о судьбе близкого мне человека.

Очень жаль, что по меркам советского спорта атлеты, перешедшие тридцатилетний рубеж, считались завзятыми «ветеранами». Не только в хоккее, кстати. Им часто указывали на дверь именно из-за фактора возраста, и все тут – «старик».

«Стариковскими» штучками отца восхищался в свое время знаменитый штангист Жаботинский. Он как-то заглянул на тренировку хоккеистов, и – обомлел. «Ветеран» хоккея, Анатолий

Васильевич Фирсов, так прыгал в упражнении со штангами, что свидетели рты от изумления пооткрывали. Возможно ли сие?! Жаботинский тогда признался: «Если бы пришлось прыгать со штангами, как Васильич это делал, точно «коньки» бы отбросил».

Готовность отца, похоже, никого не убеждала. «Старый, гнать его пора», – вероятно, такой была всеобщая установка. Между тем он на полном серьезе собирался улететь, по возможности в Канаду. Анатолия Васильевича звал к себе не кто-нибудь, а «Монреаль Канадиенз».

О намерениях отца узнали советские чиновники всех мастей, устроили взбучку. Разразился вселенский скандал! Как, советский человек, коммунист, знаменитый хоккеист задумал родину предать?! Видимо, таков лейтмотив многих выступлений функционеров. Установка известная: не пущать любой ценой! И вообще, ату его. Фирсова объявили чуть ли не врагом народа.

Отца после «неслыханной провинности» попросту убрали из хоккея. Тут еще совпало, Анатолий Владимирович ушел из большого хоккея, покинул пост национальной сборной. Заступиться совсем некому. Папа остался наедине с безжалостными и достаточно могущественными представителями «системы». Они не прощали подобных «проступков».

> Упомянутую мною «Легию» отец едва ли не с последних позиций наверх поднял. Тем не менее в СССР ему не давали толком работать.

Естественно, на матчи Суперсерии-72 против канадских профессионалов папу в сборную не пригласили.

По-моему, он куда больше переживал, что не дали ему сыграть на закате карьеры в «Монреаль Канадиенз». Вы, может, удивитесь, однако деньги в данном, конкретном случае вообще не играли для него роли. Лишь бы предоставили возможность там выступить, атмосферу, как говорил отец, прочувствовать. Анатолий Васильевич в сердцах бросил тогда чиновникам: мол, заберите все гонорары себе, оставьте немного средств, чтобы ноги не протянуть с голодухи. Не пошли и на это! Панически чего-то боялись.

Дружба с Высоцким

Уже подробно рассказывал, что отец легкий в общении человек. Мог сойтись с людьми, на мой взгляд, любых профессий. И близко не ощущался в нем даже налет некоей звездности, присущей некоторым знаменитым спортсменам. Вот еще одна любопытная и в какой-то степени поучительная история. Между прочим, она имеет продолжение и сегодня.

Папа в бытность хоккеистом спешил на тренировку или матч во дворец спорта ЦСКА. На Ленинградке тормознул машину Анатолия Васильевича гаишник. Фирсов предъявил права, там значилась фамилия, известная всему хоккейному миру. Гаишник спешно отдал документ: дескать, уезжайте, и побыстрее. Отец в ответ: «Давай в гости ко мне, на дачу. Попаримся, отдохнем славно». Страж порядка опешил от неожиданности. Конечно, не решился в гости приехать.

Спустя время папа снова увидел знакомого гаишника, примерно в тот же час и на том же месте. «Что же ты, дружок, подвел, – мягко пенял своему знакомому Анатолий Васильевич. – Я баньку натопил, тебя ждал». Эту историю рассказал позднее сам гаишник. Папа дружил с ним до конца дней. Сотрудник ГАИ стал наведываться к нам регулярно, крепко подружившись с членами нашей семьи. Приезжал на дачу вместе с сыном. С ним-то я общаюсь до сих пор.

По окончании активной карьеры Анатолия Васильевича друзья из мира хоккея словно забыли дорогу к нам. Видимо, Фирсов не исключение в этом смысле, такой стиль отношений весьма распространен. Никого не осуждаю, просто констатирую. С партнерами по ЦСКА и сборной СССР отец, тем не менее, общался непосредственно на хоккее. События в мире спорта обсуждали, оценивали игру молодежи. Делились новостями семейной жизни.

В торце дворца спорта «Лужники», за кулисами, буфет был. Там в перерывах между периодами, по окончании хоккейных встреч папа мог посидеть с давними товарищами и партнерами. С Александром Павловичем Рагулиным, например. Ну, немножко расслаблялись, после можно себе позволить.

На дачу, как правило, приезжали простые люди, тоже многолетние друзья отца. О гаишнике я упоминал. Капитан подводной лодки отдыхал, да кого только не было! Навещали знакомые, работавшие вместе с Анатолием Васильевичем в Польше, Швейцарии. Словом, мы не скучали, точнее, друзья не давали скучать, закиснуть.

Квартиру дали родителям почти сразу после моего рождения

на Новом Арбате. Неплохое жилье, в престижном месте, но квартирка-то однокомнатная. В ней проживали, естественно, родители, я со старшей сестрой и бабушка с дедушкой. Как мы там все размещались, ума не приложу.

После победы советской сборной на Олимпиаде в 72-м, к успеху на которой причастен и отец, нам предоставили большую площадь в районе Марьиной Рощи. Туда уже звали гостей. Да они и сами, без особого приглашения, приезжали. Тогда было не очень принято звонить, предварительно договариваться и т. д.

Спонтанно появлялись, общались с удовольствием. Тем паче зная легкий, непринужденный, гостеприимный нрав Анатолия Васильевича, можно не сомневаться в успехе предприятия. От гостей отбоя не было.

Папа действительно дружил с Высоцким. Популярный артист как раз приезжал в новенькую квартиру в Марьиной Роще. Владимир Семенович даже гитару свою подарил Анатолию Васильевичу – на память. Отношения истинно приятельские, можно сказать, трепетные. Так сложилось по жизни, характерами, наверное, сошлись.

Дома они общались, на сборах в Архангельском, когда отец готовился к матчам в составе ЦСКА и сборной. Высоцкий туда наведывался. После спектаклей театра на Таганке тоже виделись. Словом, едва выпадало свободное время, встречались.

А гитара между тем очень-очень пригодилась. На ней исполняли замечательные мелодии во время свадьбы моей старшей сестры, с которой у меня сохранились нормальные, теплые отношения до самой ее безвременной кончины. В нашей семье по-другому и быть не могло.

Из людей артистической среды отец достаточно близко общался с известной певицей Валентиной Толкуновой, также Иосифом Кобзоном. Иногда, говорят, пересекался на разных мероприятиях и с Юрием Гагариным. Тот живо интересовался событиями в хоккее, расспрашивал папу о житье-бытье.

Пример мамы с папой в сердце моем

Отец, к слову, никогда не пичкал меня советами относительно личной жизни. Тем более не навязывал свои взгляды, в том числе и в принципах выбора спутницы жизни. Ну, не принято у нас давить, нотации читать, поучать. Каждый свободен и ответственен в поступках. Я и с собственным сыном подобным образом отношения выстроил.

Так получилось, с супругой знаком еще с раннего детства. Понятно, к моменту бракосочетания весьма хорошо друг друга знали, прочувствовали многие моменты, пережили всякое. Родная тетя моей избранницы, например, – жена известного хоккейного голкипера Чинова. Эта тетя очень сошлась, в свою очередь, с моей мамой. И дружно, вместе отправлялись на хоккейные матчи с участием ЦСКА и «Динамо», где отчаянно переживали за своих мужей.

На добрые, теплые отношения в быту успехи или неудачи в хоккее их любимых команд, чьи цвета защищали мужья, никак не влияли. Да и жили мы практически рядом, они – на Мосфильмовской, мы в Марьиной Роще. Друг к другу, разумеется, в гости ездили, супружеская чета Чиновых на даче нашей отдыхала. В общем, все как у нормальных, гостеприимных людей.

Трогательная, потрясающая история любви родителей оставила неизгладимый след в душе, сердце. Невольно и я наметил для себя внутренние ориентиры в плане того, какой должна быть избранница, как мне жить с ней душа в душу. Немного забегая вперед, скажу, никогда даже близко не были на грани развода. Мы неразлучны. В феврале прошлого года отметили 25-летие совместной жизни.

Поженились молодыми, можно сказать, юными людьми. Мне 22, ей 19. Еще до свадьбы разбежались на некоторое время. Наверное, решили проверить глубину чувств. Сказал ей тогда: «Поживу-ка я в Питере, а ты останешься в столице». Созванивались, конечно, но весьма редко. Вернулся я в Москву, все-таки учеба в институте физкультуры обязывала. Учился, кстати, вместе с Мишей Бобровым, сыном знаменитого Всеволода Михайловича.

Встретился с Ольгой, оба поняли: чувства не остыли. По-моему, уже не могли жить друг без друга. Поженились.

Сына назвали Анатолием, в честь деда. Одно время тоже хоккеем занимался, в ЦСКА, у известного мастера Трунова. Сынку непросто в армейский дворец спорта добираться, все-таки далеко для пацана. Перевели мы его поближе, в школу «Созвездие».

Пробовал наш Толя плаванием заняться. Разносторонним мальчиком рос.

Дедушка с бабушкой еще успели тренировки внука посетить. Мама моя, с присущим женщинам темпераментом, нетерпением, хлопотами, сильно переживала за самого маленького в семье Толю Фирсова. Ему на тот момент всего семь лет исполнилось. Предмет, точнее, объект особой заботы бабушек и дедушек.

И во время одного из занятий мама настолько испереживалась за внука, что едва не выскочила на лед. Дескать, ребенка жажда замучила, пить он хочет, а вы его насилуете. Анатолий Васильевич, тут же присутствовавший, с трудом удержал супругу от опрометчивого шага. Конечно, во время тренировки строго возбранялось какое-либо вмешательство со стороны. Кого бы то ни было.

Сыну нынче двадцать три года. Подробно рассказывал ему о пути деда в большом хоккее. Он в принципе сам многое знает о тернистой и в то же время славной карьере любимого дедушки. С удовольствием смотрит матчи поколения игроков 60—70-х. Вместе наслаждаемся, оцениваем, сравниваем.

Не стану сопоставлять уровень хоккея тех лет и нынешнего периода. Пожалуй, не имею на это морального права. Все-таки я не «звезда» популярной игры, пусть подчеркнут разницу, если угодно, люди авторитетнее меня. Мы просто смотрим с сыном матчи, и все. Обоим импонирует разная манера игры. Например, получаем истинное удовольствие от просмотра встреч замечательной серии-72. Или Кубков Канады.

Да и нынешний хоккей по-своему хорош. Сумасшедшими скоростями, накалом страстей, неуемной жаждой борьбы. Красиво проведенными силовыми приемами. Компанию нам, мужчинам, неизменно составляет девушка сына. Она отнюдь не равнодушна к любимому семьей занятию. Отчаянно переживает за российскую сборную, печалится, если она проигрывает. Все Олимпиады, чемпионаты мира вместе по телику смотрим.

> Еще время от времени случаются приступы эпилепсии. Потому матчи с участием теперешнего ЦСКА, к сожалению, приходится пропускать – по состоянию здоровья.

Вот моя супруга, признаться, далека от хоккейных страстей. Между прочим, она бывшая художественная гимнастка. Но к хоккею душой не прикипела. Зато прекрасно готовит. Для нее не существует секретов в кулинарии. Колдует над любыми блюдами, ее искусству все доступно. Вкусно, пальчики оближете!

Отец приобщил меня к хоккею. Возлагал определенные

надежды. Дошел уровнем своим до молодежки ЦСКА, в меру техничным считался. Прекрасно помню состав звена, в котором выступал, люди весьма известные. Я левого крайнего форварда играл, Путилин – центра, и справа Буре. В защите Иванов с Зубовым. Очень перспективным сочетанием называли нас специалисты.

Габаритами, однако, по меркам большой игры, увы, не отличался. На тот момент, можно сказать, «метр с кепкой», – метр и 62 сантиметра. Маловато, чтобы с мощными защитниками тягаться. Каким бы ты техничным ни был, все равно заведомо проиграешь единоборство.

Короче говоря, в ЦСКА меня не взяли, когда молодежный возраст закончился. В питерский СКА тоже. Поступил учиться в институт физкультуры, поигрывал за студенческий коллектив. Игра никогда не отпустит, если ее полюбил. Как раз за три месяца до того как стал абитуриентом вуза, вымахал на семнадцать сантиметров. Но «поезд» в большой для меня хоккей ушел. Раз и навсегда.

Правда, я успел еще поработать тренером, опять же в ЦСКА. Готовил сначала молодежку. Затем и вторую команду армейцев. Знаменитый наставник Виктор Васильевич Тихонов, помню, приходил на наши занятия – консультировал, подсказывал. Скрупулезно за ним конспектировал, анализировал. И накануне моего вылета с командой в Канаду тоже пришел, разговор получился весьма конструктивным, полезным.

Сейчас не работаю. Не могу найти место приложения сил после сокращения. В основном на даче сижу, фермерское хозяйство развиваю. В материальном плане более или менее нормально все.

Еще время от времени случаются приступы эпилепсии. Потому матчи с участием теперешнего ЦСКА, к сожалению, приходится пропускать – по состоянию здоровья. Выбираюсь на игры крайне редко.

Условия города мне противопоказаны. Больше на природе нахожусь, сказал уже, на даче – «колдую» над участком, сажаю и выращиваю урожай. Трудно сказать, в чем тут истинная причина нездоровья, человек-то я не старый.

Возможно, сказался чудовищный стресс после потери родителей. Скорее всего, так. Его последствия будут ощущаться, наверное, до конца дней. Совсем не паникую и ничего не предрекаю, просто констатирую.

Супруга моя тоже ездит на работу фактически из деревни. У нее, слава богу, нет проблем со здоровьем, как у меня. Ну, не будет же она жить в городе, вдали от семьи. В Москве объективно

дышать нечем. Поэтому приезжаю в столицу исключительно по неотложным делам.

…Мечты? Сына хочу женить, а то живет с любимой девушкой в гражданском браке. Внуков пока нет, а хотелось бы иметь. Не убеждал и не собираюсь убеждать сына в правильности или ошибочности выбора жизненного пути. В его личные отношения опять же не вторгаюсь. Мы с отцом так же общались, многому у родителей научился. Каждый в этом смысле живет, как считает нужным.

Да, подсказываю ему в определенных моментах, если он сам попросит. А так – ни-ни. Приезжает Толя с девушкой с нами поговорить, чайку попить, отобедать у замечательного кулинара – мамы. И опять к себе домой молодые спешат. Собственно, обычные будни, как у многих.

Служил срочную

– Отец мой кому-то со стороны, наверное, весьма суровым человеком представлялся. Особенно на хоккейной площадке, во время напряженных матчей. Но это отнюдь не так, – вспоминает о своем легендарном папе сын Александра Павловича Рагулина Антон. – Про те времена, когда родитель играл, разумеется, в подробностях рассказать не могу: слишком маленьким был.

По окончании активной карьеры отец молодежку ЦСКА тренировал. Я в те годы – своеобразный «сын полка», вместе с командой ездил по городам и весям. Позже сам стал игроком молодежного состава. Вообще замечательные, товарищеские отношения сложились с тем же Андреем Хомутовым. А Игорь Стельнов стал мне, по сути, старшим братом, очень хорошо с ним общались вплоть до его безвременной кончины…

По-моему, Александра Павловича в команде глубоко, искренне уважали. И даже, судя по всему, любили, дорожили его мнением, шли за советом. Вот Валерий Харламов мог к нам домой приехать часа в два ночи. Чтобы поговорить по душам с Палычем, так любовно называли отца в ЦСКА и сборной. Ну, срочно требовалось душу излить. Разве отец мог отказать, да еще Харламову?! Тем более форвард наш приехал не с пустыми руками, а с ящиком шампанского…

Когда подрос, отношения с отцом несколько изменились. Нет, не хуже стали. Просто, скорее, мы приятели – он как бы старший друг, нежели папа в общепринятом смысле. Конечно, в определенные моменты советовался с ним. Но иногда отец, как говорят, ставил меня на место.

До призыва в армию, уже говорил, успел поиграть в молодежке ЦСКА. И в принципе мог, наверное, остаться в Москве, продолжать выступать в знаменитой команде. Тем паче успехи непосредственно в хоккее были, выиграли чемпионат Союза. Да и сведущие люди советовали: мол, я должен играть только в ЦСКА, не надо дергаться.

Пока метался, где и как продолжить карьеру, повестка в армию пришла. «Пап, что делать-то? Служить забирают». Александр Павлович не посодействовал мне остаться в столице. Может, с армейским начальством поговорить, другие шаги предпринять. Ну, как вышло, так и вышло. Не в обиде на близкого человека. Нормально общались. Могли и поссориться, какое-то время дуться друг на друга. Иногда вовсе не разговаривали. Но родственные души все равно надолго не разлучить.

Мы оба чувствовали: не проживем поодиночке. Снова

сходились, встречались, общались. Особенно в непростые для каждого из нас периоды, они у всех случаются. Отец нуждался во мне, я – в нем. Просто в близости. Александр Павлович всегда искал меня в плане общения. И мне без него, глупо скрывать, было плохо.

Словом, меня призвали тогда на общих основаниях. Представьте, разбирал завалы после страшного землетрясения в Спитаке. Стал участником и свидетелем событий в Тбилиси в конце 80-х. Наверное, обогатил, таким образом, свой жизненный опыт. Мне это многое дало. В то же время, полагаю, немало потерял – в смысле упущенных возможностей в большом хоккее.

По ходу службы оказался в «учебке» на Украине. Оттуда, кстати, можно было попытаться в спортроту попасть, дальше в состав киевского «Сокола» пробиться. Не очень-то, видимо, рвался я туда. Судя по всему, психология людей меняется в спартанских условиях. Достаточно близко сошелся с местным боксером, отличный парень! Мы друг без друга уже не представляли дальнейшую службу. Пошли к замполиту, просили ни при каких обстоятельствах нас не разлучать. Так и прослужили с ним всю срочную.

Вернулся из армии. На свет, как грибы, появлялись коммерческие команды. Попробовал себя в одной из них, возглавлял ее знаменитый хоккейный наставник Николай Семенович Эпштейн. Он и позвал меня. Думал, уже поздно в большую игру возвращаться, в сомнениях пребывал. По прошествии лет понял, зря бросил хоккей. Ну, что теперь жалеть…

Время всеобщего разброда, шатаний, метаний. Будущее смутным представлялось. Погонял я полгода шайбу, затем появилась возможность денег заработать. В бизнес ушел. И хоккей стал сладким воспоминанием, приятным сном. Конечно, немного жаль, что не состоялся как мастер в большом хоккее. Увы.

Отец и раньше говорил, что в смысле продвижения по ступенькам спортивного мастерства не станет помогать. Мол, сам добивайся всего. Наверное, он в чем-то прав. Убиваться, корить себя или отца по данному поводу не стоит. Жизнь в целом неплохо идет.

Ампутация грозила

Период адаптации после ухода из хоккея был, наверное, как у многих знаменитостей, весьма непростым. Если не сказать, тяжелым. Это больше со слов мамы, я-то совсем малышом был. Папа завершил выступления в 73-м, а я родился в 69-м. Сложно психологически заканчивать блестящую карьеру, уходить в расцвете сил куда-то «за кулисы».

Позднее, когда я подрос, отец рассказал, что мог спокойно играть еще три-четыре года. Но в чем особенность тогдашнего ЦСКА? Легендарный наставник армейцев Анатолий Владимирович Тарасов никому поблажек не делал. Ни молодым мастерам, ни заслуженным, уровня папы. Во время тренировок нагружал всех, без исключения, по полной программе.

Ближе к тридцати годам Александр Павлович, с его же слов, во время активной карьеры грузил себя на тренировках столько, сколько принимал организм. Остальное, по мнению отца, избыточные, ненужные вещи. Вот и все. Перебор с нагрузками – тоже плохо, лишь во вред спортсмену.

Он и с молодежкой ЦСКА по схожему принципу работал. С каждым юношей – индивидуально. Кого-то от души гонял, кому-то облегчал бремя. Очень вариативным, гибким тренером слыл. Сама атмосфера в той команде была такой, когда пацаны, как говорят, за тренера играли, душу отдавали хоккею, своему обожаемому Палычу. Глубоко уважали его, очень любили. Потому игре отдавались полностью.

Видимо, сознание того, что не до конца реализовал себя в большом хоккее, как говорят, «не доиграл, не допел», тяжело отцом переживалось. Алкоголем увлекся, года два-три длилось. Но взял себя в руки, не опустился. Да, закончил играть, масса друзей и знакомых окружали его, свободное время появилось после ухода из хоккея. Потому немного и расслабился.

Папа оставался нормальным, контактным человеком, двери нашего дома практически не закрывались. Повторюсь, отец обладал характером, не позволявшим уйти в околоспортивное небытие. Тогда ему и предложили работать с молодежной командой ЦСКА, об этом отрезке я уже рассказал. После чего Александр Павлович тренировал взрослую дружину из Новосибирска. Лет сорок ему исполнилось. Потом наступил новый период в жизни. Кстати, относительно благополучный.

Если помните, представители Национального фонда спорта добились квот на беспошлинный ввоз в страну ряда товаров, в том числе водки, табака и т. д. На ассоциацию ветеранов хоккея,

возглавляемую отцом, тогдашний председатель ФХР Валентин Сыч тоже выделил упомянутые квоты. Это явилось хорошим подспорьем.

> Видимо, сознание того, что не до конца реализовал себя в большом хоккее, как говорят, «не доиграл, не допел», тяжело отцом переживалось.

Но отец, разумеется, в силу характера, ментальности был несведущим в подобных вопросах человеком. Тогда я предложил помочь. Родные люди всегда договорятся. Организовали фирму с моими знакомыми из таможни. Неплохо несколько лет кряду трудились. Скажу так, на благо всех нас.

Плюс папе все-таки платили так называемую военную пенсию. И руководство Олимпийского комитета не забывало знаменитого советского хоккеиста, стипендию ему оформили. К слову, заработанные от нашей деятельности с квотами средства Александр Павлович вложил в обустройство дачного участка. В общем, не сказал бы, что семья жила впроголодь, остро нуждалась в чем-то. Например, у мамы с папой по автомобилю было, тоже характеризует. Не шиковали, но и не бедствовали.

Не знаю, какую, например, зарплату отец приносил во время своей карьеры. Повторюсь, слишком маленьким был тогда, объективно не владел информацией. Как-то в руки попала старая офицерская книжка папы за 1972 год. Там стояла цифра в 1000 рублей, по тем временам очень-очень неплохие деньги. Скорее всего, этот гонорар как бы по совокупности деяний ему начислили. Конечно, фигурировали цифры и скромнее. Но факт налицо: безденежьем наша семья не страдала.

Между прочим, нередко папе предлагали престижные должности, посты. К примеру, популярный в те годы генерал Лебедь звал Александра Павловича на работу в депутатский корпус Госдумы. Не хотел он идти в политику. В тренеры, консультанты в хоккее тоже приглашали, отказал, однако, всем. И не потому, что считал данные занятия чем-то грязным, постыдным, нет.

Причина в ином. Отец неизменно сетовал, во всяком случае, в беседах со мной, на усталость. Наверное, не столько на физический, сколько моральный, психологический износ. Все-таки весьма насыщенная, продолжительная жизнь в большом хоккее отняла, видимо, немало сил душевных. Было ему на тот момент где-то под 50.

Папа, как и его друзья – Петров Владимир Владимирович, Иванов Эдуард Георгиевич, ряд других, стояли у истоков создания первой команды ветеранов хоккея. Советского,

разумеется, розлива. Движение постепенно разрасталось, динамовцы со спартаковцами со временем подтянулись.

На лед в подобных матчах отец выходил разве что в самом начале, когда славные наши ветераны проводили стартовые встречи. В том числе и против любительских команд, разъезжая по городам и весям с показательными играми. С ногами у Александра Павловича дело плохо обстояло. Давал знать о себе избыточный вес – последствие сахарного диабета.

В клинике Бурденко по ходу курса лечения вообще прогнозировали ампутацию ноги, там уже не видели перспектив. Словом, отца ждала незавидная участь выдающегося футбольного голкипера Льва Ивановича Яшина.

Папа пребывал в отвратительном, сказал бы, даже ужасном, угнетенном состоянии. Он не представлял себе, что будет по-стариковски доживать век, в лучшем случае просиживая дни в инвалидной коляске у подъезда дома. Слава богу, нашелся неравнодушный к судьбе знаменитого хоккеиста человек. Это тогдашний руководитель Олимпийского комитета России Виталий Смирнов.

На деньги ОКР папу отправили в американский Солт-Лейк-Сити. Взяли на себя расходы и по операции в местной клинике. Отец позже летал туда на курс реабилитации. Словом, обошлось без всяких ампутаций. До конца дней отец, что называется, передвигался на своих двоих. На лед, однако, не выходил. По понятным причинам.

Братья боготворили маму

Александра Павловича мы, в хорошем смысле, использовали порой как «тяжелую артиллерию». В плане решения некоторых, скажем так, бытовых вопросов. В том числе в сфере бизнеса. Рагулин-старший, конечно, оставался авторитетнейшим, популярнейшим спортсменом и по окончании карьеры. Мы этим, не скрою, пользовались. Надо было справиться с проблемами, когда они представлялись трудноразрешимыми. Имя отца, его безупречная репутация служили гарантом успеха, своего рода «золотым ключиком» в рай.

К примеру, мне с друзьями по бизнесу кровь из носу требовалось давно заброшенное, никому не нужное помещение. Хотелось с партнерами сделать «конфетку» из бывшей столовой в Доме металлургов. Все равно она пустовала. А в руководителях здания числились люди с именами и фамилиями на уровне правительства России.

«Мы вас сюда никогда не пустим, кто такие?» – заявили нам высокопоставленные господа на предварительной встрече. На следующие переговоры позвали с собой моего отца. Вопрос решился моментально. Заветные подписи стояли под нужными нам документами. Конечно, платили папе определенные проценты за оказанные таким образом услуги. К взаимному удовольствию.

Уже говорил, у Александра Павловича жилка коммерсанта отсутствовала. Он мог лишь поучаствовать в «процессе» по чьей-то настоятельной просьбе. Одним только присутствием благотворно влияя на принимаемые решения, заключение сделок. Порой абсолютно бескорыстно. Способен тот или иной гражданин отблагодарить отца – хорошо. А нет, так нет. Папа уж точно не огорчался по столь прозаическому поводу.

Вообще отец мой рос и формировался в атмосфере искусства, высокой духовности. Представьте трех братьев-близнецов. Они не только шайбу гоняли, но и обладали другими талантами. Музицировали, например. Александр Павлович играл на контрабасе, братья соответственно на виолончели и пианино. Родители отца получили архитектурное образование, проектировали известную в столице гостиницу «Советская». Бабушка, кстати, тоже к музыке неравнодушна, принадлежала к старинной интеллигентной семье.

Мама отпускала братьев на хоккейные тренировки лишь в том случае, если они успешно занимались в музыкальной школе. Старались не огорчать матушку. У отца моего, например,

математика шла на ура, и в музыке он преуспевал.

Братья-близнецы, надо заметить, обожали, просто боготворили свою маму. Сейчас легко поймете почему. Так вышло, что отец мальчиков ушел из семьи аккурат перед самой Великой Отечественной. Они родились как раз в 41-м. На руках еще двое сыновей, чуть старше близнецов. Представляете?! И вот она с пятью малолетними детьми управлялась одна.

Отец мой в минуты откровения, искреннего восхищения матушкой признавался, что не представляет, как она вынесла эти тяготы. Причем братья, по свидетельству папы, были накормлены, одеты и обуты. Как полагается. Исключительно благодаря родному человеку, ее неустанной заботе, каждодневному вниманию сыновья выросли нормальными людьми, стали заметными личностями.

Если отец, как известно, по своему хоккейному амплуа защитник, то Анатолий Павлович ворота защищал, Михаил Павлович шайбы забивал, будучи форвардом. Можно сказать, органично дополняли друг друга. Но подлинно спортивных высот достиг лишь один папа мой, так сложилось.

Тем не менее Анатолий, к примеру, очень интересную жизнь прожил. В конце концов, немногим дано медали Олимпиад и чемпионатов мира выигрывать. Все равно он запомнился, думаю, друзьям, знакомым тоже. Наверное, первым в Союзе вратарскую маску соорудил. Прикольная такая, черная.

Любопытно, со слов самого Анатолия Павловича, этот предмет хоккейной экипировки он делал… с бюста известного политика Молотова. Вдова Антона, как мы его сокращенно и любовно называли, подумывает отдать ту вратарскую маску в замечательный музей ЦСКА, что на Ленинградском проспекте столицы.

Вообще жизнь его складывалась поистине трагически в личном плане. Сын погиб, жена умерла. Долго был глубоко одиноким человеком. Лет за десять до своей кончины встретил хорошую женщину, жили гражданским браком. С ней до сих пор общаюсь не только я, но и моя супруга, добрые отношения поддерживаем.

После непродолжительной хоккейной карьеры Анатолий Павлович работал в центре подготовки космонавтов. Отвечал за физические кондиции летного состава, еще, по мнению самих космонавтов, блестяще проявлял себя как спец мануальной терапии. Слышал о нем только лестные отзывы, все почитали его профессионалом высочайшего уровня. Очень жаль, нет Анатолия с нами, как и моего отца тоже.

Третий брат-близнец Рагулиных, Михаил Павлович, слава

богу, жив и здоров. Встречаемся не столь часто, как хотелось бы. Разве что по каким-то существенным поводам. Например, отправляемся компанией на кладбище, помянуть близких – отца моего, его брата Анатолия Павловича. Дни рождения, конечно, отмечаем. Созваниваемся, поздравляем друг друга с праздниками. Словом, все как у нормальных, любящих родственников.

Михаил Павлович при встрече неизменно просит не пропадать надолго. Стараюсь не пропадать, близкий же человек. Хотя, понятно, дети растут, забот в связи с этим прибавляется, обычные семейные дела. Времени на общение действительно в обрез.

С любимыми не расставайтесь…

Хотел бы рассказать об истории взаимоотношений родителей. История трепетная, с налетом грусти. Папа – хоккеист, мама – актриса. Точными сведениями, где и как они познакомились, к сожалению, не располагаю, да и не столь важно, наверное.

По рассказам самих родителей, свидетельницей со стороны невесты в ЗАГСе была школьная подруга мамы, супруга известного конькобежца Каплана. Кстати, именно она и познакомила моих будущих родителей. Компанию жениху составил хоккеист, вратарь столичных «Крылышек» Евгений Палеев. Савелий Крамаров присутствовал на церемонии, да много известных, культовых людей.

У мамы до знакомства с папой уже был опыт первого брака, видимо, не совсем удачный. Развелась с Александром Рыбиным, он сначала работал оператором на киностудии имени Горького, затем возглавил ее. Дочка у них, Наташа, сводная моя сестра.

Нередко бывает, после развода наступает некая душевная опустошенность. Со слов мамы, именно это чувство опустошения она и ощущала. Полюбить снова, тем паче скоропалительно выходить замуж в ее планы не входило. Дочь была семи лет на руках, карьеру хотелось делать. Деньги, наконец, зарабатывать для неполной, но все же семьи.

Однако едва ли не все мамины подруги наперебой говорили: что тут думать?! Это же Рагулин! Фамилию знаменитого, гремевшего на весь спортивный мир хоккеиста она, конечно, слышала, глупо отрицать. Правда, от самой игры, ее страстей, персонажей на тот момент была слишком далека. В лицо почти наверняка игрока ЦСКА и советской сборной не узнала бы. Ну, не болельщица хоккея.

Так что скорее Александр Павлович жаждал жениться, чем мама выходить замуж. Объективно. Папа буквально безумства творил, чтобы привлечь внимание любимой женщины. Он к тому времени приобрел едва ли не первую роскошную «Волгу», во всяком случае, среди хоккеистов.

Приезжал глубоким вечером во двор дома, где жила мама, вместе со своим давним партнером и другом по жизни Евгением Мишаковым. Что есть мочи сигналил под окнами. Готов был всех разбудить, поставить на уши. Но увидеть-таки обожаемую девушку. Влюбился человек. «Смотри, спускается, – увидев тонкую фигуру возлюбленной, восхищенно шептал отец. – Едем кататься!» И пытались вырулить на Садовое кольцо, чтобы

прокатиться с ветерком. Увы, вырулить не получилось. Видимо, знаменитые хоккеисты еще не овладели мастерством вождения. Врезались в стену дома.

Кто, как правило, чаще других по ночам мчит на легковушках? Правильно, таксисты. Они, в отличие от мамы, ярые болельщики, легко узнали в салоне авто лица кумиров. И предложили развезти неудачливых водителей «Волги» по домам. А несколько помятый папин автомобиль пригнать утром в лучшем виде.

Все согласились – к взаимному удовольствию. Таксисты деликатно просили: в ответ, дескать, за услугу нельзя ли билетиками на хоккей разжиться? Тогда попасть на матчи ЦСКА, например, со «Спартаком» ох как проблематично было. Вот такая, в чем-то забавная история.

Родители любили друг друга. Некоторые шероховатости в отношениях случились, пожалуй, по окончании хоккейной карьеры отца. Наверное, когда он уехал тренером в Новосибирск. Возможно, сам факт отъезда стал роковым для семьи. По ходу работы в Новосибирске папа познакомился с женщиной. Конечно, мама узнала. Хоккеист Рагулин слишком известен, информация разошлась с курьерской скоростью.

Инициатором разрыва стала она. Немного забегая вперед, скажу: по-моему, мама любит отца до сих пор. И, вероятно, сожалеет о том шаге. Папа, между прочим, не хотел разводиться. С годами, став старше, мудрее, глубже начал понимать хитросплетения отношений. Господи, насколько все непросто! Александр Павлович вообще не сторонник резких движений, скоропалительных поступков. Такого склада человек. Надеялся, все «устаканится». Оказалось, зря питал надежды.

Мама импульсивна, эмоциональна, – женщинам присущи эти качества. К тому же актриса все-таки. Позднее, судя по всему, жалела о том решении. Поезд, как говорят, ушел. Даже после официально оформленного развода родители продолжали общаться. В гости приезжали, например, ко мне. Во всяком случае, и близко не было, чтобы мама с папой друг друга не переносили. Некоторая симпатия осталась, врагами никогда бы не стали. Виделись, разговаривали практически до самой кончины отца…

А при жизни мы с отцом к маме наведывались, она с удовольствием нас принимала. Мама тоже приезжала ко мне, когда папа гостил. Абсолютно нормальная, раскованная атмосфера, казалось, как и в браке. Но снова сойтись, видимо, не представлялось возможным.

Судя по всему, каждый из них ощущал, что внутренне будто

«выключатель щелкнул». Образно говоря, «свет в комнате погас». Так угасали их чувства, еще относительно недавно представлявшиеся весьма прочными. Увы, ничто не вечно под луною.

Когда начались скандалы, я первоначально защищал интересы мамы. Естественная реакция подростка. Не скрывал своих чувств, даже ругался с папой, пытаясь наставить его на путь истинный, как мне казалось. Ему крайне неприятно выслушивать подобные вещи от сына. Ну, переходный возраст, 15 лет. Подростки часто нетерпимы, категоричны.

В принципе, я догадывался, интуитивно чувствовал, что все идет к разводу. Слабая надежда еще теплилась, что родители, возможно, помирятся, найдут компромисс. Забудут прежние обиды, уйдет в прошлое недопонимание. Увы, повторюсь, не срослось. Наверное, как и любому ребенку, мне очень жаль, что родители развелись. К тому моменту они фактически и не жили вместе. О разводе мне сообщила мама, когда я в армии служил. Новость в какой-то степени ошеломила.

В неполные девятнадцать лет люди горячие, эмоциональные. В них больше чувства говорят, нежели разум. Словом, одно время ни с кем из родителей не общался. Чуть позже, правда, многое нормализовалось. Чужими мы все равно никогда не стали бы.

Отслужив положенный срок, вернулся в Москву. И после развода родителей стал жить самостоятельно. Хотя до призыва в армию проживал с близкими людьми под одной крышей, разумеется. Ничего, возмужал, первое время снимал жилье. Неплохо зарабатывал.

Прежде чем рассказать о своей взрослой поре, вспомню весьма кстати еще пару-тройку эпизодов. Все-таки история с разводом родителей – словно заноза в сердце. Как раз лет в пятнадцать-шестнадцать отправился с отцом на юг отдохнуть. Едва приехали в Сухуми, папа сослался на занятость, оставил меня одного.

Срочно улетел по делам в Новосибирск, он там местную команду тренировал. «Увидимся в Москве, когда вернусь из Сибири», – ободрил Александр Павлович. Подхватил я двустороннее воспаление легких. И врачи строго-настрого запретили мне на лед выходить, тренироваться с друзьями-хоккеистами. Потому что опасность рецидива высокая.

Мама в тот период встречала съемочную группу американской компании «Эн-би-си». Гости столицы намеревались снять фильм о Петре Великом. Мой английский, к слову, был очень хорош, в соответствующей школе учился. Продюсеры искали мальчишку на роль юного брата русского царя. Мама

предложила: «Давай, попробуем. Все равно пока тренироваться не можешь из-за болезни».

Попробовали. Мой английский вполне подошел. Где-то на полгода мы уехали на съемки. Мне нравился сам процесс. Ведь крайне интересно, когда тебя, пятнадцатилетнего подростка, гримируют под 35-летнего, затем 40-летнего человека. Герой фильма, понятно, как бы рос, мужал по ходу сценария.

Рядом со мной, мальчишкой, снимались известные актеры, к примеру, Ванесса Рэдгрейв, ряд других, не менее колоритных персон. Действительно интересно. Поработал я, себя показал, окружающих посмотрел. Однако все это любопытно именно в разовом варианте – по моим, личным ощущениям. Кстати, предлагали сниматься и в других проектах. Но очень не понравилась так называемая внутренняя кухня. Откровенно говоря, не мое занятие.

Нынче, с высоты лет, лучше понимаю мотивы поступков того же отца. Наверное, в какой-то период времени ему стали сильно претить бесконечные отлучки мамы на съемки. Она, можно сказать, не вылезала из них – да, издержки профессии. Могла бы, однако, больше времени уделять семье, тому же папе. Вот он и понервничал, ушел.

Мама, уже говорил, тоже импульсивный, в чем-то нервный человек. Никого не осуждаю, просто пытаюсь размышлять, понять. Отца, между прочим, во время активной карьеры тоже практически не видел дома. Меня воспитывали по большому счету бабушка с дедушкой. Так что я, по сути, их сын.

Как уходил родной человек

По-моему, известный тезис – с любимыми не расставайтесь – получил лишнее тому подтверждение на примере моих родителей. Каждый из них по-своему глубоко сожалел о случившейся разлуке. И невольно, может, бессознательно даже, пытался найти схожие черты в других людях. Внешне, внутренне. Видимо, прежде всего, по складу души. Увы, ничего и никого не нашли, даже близко. Я об отце в первую очередь.

Может, забегаю вперед, но личная жизнь великого хоккеиста Александра Павловича Рагулина после развода с мамой не сложилась. Сейчас поймете почему. Был период, когда он встретил молодую женщину. Она приводила сынишку заниматься хоккеем в детско-юношескую школу ЦСКА, что на Ленинградском проспекте столицы.

Со стороны казалось, что знакомство с папой ей нужно исключительно по хоккейной части. Чтобы помочь ребенку адаптироваться среди ровесников в спортивной школе. Затем между ней и отцом возникли отношения личного свойства… Я пообщался с ней. Легко понял, что девушка просто использует моего Палыча в корыстных целях – хладнокровно, цинично. Советовал папе прекратить с девицей всякие отношения. Вплоть до того, что, дескать, я тогда перестану с тобой видеться, общаться и т. д. Не мог смотреть равнодушно.

Общение с еще одной женщиной, ставшей его женой… Вряд ли во втором браке папа обрел полноценное счастье. Будто предчувствовал я неладное. 2004 год, Москва, ноябрь. День милиции. Отца позвал на банкет министр внутренних дел Рашид Нургалиев, с которым Александр Павлович давно дружил.

По окончании мероприятия папа позвонил мне: «Сейчас приеду». Понятно, выпил там немного. Мы с ним дома еще по бокальчику вина пропустили. И я проводил его на «Сокол», где он проживал со своей второй супругой.

Условились с ним созвониться. Спустя сутки набираю – тишина. На следующий день то же самое. «Недоступен», и все тут. Безнадегой веяло. Оказалось, мобильник папы отключен. И все пять дней он общался дома в узком кругу друзей. Понятно, выпивали, не без этого. Когда я приехал в квартиру на «Соколе», он уже пребывал в очень плохом состоянии, невооруженным глазом заметно.

По-моему, известный тезис – с любимыми не расставайтесь – получил лишнее тому подтверждение на

примере моих родителей.

Договорился с отцом: никуда, мол, не уезжай и не уходи из дома. Сгоняю на машине за дочкой, заберу ее из школы и – обратно, к тебе. В клинику поедем. Дозвонился знакомому доктору, подполковнику. Он давно, к слову, дружил с отцом, готов был принять папу, осмотреть его. Если требовалось, нужные процедуры провести.

Но когда вернулся в квартиру на «Соколе», папы уже там не было. Куда уехал, зачем, оставалось для меня загадкой. Чувство тревоги между тем росло. Где и с кем он, что делать-то, где искать родного человека?

Наконец 17 ноября папа сам позвонил: «Сейчас приеду». Жду. Усаживаю его в машину, везу в госпиталь. На первый взгляд, так казалось, во всяком случае, ситуации случались и похуже со здоровьем. Даже доктор при встрече обнадежил: «Палыч, да ты красавец, хорошо выглядишь». А в одиннадцать вечера папы не стало…

В компании с Бобровым, Цыганковым

Поговорим теперь немного о самом хоккее. Хотя, так или иначе, события в красивой, динамичной, любимой народом игре переплетаются с человеческими судьбами. Все взаимосвязано в нашем с вами мире страстей.

На коньки меня поставили в три года. Причем на фигурные. К пяти годам папа их у меня забрал, спилил зубчики у конечков. И я разучился кататься, пришлось заново навыки шлифовать.

В ЦСКА, тем не менее, привели лет в шесть. Затем Мишу Боброва, сына знаменитого Всеволода Михайловича, к хоккею приобщили. Он в защите играл. Чуть позже компанию составил Максим Петров, сын легендарного форварда Владимира Владимировича. Дети Цыганкова и Грошева пришли. Подобралась, в хорошем смысле, игроцкая «банда».

В нападающие, представьте, меня даже не тянуло, хотя почти все пацаны стремятся шайбы забивать. Наверное, отцовские гены сработали. Мне нравилось в обороне играть. Никто ничего не подсказывал, не настаивал, какое хоккейное амплуа выбрать. Все произошло спокойно, закономерно. Защитник, значит, защитник.

Первым моим тренером стал Александр Виноградов. Лет в семь-восемь группу ребят передали другому наставнику, Эдуарду Иванову. Под его началом мы прошли путь до молодежной команды ЦСКА. Кстати, со многими тогдашними партнерами я встречаюсь, общаюсь, дружу, хотя ребята обросли семьями, детьми. Все равно находим время повидаться. Вспомнить былые годы, детство, юность.

Отчасти здоровья не хватает, чтобы нынче встать на коньки, потренироваться, сыграть в компании друзей, как прежде. Вот Макс Петров подбивает на хоккейные баталии. Он молодец. Хоть сейчас можно выпускать в составе команды мастеров. Мощный, целеустремленный, умелый форвард. А когда учились в школе, Макс самым «мелким» среди нас был. Годам к двадцати вымахал – красавец!

Нынче в свое удовольствие в большой теннис поигрываю. Есть хороший спарринг-партнер, с ним тоже давно знаком, вместе еще в хоккей играли. Теперь перешли на ракетку. На двоих корт снимаем и резвимся. Без фанатизма, для здоровья. Затем водные процедуры, плаваем. Бодрит.

Не скрою, мечтаю в том или ином качестве поработать в большом хоккее. Притягательная сфера приложения сил. Хоть в

какой-то роли быть полезным. И дело даже не столько в деньгах, сколько в желании пожить атмосферой игры, повариться» в ней, ощутить радость побед команды. К работе в которой, может, буду причастен.

Однако мир большого хоккея своего рода очень «закрытый клуб». Попасть туда, даже с фамилией Рагулин, непросто без чьей-то рекомендации, протекции. Отец дружил одно время с упоминавшимся мной Рашидом Нургалиевым. Познакомились они в процессе создания команды ветеранов.

Затем родилась идея – на базе тверского клуба организовать профессиональную команду со всеми вытекающими последствиями. В тот момент папа как раз привлек к работе тренером Игоря Стельнова, а в должности генерального директора – однокашника Стельнова, небезызвестного нынче Андрея Сафронова. Тогда мне тоже предлагали работать в клубе. Папа входил в состав попечительского совета, общался со всеми заинтересованными в успехе предприятия людьми.

Увы, я не решился идти в хоккей, уж очень неплохо шли дела в бизнесе. Знаете, требуется холить, лелеять свой бизнес, посвящать всего себя, чтобы добиться желаемого, извлечь материальную выгоду и т. д. Совмещать две ипостаси невозможно. Как минимум несерьезно. Как максимум неоправданная авантюра. Можно в одночасье все потерять, остаться, образно говоря, у разбитого корыта.

…Хоккей отца, его партнеров? Одно скажу: играли они от души, искренне, с явным удовольствием. Для мастеров тех поколений это даже не работа. Скорее призвание, увлечение, забава в лучшем смысле слова.

Со слов папы, тот же Анатолий Владимирович Тарасов неизменно повторял питомцам: «Вы играете, не в последнюю очередь, для очаровательных женщин на трибунах. Потому должны быть красивыми, сексуальными, доставлять удовольствие и видом своим, и действиями на площадке». Подшефные великого тренера очень старались не обмануть ожиданий наставника. Прекрасных дам в том числе. Получалось.

Мастера 60—70-х, опять же по рассказам отца, его друзей, сплоченнее жили и общались. Могли после матча посидеть вместе, пивка попить, по душам поговорить. Не разбегались, как теперешние ребята с клюшками. По окончании матча – наушники, и каждый по делам разбредается. Ничего не поделаешь, время другое.

Не идеализирую знаменитых хоккеистов прошлого. В их среде тоже не все гладко и просто складывалось. Иногда возникали трения в коллективе, ссоры, недомолвки и прочее.

Однажды Тарасов даже маму отца вызвал к себе – на откровенный разговор. Чтобы та повлияла на Палыча в смысле поведения в быту и на площадке. Что уж он начудил, доподлинно не знаю. Но это как исключение из правил. В основном хоккеисты жили тогда одной дружной семьей. В клубе и сборной.

Безусловно, с превеликим удовольствием смотрел и пересматриваю матчи Суперсерии 1972 года. Ни с чем не сравнимое удовольствие! Почему именно эти встречи? Еще потому, что их часто транслировали, проще найти в Интернете. Сегодня не последний фактор. Сейчас, конечно, иные скорости в хоккее, все другое.

Однако эталоном мирового хоккея считаю финальные матчи Кубка Канады 1987 года. Шикарнейшие по напряжению и уровню мастерства поединки. До двух побед одной из сборных. 5:4, 4:5, 5:4. Сказка!

Я тогда в армии служил. Чтобы посмотреть хоккей, пошел на ухищрения. Знакомого фельдшера попросил в стационар меня поместить на время тех игр. В санчасти, где стоял телик, наслаждался игрой знаменитых мастеров. Пересматриваю тот хоккей, мурашки по телу бегут.

Иногда посещаю матчи российского чемпионата. Есть своя интрига в них, упорство в борьбе. Подчас та самая красота, ради которой болельщики и заполняют трибуны дворцов спорта. Если, однако, поставить рядом с нынешними ребятами Ларионова с Крутовым и Макаровым, сравнение, на мой взгляд, не в пользу первых. Может, и не надо сравнивать? Каждое поколение мастеров по-своему чем-то отличается от предыдущего.

> Хоккей отца, его партнеров? Одно скажу: играли они от души, искренне, с явным удовольствием.

…В хоккее мне, так или иначе, все-таки удалось поработать. Чем весьма горжусь. В известной фирме «Фишер» трудился. Руководство компании купило в те годы фабрику в Мукачеве. И отправили меня развивать хоккейное производство. Кому, как не сыну знаменитого игрока, налаживать производство клюшек?

На той фабрике, как известно, выпускали еще очень неплохого качества лыжи. Заодно и хоккейные принадлежности стали делать. Был я в должности заведующего отделом хоккея, отвечал, как уже сказал, за выпуск качественного инвентаря. Затем ушел в бизнес, вместе с приятелем открыли свое дело. Тогда, если помните из моего рассказа, нам посодействовал в открытии клуба папа мой. Он присутствовал при подписании необходимых в подобных случаях бумаг. Словом, авторитетом помог.

Болельщики меня нередко спрашивают: видел ли я непосредственно матчи с участием легендарного отца и его партнеров по ЦСКА, сборной? Ребят, я в 69-м родился, папа в 73-м завершил блистательную карьеру. Вот и судите.

Первое и, наверное, последнее воспоминание отложилось во мне как раз по ходу Суперсерии с канадцами в 72-м году. Три года мне, представляете? Помню, как мама выносит меня, кроху, на руках к служебному выходу из дворца спорта «Лужники». Как раз та игра, по ходу которой папа с Эспозито подрался. На лице что-то разбито, зашито, заклеено, в общем, ужас для маленького ребенка. Этот момент запомнил, когда меня на хоккей взяли. Сохранились и фотографии тех лет, как мама со мной на трибуне сидит.

Матушка до и в момент знакомства с папой о хоккее не знала ничего. Кроме как, может, слышала некоторые фамилии известных игроков. Папину в том числе. Все. Позднее прониклась популярной игрой, стала посещать матчи, болеть от души. Как иначе, если муж знаменитый хоккеист?! Летала, к примеру, на Олимпийские игры в Саппоро, чемпионаты мира. Разумеется, в Москве ходила на встречи с участием ЦСКА и сборной.

Маму, кстати, поначалу не очень воспринимали в спортивной среде, например, некоторые жены хоккеистов. Причина банальная, абсолютно несущественная, чтобы нажить себе «доброжелателей», точнее, «доброжелательниц». Дело в том, что она первой из подруг игроков села за руль. Ну, бытовая ревность, что ли. Тогда это в диковинку смотрелось. Натянутые отношения, однако, не могли долго продлиться.

Вскоре мама подружилась с Виктором Григорьевичем Кузькиным, его замечательной супругой, тетей Таней. Мы с ней по сей день общаемся. Иванов – Кузькин – Рагулин – Мишаков, такой классной четверкой, как правило, виделись, разговаривали, совместно решали какие-то семейные вопросы. Просто вместе отдыхали. Прекрасное время!

Да, с чувством ностальгии вспоминаю те годы. И, конечно, судьба родителей очень близка мне. Мама, к слову, после расставания с папой так и не вышла замуж. Хотя претендентов на руку и сердце было немало. Среди них весьма известный золотоискатель Вадим Туманов, друг Владимира Высоцкого.

Ухаживал за мамой долго, но безрезультатно. Сказала, что больше не хочет замуж. Может, искала в мужчинах черты Александра Павловича, но, судя по всему, не нашла. Мама старенькая уже, 1937 года рождения. Регулярно навещаем ее, вот с дочками к ней ездим.

«Роди мне правнука»

Уже начал тему своей семьи, продолжу. Две дочери у нас, с женой больше двадцати лет вместе. Брак не приелся, пуд соли, как говорят, съели. Супруга была и остается любимой женщиной. Трудится в аудиторской компании. Всю жизнь, к слову, работала, дома не отсиживалась. Тем паче дети подросли, не может, главное, не хочет моя «половинка» без дела остаться. Характер такой.

Да и зачем оставлять любимое занятие? Не самоцель. В принципе, все удобно, без каких-то сумасшедших нагрузок. Заработок достойный. И есть понимание, что при желании может уйти из фирмы в любой момент, не проблема.

Помните, рассказывал подробности жизни моих родителей, их профессиональной занятости. Объективно, я их дома почти не видел. У мамы съемки, гастроли. Папа тоже редкий гость в родных стенах: тренировки, матчи, бесконечные «отсидки» на базе в Архангельском. Поездки по городам и весям страны, мира. Я – бабушкин и дедушкин сын. Так сложилось в силу обстоятельств.

Конечно, из всего увиденного, пережитого в детстве и юности, в том числе зрелом уже возрасте, многое переосмыслил, сделал для себя определенные выводы. Как, например, отношения выстраивать в семье, с женой и детьми. Как дочек воспитывать, чрезвычайно важно. Проще говоря, семья для меня – безусловный приоритет. Другие компоненты являются как бы сопутствующими, но не самыми главными в жизни.

Безусловно, деньги для полноценного развития семьи необходимы. Однако не стоит фокусироваться только на них. В свое время организовал с друзьями фирму, работал коммерческим директором. Привлек даже тещу, она сильный аудитор. Этакое семейное предприятие друзей, единомышленников, самых близких людей.

Не сказал бы, что очень состоятельный человек, но и не бедствую. На жизнь хватает. Здесь, пожалуй, соглашусь с отцом, который утверждал: если денег достаточно для удовлетворения повседневных житейских забот, уже хорошо. Сумасшедших средств, по сути, и не требуется.

Поэтому сейчас появилась возможность больше воспитанием детей заниматься, уделяю им много времени. Жалею ли об упущенных возможностях в хоккее – в качестве игрока, чиновника, администратора, других ипостасях? Пожалуй, нет. В противном случае неизвестно, как бы жизнь сложилась. Была бы

вообще семья, любимые дочки?

Старшей дочери, Вике, 19 лет. В медицинском институте учится, на стоматолога. Мечтаю, чтобы успешно завершила учебу, стала квалифицированным специалистом. Пусть дочка родная сделает мне зубы, вот поистине заветная мечта! На редкость приятно будет.

Младшая, Катя, как и старшая сестра, занималась художественной гимнастикой. Норматив кандидата в мастера спорта выполнила. Всегда хорошо в школе училась. Разумеется, девочка наша стояла перед выбором: либо продолжать спортивную карьеру, либо дальше учиться в вузе.

Тогда мы собрались вместе, поразмышляли. Чтобы верное решение принять. Талантливых девушек в художественной гимнастике нынче хватает, вид спорта на подъеме. Пробиться, образно говоря, сквозь «могучую стену» проблематично. Сошлись на том, что лучше пойти учиться. На момент, когда мы с вами общаемся, Катюшка выбирает между МГУ и МГИМО. Не прочь попытаться и китайским языком овладеть. Отношения в семье замечательные, теплые, истинно дружеские. Атмосфера потрясающая. Меня это очень радует.

Историю дедушки внучки, конечно, прекрасно знают. Александр Павлович, в свою очередь, любил девчонок самозабвенно. Незадолго до кончины в очередной раз заехал к нам пообщаться, чайку попить. Внучек повидать. Они тогда еще маленькими были. Отец никогда не сетовал, что в семье только девочки. Наверное, в глубине души мечтал о рождении пацана, чтобы на коньки поставить. И, обращаясь к Вике, старшей внучке, обронил: мол, подрастай скорее, правнука мне родишь.

Дочки часто просятся посетить вместе со мной хоккейные матчи. Ну как же, знаменитый дед – хоккеист, да и папа тоже поиграл. Интерес вполне естественный. Отшучиваюсь: дескать, приведу вас во дворец ЦСКА, не на шутку заболеете игрой. Времени на учебу и первостепенные дела не останется. Мы дочерей под замком не держим. Но ориентируем все-таки на общественно-полезную работу, получение прежде всего знаний. Вот отучатся, встанут на ноги, тогда обретут полнейшую свободу действий.

Личная жизнь – табу

…Характерами мы с отцом схожи. Он по Зодиаку – Бык, я – Близнец. Папа разным был в своих проявлениях. Мог вспылить, но почти моментально, что называется, «остывал». Обид, тем более вселенского зла, долго в себе не держал.

Отличия между нами, конечно, имели место. Как правило, если я кому-то сказал «до свидания», то с этим человеком отношения не поддерживал и не возобновлял их. Что, в принципе, мне изрядно мешало и до сих пор мешает в жизни.

Понимаю, в некоторых моментах надо идти на разумные компромиссы. Но есть определенная черта в сознании, за которую не переступаю. По разным соображениям – этическим, моральным и т. д. Как бы ни было при этом дискомфортно. Наверное, отдельные ситуации из-за моих специфических особенностей в характере сложились не так, как хотелось бы. Ни о чем, однако, не жалею.

Мы не были с отцом отшельниками, не от мира сего. Обычные, нормальные люди, не лишенные слабостей и достоинств. Я к тому, что могли, например, уединиться ото всех на даче. Побыть «с глазу на глаз» с природой. Баньку затопить, расслабиться, отдохнуть подобным образом. У меня, считаю, на редкость комфортно, просто душу, как говорят, отвожу.

> Слабо верится, что среди нас есть дюже последовательные, на редкость принципиальные, даже очень педантичные господа. Думаю, «железных Феликсов» все-таки единицы.

Отец, как и я, дом любил, дачу. По большому счету истинно домашний, семейный человек. Повторюсь, Александр Павлович не рвался в политику, как, например, некоторые известные спортсмены. Очень претили ему заведомо искусственные улыбки, некое притворство, без соблюдения этикета в высших сферах не обойтись. Словом, игнорировал приглашения в кремлевские апартаменты.

В то же время отец – полная противоположность распространенным за его спиной сплетням, слухам. По официальной версии некоторых источников, Рагулин якобы мрачен, ворчлив, недоступен и прочее. Чушь. В молодости за отцом даже закрепилось шуточное прозвище – «Шура Балаганов». Настолько он был раскованным, игривым в общении, балагуром, классным рассказчиком. Это не мое мнение, разумеется, а со слов

его давнего товарища по хоккею и в жизни Эдуарда Иванова.

Он, к слову, по окончании карьеры хоккеиста тренировал нас, пацанов, в ДЮСШ ЦСКА. Папа слыл весельчаком компании, балагуром. За эти качества его еще больше любили партнеры по клубу и сборной. В закадычных друзьях ходили известные, популярные мастера, я их уже называл – Кузькин, Мишаков, отчасти Фирсов, тот же Иванов, ряд других.

Были среди приятелей не только спортсмены. К примеру, с подполковником спецслужб дружил, он папин кореш с детства. В артистической среде близки Борис Сичкин, Савелий Крамаров. Любил посещать концерты Геннадия Хазанова.

Возможно, папа в чем-то противоречивым казался. Скажем, договаривались с ним провести время, он позже мог изменить свои планы на день. Настроение менялось, и все. Думаю, многие люди подвержены настроению. Иначе мы были бы манекенами, ходячими роботами, что ли.

Слабо верится, что среди нас есть дюже последовательные, на редкость принципиальные, даже очень педантичные господа. Возможно, в самом деле таковые имеются. Думаю, «железных Феликсов» все-таки единицы. И не всегда они обязательно лучшие представители общества.

Уже вам рассказал, что папа обожал проводить досуг на даче. Там он – мягкий, расслабленный, как он сам говорил, природа умиротворяла. В Москве Александр Павлович отчасти «застегивался на все пуговицы». Порой ситуация, та или иная обстановка требовали быть серьезным, сосредоточенным.

В Подмосковье, вдали от назойливых глаз, беззастенчивых просьб, он расплывался от удовольствия. Нет-нет-нет, ничего он на грядках не сажал, тем паче не «пахал», урожаи не снимал и прочее. Просто отдыхал.

Безусловно, обсуждали с ним события в любимом нами хоккее. Даже, помню, слухи и сплетни не чужды были, мир большого хоккея многолик. С папой откровенно говорили обо всем. Но в личную жизнь друг друга не вторгались, своего рода табу. Могли ненавязчиво пообщаться на эту тему, если необходимость назрела. Личные отношения – святая святых, так сложилось в семье Рагулиных.

Александр Павлович разным слыл, подобно, наверное, временам года. Когда ездили на юг отдыхать, папа много шутил, балагурил, со стороны игривым казался. С годами он, по-моему, заметно сдержаннее стал, мудрее. Когда немного выпивал, становился тем самым Палычем, которого знал я, мама, знакомые и друзья…

Плясали в мокасинах

В некоторых предыдущих главах выступил внук легендарного форварда ЦСКА и советской сборной Вениамина Александрова – Станислав. Но то был не совсем полный рассказ о великом нападающем. В силу объективных причин. Фактор возраста сыграл свою роль.

Стас молод, ему 31 год. Разумеется, далеко не все знает и помнит о жизни, игре знаменитого деда. И я попросил восполнить пробел сына Вениамина Вениаминовича – Игоря. Итак, продолжаем повествование о славных армейских ветеранах. О жизни их сыновей и внуков мы тоже многое узнаем.

– Отец достаточно строго относился к нам, детям, – вспоминает Игорь Вениаминович. – Например, не любил, когда его советы, просьбы, указания игнорировались. С другой стороны, ближе к пятидесяти папа мягче, мудрее стал. Надо учесть, что батюшка, когда мы еще, как говорят, «под стол ходили», сам-то молодым человеком был. Тоже издержки возраста – горяч, вспыльчив. Это нормально.

Вот к сестре моей, Наташе, родители, в том числе папа, питали особую симпатию. Она моложе меня на шестнадцать лет, поздний ребенок. А младшим в семье многое, если не все, разрешается и прощается. Что мне, например, не прощалось ни при каких условиях и обстоятельствах.

Безусловно, сложный характер у близкого мне человека. Наверное, подобные черты присущи многим людям послевоенного поколения. Они и пережили немало, мягко говоря. Всем тогда жилось непросто, даже тяжело. Отложилось на психике людей, их дальнейшей жизни.

Так вышло, отец воспитывался без матери, что вряд ли положительно сказалось на его характере, психологическом климате вокруг него. Людей тех поколений, можно сказать, улица вскормила, они почти все время там проводили. Спортом опять же занимались, сначала, понятно, во дворах. Слава богу, отцу удалось свой талант реализовать, стать знаменитым хоккеистом.

Иногда пересматриваю игры, запись которых сохранилась в Интернете. Вот далекий, 63-й год, потрясающий по красоте и напряжению матч сборной СССР с канадцами. Олимпийские баталии 64—68-го годов. В принципе, короткий отрезок, давно оставшийся позади. А сколько событий вместил!

Как ни парадоксально, на первый взгляд особенно остро ощущаешь это сейчас – безумно жаль, что колесо времени невозможно открутить назад. Слишком быстро, по-моему, все

завершилось. Мастера прошлого, заметил, очень ностальгируют по тому хоккею. Они по окончании карьеры грезили и грезят им, настолько он притягателен. Для нас в том числе, кто так или иначе причастен к непередаваемой атмосфере тех лет, завораживающей игре великих мастеров.

Тогда, правда, игроков было меньше – количественно. И почти все, кто относился к ведущим мастерам именитых клубов, справедливо считали себя личностью. Между тем сам хоккей представлялся технически неразвитым, неорганизованным хозяйством. В те годы, наверное, и не могло быть иначе, технический прогресс наступит еще не скоро. В 60-е едва-едва проклюнулись на свет клюшки с загнутыми крюками. С их помощью пошло дело, научились шайбу ото льда отрывать. Почти «каменный век» в хоккее!

Дед мой, Александр Николаевич Виноградов, равно как и отец, Вениамин Вениаминович Александров, представьте, в велосипедные шлемы облачались. Так начинали свой путь в хоккее. У меня даже сохранились уникальные фото времен 54—55-го годов прошлого столетия.

Помню, удалось подержать в руках шлем велосипедный. Как в нем люди играли, уму непостижимо. Тем паче упомянутые шлемы вовсе не для хоккея предназначались – для иных видов спорта.

Вратарский инвентарь, уже времен Третьяка, просто кошмар. Как он щитки таскал из натуральной свиной кожи с конским волосом внутри?! Сколько такое добро весило, знает, видимо, только сам Владислав.

У полевых игроков ситуация не лучше. Не случайно Тарасов одевал хоккеистов во время тренировок в свинцовые пояса, всякие резинки приспосабливал. Шлифовал «физику» подопечных. Чтобы на площадке по ходу матчей они «летали», превосходили соперников по всем статьям. Иначе нельзя, соперники могли переиграть нас.

…С Константином Борисовичем Локтевым отец общался регулярно, можно сказать, до конца дней. Мама моя с тетей Валей, супругой Константина Борисовича, дружила. Дети, то есть мы, – тоже. До сих пор, кстати, отношения поддерживаем – по поводу и без повода. Созваниваемся, интересуемся подробностями текущей жизни. С Наташей, дочерью Локтевых, общаемся. С ее сестрой, Ириной, учился в одном вузе, к сожалению, умерла она – от рака. Вот с Альметовым, так вышло, реже наши отцы виделись, Александр Давлетович будто выпал из поля зрения.

Есть некоторые любопытные моменты, оставшиеся в памяти.

Лет шесть-семь мне было, жили в доме на бульваре Карбышева, в районе Хорошевки. Вероятно, после успеха на крупном турнире народу у нас – видимо-невидимо. Приехали отметить победу сборной. Знакомые, друзья папы.

Так лихо отплясывали твист, что бедные соседи не спали, наверное, всю ночь. Суть не в этом. Утром, после праздничной вечеринки, смотрю – пол в квартире весь черный в буквальном смысле. Тогда народ в очень популярной обуви ходил – американских мокасинах. Вот и наследили, паркет не узнать, чернее ночи.

Отец принимал у себя не только хоккеистов – баскетболистов, мотогонщиков, велосипедистов, представителей других видов спорта. Приезжали в гости космонавты, Попович, к примеру. Мама утверждает, что и Гагарин у нас гостил, что-то я не помню визитов Юрия Алексеевича. Скорее всего, Вениамин Вениаминович пересекался с Юрием Алексеевичем на некоторых торжественных мероприятиях.

Жизнь после хоккея

Во время активной карьеры папа, разумеется, редко домой приезжал. Разумеется, потому что наставник армейцев и сборной Анатолий Владимирович Тарасов почти не отпускал игроков в Москву со спортивной базы. Они будто там прописались. Распорядок спартанский. Тренировки и еще раз тренировки, матчи, разъезды и прочее. В подобном ритме и режиме жили все лучшие хоккеисты страны, не только мой отец. Хоккей и только хоккей – лозунг того времени.

Словом, любимого родителя я почти не видел. Мама в школе работала. Когда первоклашкой стал, находился под ее присмотром. На каникулы отправляли меня к бабушке с дедушкой, Александру Николаевичу и Нине Максимовне. Жили они недалеко от «Динамо», на Нижней Масловке. Там, где сейчас футбольный манеж динамовский располагается, раньше заливали площадку для игры в русский хоккей.

Я с клюшечкой ходил. В нашем дворе, на Хорошевке, тоже известный мастер жил, Игорь Деконский с семьей. И своему сынку он привез супер-пупер по тем временам коньки чуть ли не из самой Канады. Как же я по-мальчишески завидовал! А сын великого Александрова на обычных, допотопных «гагах» катался. Не трагедия, конечно, боженька все равно обделил хоккейным талантом. Вот покататься, порезвиться с ровесниками все-таки удалось. И на том спасибо.

Дед, Александр Николаевич Виноградов, тренировал в ДЮСШ ЦСКА мальчишек 1957 года рождения, я тремя годами моложе. Как только более или менее научился кататься, Александр Николаевич позвал с собой на тренировки в армейский дворец спорта. Чаще сидел на скамейке запасных, но тренировки продолжались. Здесь скидок мне не делали. Таким образом, занимался с ребятами постарше где-то до 1970 года. Даже медали мне вручали по итогам соревнований, наверное, по блату. Чтобы не обижать самого маленького по возрасту парнишку. Участвовал, представьте, в международном поединке, ровесники из Швеции пожаловали к нам. Рубились с ними от души.

Потом мне снова, считаю, повезло. По окончании карьеры папа вместе с нами отправился в Болгарию тренировать местный армейский клуб. Три года там прожили. У братьев-болгар в хоккей от души наигрался.

Естественно, уровень как взрослых, так и детских команд в республике был значительно ниже, чем в Союзе. Наши-то мастера на весь мир гремели, болгары куда скромнее смотрелись,

рейтинга почти никакого. Объективная данность, не хоккейная страна, скорее футбольная.

Когда вернулись после заграничной командировки отца в Москву, продолжил тренироваться уже с ребятами-ровесниками. Конечно, многое потерял в спортивном плане. По той причине, о которой вкратце упомянул: не тот уровень игры в дружественной нам Болгарии. От доморощенных хоккеистов на родине я несколько отстал.

Жизнь отца после большого хоккея относительно просто складывалась. Во всяком случае, у армейских спортсменов процесс, наверное, не столь болезненный, как у их коллег из профсоюзных команд. Хоккеисты ЦСКА – все офицеры, этим многое сказано. Дисциплину надо блюсти – не забалуешь, не уйдешь в запой, особо не расслабишься. Даже не вспомню нынче, чем папа занимался год или два после ухода из ЦСКА и сборной, слишком много времени прошло.

Знаю лишь, все равно был при погонах, служил, находился в столице. Мы, конечно, никогда не шиковали, подобных зарплат, как сейчас, близко не видели. Тем не менее глубоких проблем материального свойства не испытывали. Точно не бедствовали.

Вениамин Вениаминович жил хоккеем, старался не пропускать календарных матчей любимого клуба. Смотрел, анализировал, что-то неизменно записывал. Позднее я понял: готовил себя к тренерской работе. Предстоящая поездка в Болгарию, о которой я уже немного рассказал, явилась как бы новой вехой на его спортивном пути: теперь в роли наставника.

Софийский ЦСКА все три года работы отца на посту старшего тренера неизменно становился чемпионом страны. На момент нашего приезда в Болгарии ни одного крытого катка для хоккея не было. И только один стадион с искусственным льдом. Знаю, папа посодействовал строительству второго открытого катка. Спустя несколько лет руководство местной армейской команды распорядилось соорудить и крытую ледовую арену.

Вениамин Вениаминович готовил к баталиям в том числе национальную сборную Болгарии. Она выступала в группе «С» мирового первенства. Под руководством советского специалиста занимала весьма престижные позиции, третьи-четвертые. Наверное, можно сказать, что Александров внес определенный, и весьма весомый, вклад в развитие хоккея в братской стране. Не случайно спустя пять-шесть лет папу вновь пригласили работать в Болгарию. Добрую память о себе оставил по итогам первой своей командировки. Вот болгарские товарищи снова позвали к себе.

Подход к тренерскому процессу у отца сугубо тарасовский. Игроки, разумеется, и он с ними, безвылазно сидели на сборах.

Круглогодично. Лишь в перерывах между сборами ездили всей семьей отдохнуть, развеяться. Он ведь очень спортивный человек. Интересы разнообразные, папа не замыкался только на хоккее, нас тоже ненавязчиво приучал к занятиям разными видами спорта. На лыжах, к примеру, любили мчаться.

Фанат рыбалки

Визуально отложилось: садились семьей в электричку и айда в Подмосковье, на лыжню. Тогда это модным считалось, в лучшем смысле слова. Курсировала электричка «выходного дня», так она называлась. Очень популярное направление и движение в те годы. Народ, знавший о подобной форме досуга, с удовольствием использовал прекрасную возможность отдохнуть. Тех, кто уже накатался от души, транспорт забирал и доставлял назад, в столицу. Блеск!

Отец еще страстно рыбалкой увлекался, не оттащить его от любимого занятия. Фанат с большой буквы, тонкий знаток и ценитель рыбной ловли. Совмещал приятное с полезным. База-то ЦСКА в Архангельском, места красивые, природа замечательная. В частности, туда отправлялся порыбачить. Мог зайти на родную базу, там его все знали, ценили. Чайку попить с сухарями, с людьми пообщаться.

Относительно недавно подарил знакомому рыбаку коробку отца со снастями и приспособлениями для досуга на речке. Я-то сам не фанат. Знакомый сказал, что ничего не возьмет из коробочки, будет хранить как память о замечательном хоккеисте Вениамине Александрове.

А в той упаковке – «золотые ключики» шведского производства. Название фирмы, поставлявшей чуть ли не всему миру крючки отменного качества для рыбной ловли. Красивые, позолоченные, переливавшиеся на солнце. Отец буквально коробками привозил их, когда играл в составе ЦСКА и сборной на турнирах в Скандинавии.

Всякие лески, удочки тоже не забывал купить. Рыбалка, скажу вам, не отпускала папу до конца дней, говорю же, фанат. Помню, зимой от гостиницы «Украина» спускались с ним к берегу Москвы-реки. Уже лед на речке, отец зимними удочками вылавливал снедь, с пустыми руками никогда не уходили.

Да, зимой общался с папой в редкие паузы между сборами, играми. Летом Анатолий Владимирович Тарасов вез армейцев на юг, в Сухуми, Гурзуф, Сочи или Кудепсту. Начиналась подготовка к очередному сезону. В Сочи жили на Красной Поляне, базе Министерства обороны.

Ведущим игрокам ЦСКА и сборной разрешалось брать членов семьи. Моему отцу в том числе. Все-таки капитан команды, уважаемый человек, знаменитый мастер. Дочка Анатолия Васильевича Фирсова Ирина тоже с нами ездила. У меня старые снимки сохранились с тех поездок. Из малышей больше никого не

запомнил.

Но звали нас с непременным условием: дети тоже должны присоединиться к членам хоккейного коллектива. В плане занятий спортом. Мне и самому было очень интересно попробовать себя в атмосфере подготовки к матчам.

Зримо помню, насколько изнурительны занятия хоккеистов. Это нечто! В Сухуми, к примеру, по волнорезу бегали, причем босиком. Зарядка в семь утра, затем разминка. Вставал я вместе с ребятами-хоккеистами, никаких поблажек по возрасту. И бегом по волнорезу.

Однажды сорвал ноготь на большом пальце, цепанул камень на бегу. Боль, кровь хлещет. «Палыч, ты самый большой из нас, бери пацана, и вперед», – просили партнеры Рагулина. Александр Павлович в самом деле на руки меня взял, так и мчались в санаторий обратно. Еще майкой перевязал мою ногу, чтобы кровь не шла. Такие вот подготовительные страсти.

Турбаза в Кудепсте. Длиннющая лестница. На дворе 69-й год. В ЦСКА только-только пришли совсем юные Петров с Михайловым, Харламов позже к ним присоединится. Валерия еще нет в составе армейцев. Тогда я звал Петрова по имени. Нынче не уверен, смогу ли фамильярно обратиться к Владимиру Владимировичу. Все-таки заслуги, возраст, имя дают о себе знать.

> Ведущим игрокам ЦСКА и сборной разрешалось брать членов семьи. Моему отцу в том числе.

Продолжу о сборе в Кудепсте. Смотрю, Петров с Михайловым остались после общей тренировки. С детской непосредственностью интересуюсь, почему они вместе со всеми отдыхать не идут. «Сейчас кирпичи таскать будем». Ответ, конечно, удивил. И я остался посмотреть. Что это за представление такое, когда хоккеисты вместо шайбы, возможно, кирпичи метать начнут.

По указанию Тарасова, Михайлов с Петровым брали в руки пяток кирпичей и по той самой длиннющей лестнице стремительно с ними бежали. Туда-сюда, туда-сюда, в глазах рябило от скоростей и необычной картины хоккеистов с кирпичами. Так Анатолий Владимирович нагружал молодых игроков в предсезонной подготовке.

Звезды не сработались?

На момент завершения карьеры отец не мог делиться со мной подробностями послехоккейной жизни. Потому что я слишком маленьким был. Только много позже поспрашивал его о некоторых коллизиях.

Конечно, папа, как, вероятно, и многие знаменитые игроки прошлого, связывал свою дальнейшую судьбу именно с родным клубом. Без него он не видел себя полноценно востребованным, реализованным специалистом. Да, хотел ближе к команде находиться, город к тому же очень любил, я о Москве, разумеется. Но не каждому, понятно, дано работать в ЦСКА. Вакансий на всех желающих не хватило бы.

Вениамин Вениаминович по возвращении из болгарской командировки тренером ленинградского СКА работал. Мы с мамой ездили туда проведать близкого человека. Просто соскучились, как и он по нам. Один сезон папа готовил команду.

Банально не сработался с другим легендарным человеком, питерцем Николаем Пучковым. Бытовало расхожее: мол, понаехали москвичи, ату их. Словом, в штыки восприняли приезд Александрова. Обычная бытовая история, отец даже не расстроился по этому поводу. Вернулся в родную Москву.

Ушел из ЦСКА легендарный наставник Анатолий Владимирович Тарасов. И старшим тренером ведущей армейской команды назначили Константина Борисовича Локтева, давнего партнера и товарища отца по клубу и сборной. Мало того что они выступали вместе, так еще играли в одной тройке. Были во многом единомышленниками, соратниками на хоккейной площадке и за ее пределами.

Казалось, их тренерский тандем после назначения Локтева выглядел бы очень органичным, естественным. И Константин Борисович, видимо, после недолгих размышлений позвал папу на должность второго наставника ЦСКА. Да еще Анатолия Васильевича Фирсова пригласили. Сложился триумвират из выдающихся хоккеистов. Как говорится, тренируйте, живите дружно и радуйтесь.

Наверное, при всех издержках, подводных течениях и прочих, не совсем приятных моментах, сезон 1974—75-го годов явился для отца самым счастливым в его послекарьерной жизни как игрока. Папа возвращался домой вдохновенным, просветленным. Тот случай, когда работа доставляла ему истинное наслаждение. Еще бы, тренер родного клуба, рядом его близкие товарищи по игре и в жизни. Чего еще желать? Трудись себе, совершенствуйся

в тренерском деле.

Вениамин Вениаминович делился с нами мыслями, впечатлениями.

«Представляешь, будучи игроком, бегал за угол от Тарасова – курить, – с улыбкой вспоминал папа. – Теперь я сам наставник тех же Петрова, Михайлова, Харламова, других ребят помоложе. Должен быть образцом, во всем соответствовать стандартам. И не покуришь в открытую». Говорил с видимым удовольствием, намеревался, судя по всему, работать в клубе долго и счастливо.

То, что произошло дальше… Скверную, роковую, решающую роль сыграло, может, как раз их прошлое. Это лишь мое предположение. Прошлая спайка на площадке, выяснилось, не всегда идет на пользу совместной тренерской деятельности. Старший тренер, не только, кстати, в хоккее, должен быть в чем-то авторитарным, правда ведь? На стадии обсуждения определенных игровых моментов, решения проблем еще могут иметь место дискуссии, диспуты, даже споры до хрипоты. Когда решение принято, оно подлежит исполнению. Так почти везде, во всяком случае, в серьезных коллективах.

Когда бок о бок трудятся соратники, по спортивным меркам звезды отечественного и мирового хоккея, сложно, думаю, во всем подчиняться одному специалисту – старшему тренеру. Скорее всего, по причинам психологического свойства, к великому сожалению, распался классный тренерский триумвират.

Окончательное кадровое решение принимало, конечно, руководство армейского клуба. Александров ушел, Фирсов тоже покинул команду. Константин Борисович на тот момент готовил еще и национальную сборную, входил в тренерский штаб, которым руководил Борис Кулагин. Локтев летал на победную для советских хоккеистов Олимпиаду в Инсбрук.

Нет, не разругались, тем паче не «расплевались» Вениамин Вениаминович с Константином Борисовичем, как кто-то мог подумать. Отнюдь. Видимо, отношения были настолько глубокими, уважительными, искренними, приятельскими, что ничто и никто не в состоянии был их испортить. В подтверждение моих слов, Константин Борисович почти сразу по возвращении из Инсбрука заглянул в гости. Хорошо посидели, сердечно поговорили. Сувениры не забыл привезти нам с эмблемой Тироля.

После ухода с тренерского поста родного ЦСКА папу назначили старшим тренером Вооруженных сил по хоккею. То есть он курировал все армейские команды. Пару лет трудился. Затем снова отправился по приглашению в Болгарию, о чем я уже упоминал. Уволился из Вооруженных сил, на пенсию ушел. Тем не менее без работы, как видим, не оставался.

Любовь не кончается

Иногда спрашивают: почему Вениамин Вениаминович не поиграл еще, не рано ли завершил выступления в большом хоккее? Будучи юным человеком, я не понимал определенных моментов в жизни отца. Только позднее начал осознавать.

По-моему, в том же ЦСКА у папы просто не осталось партнеров. Даже не в смысле мастерства, а по духу, по крови. В ту эпоху состав команд формировался, как правило, по принципу троек нападения. Принцип проводили в жизнь прежде всего Тарасов с Чернышевым, от них пошло. Наверное, это правильно: больше сыгранности, чувства локтя и так далее.

Но сначала Локтев ушел из хоккея, затем Альметов. Отец один остался, без давних партнеров, друзей. Если помните, он играл в тройке с молодыми тогда, восходящими звездочками, Петровым и Михайловым. Как бы наставлял юных мастеров, чему-то ненавязчиво учил. Они, в свою очередь, любовно называли Вениамина Вениаминовича «дядей Веней». Наверное, из-за ощутимой разницы в возрасте, уважения к мастерству, спортивным заслугам.

Если в армейском клубе папа выполнял роль наставника, то в сборной под занавес карьеры ему приходилось выступать с абсолютно разными партнерами. Со спартаковцами, к примеру, хоккеистами других команд. В какой-то степени, предполагаю, испытывал некоторое чувство дискомфорта. Собственно, в этом, думаю, кроется разгадка ухода отца из большой игры.

По окончании карьеры мне, наконец, воочию довелось увидеть и пощупать хоккейную амуницию отца. Видел, к примеру, его щитки, их еще наколенниками называют. Бог мой, сколько они весят, просто неподъемные! В них идти-то почти невозможно, тем более бегать – трудноразрешимая задача. Подобные эмоции, ощущения пережил я, будучи совсем еще юным человеком.

В сравнении с той эпохой, нынешняя хоккейная форма, по сути, легкоатлетам предназначена, образно говоря. Настолько удобно, комфортно, опять же легко в ней играть. Извините, конек современного хоккеиста весит не больше одного килограмма. Чудо, как хорошо!

Тогда все значительно тяжелее давалось. В разы. Вот с 60-х и надо вести отсчет развитию, формированию хоккея. Он постепенно поднимался, совершенствовался во всех смыслах. И нынешние достижения в технике, улучшении спортивной амуниции, думаю, не предел.

…Некогда родителям ссориться. После ухода из большой

игры тоже. Потому что папа все равно жил хоккеем, работал в нем, старался пользу приносить. Занят был постоянно, передышки себе не давал.

Уже рассказывал, что Вениамин Вениаминович весьма строгим отцом слыл. В чем-то упертым, неуступчивым. В меру и не очень. Кто знает, может, как раз упертость, несгибаемый характер помогли ему стать великим спортсменом. В обыденной жизни некое упрямство, назовем так, вызывало подчас улыбку. В нашей семье один из эпизодов – харизматический – очень всем нам запомнился.

Случай незадолго до кончины отца, кстати. Между нами разгорелся нешуточный спор: как правильно следует клеить обои? Папина инициатива: мол, пойдем, надо квартиру в божеский вид привести. «Будем клеить к окну», – почти, как всегда, безапелляционно сказал отец. «Да от окна надо, а не наоборот», – резонно возражаю я.

Каждый из нас жарко доказывал свою правоту. Чуть не до ссоры дошло. Старался не только словесно доказать, но и на деле. «Ты ничего не понимаешь», – парировал глава семьи. Хотя внутренне понимал мою правоту. Признаться ему вслух не хотелось.

Ну, бог с ними, обоями, важнее комфорт в семье, он тем самым не нарушался, не становился хуже. Забавно, с течением времени спорю на данную тему теперь уже с мамой и женой. Обходимся без длительных объяснений, тем паче выяснения отношений. Решаем вопросы цивилизованно.

Наверное, как и в любой семье, при жизни отца случались локальные конфликты. Сугубо бытовые. Каких-то шумных «разборок», надувания щек, битья посуды и близко не случалось. У нас не принято. Мама моя очень любила мужа, нашего папу. Когда любимого человека не стало, возникла идея познакомить ее с кем-то. Из лучших побуждений. Не хотелось, чтобы она вдовой оставалась до конца дней.

Мама, однако, даже смотреть ни на кого не хотела. Хотя на момент ухода папы ей всего 52 года было, молодая еще женщина. В противовес сказанному нередко слышу: жизнь только после пятидесяти начинается. Увы, для нашей мамы, во всяком случае, личная жизнь закончилась с кончиной горячо любимого мужа, Вениамина Вениаминовича. И убеждать в обратном бесполезно. Со стороны все видно и очевидно: разговоры только о безвременно ушедшем муже да вокруг него.

На дворе – проклятые, страшные 90-е годы. Когда не пойми что творилось в том же хоккее. Мрачные личности

сновали вокруг игры и клуба, делили средства.

В ноябре нашей маме 77 исполнилось. Полгода на даче живет, пока погода позволяет, остальное время в Москве. Наверное, так многие делают. Дача моей сестры рядышком с маминой, практически соседи. Летом мы все там встречаемся, отдыхаем.

Конечно, и в Москве не забываем родного человека проведать. Живет одна, весьма самостоятельна, и в навязчивой, постоянной опеке не нуждается. Как бы дает понять: сама со многими проблемками справится. Привыкла к подобному, независимому образу жизни.

Семья у нас дружная, ничего никогда не делили, не считались, не мелочились. В семье все наше. Это повелось с незапамятных времен, негласная, давно сформировавшаяся традиция. Да, забыл сказать, что бабушку иногда навещает внук Стас, мой сын. Редко, правда. У сына действительно много дел по работе в хоккейном клубе ЦСКА. Видите, все мы, в лучшем смысле слова, повязаны давними, прочными отношениями с любимой командой. Кто-то, как Стас, продолжает работать на благо армейского коллектива.

Схожи мы с отцом еще и в том, что очень близко к сердцу принимаем те или иные события, опять же связанные с работой. Ведь это неотъемлемая часть жизни каждого из нас. Незадолго до кончины папу позвали-таки в родной клуб. На должность директора. Он воспринял приглашение с огромным энтузиазмом, радостью. С непомерным рвением приступил к работе.

На дворе – проклятые, страшные 90-е годы. Когда не пойми что творилось в том же хоккее. Мрачные личности сновали вокруг игры и клуба, делили средства. Судорожно решали, куда, как, главное – за какие деньги быстрее продать игроков. Чтобы набить свои и без того бездонные карманы.

В общем, около и вокруг большого спорта крутилось полно криминального люда. И клуб переходил по несколько раз из рук в руки. Конечно, многих лихорадило от подобных страстей. Особенно тех, кто искренне переживал за судьбу родной команды. Таких, как мой отец, например.

Безусловно, папа, как истинно хоккейный человек, все происходящее в ЦСКА и вокруг него близко к сердцу принимал, глубоко переживал. Да, он иногда сетовал на боли в сердце. Ему, к слову, предлагали сделать шунтирование года за три до кончины. Увы, многие из нас весьма легкомысленно относятся к состоянию своего здоровья, отец тоже исключением в этом смысле не являлся.

Слишком много курил. Даже по ночам. Никак не мог бросить. Как-то он привел характерный пример. Относится к периоду, точно не помню, его игроцкой или тренерской карьеры. Предстояла одна из решающих игр. В ночь накануне матча, со слов папы, сильно волновался, настраивался на тяжелую встречу. Уснуть не мог, курил напропалую. Пачку оприходовал. Случались крайне редкие периоды, когда прекращал курить. Вскоре, однако, опять «смолил».

Инфаркт застал отца по иронии судьбы во дворце спорта ЦСКА. Несчастье произошло накануне ноябрьских праздников, шестого числа. Рабочий день. Доктором в хоккейном клубе работал Игорь Силин, он еще при Анатолии Владимировиче Тарасове трудился. Сильный, квалифицированный специалист, сказал бы, врач от бога. Именно как спортивный доктор. Его Слава Фетисов брал в делегацию на зимнюю Олимпиаду.

Силин дружил с папой. А в последние, как оказалось, годы жизни они особенно близко сошлись, просто неразлейвода. Игорь в тот роковой день звонит отцу и говорит: мол, не пора ли нам домой, давай, спускайся на первый этаж. Игорь сам спустился, папы все нет и нет.

Дежурная по дворцу спорта бежит и в голос кричит: «Ой, Александров упал!»

Помчались за медицинским ящиком Силина, там инструментарий находился. Вызвали «Скорую». Врачи «Скорой», увидев медицинское содержимое клубного доктора, удивленно констатировали, что у них таких инструментов, набора лекарств близко нет.

«Если вы ничего не смогли сделать, то мы и подавно чуда не сотворим».

Игорь Владимирович Силин как ни пытался сердце папы запустить, ничего не получилось. Такой вот печальный исход.

«Середнячком стыдно быть»

Считал неправильным игнорировать советы отца. Мало того, что любил и люблю родного человека. Очень уважал его позицию по конкретным жизненным ситуациям. Мнение по некоторым вопросам мог и не разделять, но считался с ним, имел в виду.

Даже упертость в характере папы, о которой рассказал, мне в принципе импонировала. Во всяком случае, она не раздражала. Если уж решили что-то делать, надо выполнять. Твердость, цельность характера покоряли в отце. Без данных качеств в жизни не обойтись, убедился на собственном примере.

Помню, встал передо мной, как, наверное, и другими молодыми людьми, вопрос, чем заняться по окончании школы. Ведь в хоккей я продолжал поигрывать. В ЦСКА за юношескую команду выступал. Папа иногда посещал мои тренировки, смотрел матчи. Оценивал, анализировал. Четко представлял себе возможности сына как хоккеиста. Я и сам понимал, чувствовал, что мастера с большой буквы из меня не получится.

И в ответ на вопрос, чем заняться после школы, отец прямо сказал: «Звезды хоккея из тебя не выйдет. А быть середнячком с фамилией Александров стыдно». Золотые слова. Обижаться глупо. Дал мне ценный совет. Одна из дочерей Константина Борисовича Локтева – Ирина – училась в военном институте. «Поступай туда, специалистом станешь», – молвил папа.

Поехали взглянуть, что за вуз, какая кафедра и т. д. Подготовился основательно, поступил на факультет военных переводчиков. Стал учиться. Естественно, сразу принял присягу, институт-то военный.

Что поделаешь, игра в хоккей тут же завершилась, учеба забирала практически все время. Будучи в армии, особенно не поиграешь, служить родине требовалось. По окончании учебы работал в Венгрии целых шесть лет, затем отправился на Дальний Восток. В Хабаровске два года провел. Затем вернулся в столицу.

Служил в Генеральном штабе. В 90-е началась форменная кутерьма, в армии тоже. Делился с отцом своими соображениями. Дескать, я – майор Вооруженных сил, заслуженный человек. Был заместителем начальника штаба полка. Это перед тем, как в Москву вернуться, в Генштаб. Должность в Генштабе – старший офицер отдела. Но занимаюсь ерундой. Канцелярские принадлежности покупаю, карандаши генералам точу. В общем, чушь и пошлость. Привык в армии служить, если надо, полком командовать. А не угождать кому-то ручками с карандашами.

Отец выслушал мою тираду и ответил вопросом на вопрос, из

которого, правда, все стало ясно. Интонация не оставляла сомнений, как дальше поступить. «Ты сам как ситуацию видишь?» – откликнулся на мое откровение Александров-старший. Царил период разброда и шатаний. Из армии людей массово отпускали. Всячески сокращали Вооруженные силы.

Вовсе не удерживали тех, кто уходил сам. Оформил я рапорт на увольнение по собственному желанию. Министр обороны его подписал. И я стал вольным гражданином. Кого жалеть? Себя или события, происходившие в стране? Решение принимал осознанно. Так целый этап, кусок жизни остался позади.

Без работы не остался. Специалисты со знанием иностранных языков почти везде требуются. Меня позвали в командировку в солнечную Италию работать на международной выставке, посвященной открытию Америки. Безотносительно к военной тематике. Полгода там пробыл, вернулся в Москву.

Затем наступил период, когда занимался всякими проектами на торгово-промышленной стезе. Разрабатывал условия контрактов, реализовывал их. Этой теме тоже полгода посвятил, и не где-нибудь, а в Канаде. Почему меня туда влекло? Хоккей тамошний посмотреть, давнишняя мечта! Любовь к игре, разумеется, с годами не угасла, продолжал наблюдать за событиями, смотреть матчи, читать статьи.

Главное – в Канаде появилась возможность встать на коньки, снова испытать непередаваемое чувство голода по хоккею. Жажду играть очень хотелось утолить. Работал в маленькой торговой компании, всякого рода поставками занимались. Сынок, Стас, начал заниматься хоккеем в детской школе. Возил его туда и обратно.

Папы пацанов, игравших вместе со Стасом, предложили: давай в нашу компанию, сыграем. Откликнулся с удовольствием. Купил себе форму, в назначенный день и час подрулил к арене. Гонял шайбу пару-тройку раз в неделю. Здоровья тогда хватало для столь интенсивных занятий.

Затем вернулся в Москву. Короткое лирическое отступление. В детстве и юности, когда интересы и амплуа в хоккее еще не успели сформироваться, конечно, шайбы забивать рвался. Естественное желание многих ребят. Но в такой школе, как ЦСКА, готовят уже профессиональных спортсменов.

Ближе к своим пятнадцати меня тренировал в команде армейцев известный мастер 60-х Владимир Брежнев. Он тогда объяснил, что для форварда у меня ручки слабенькие. Объективная оценка профессионала. И предложил попробовать себя сзади, то есть в защите. Может, предположил Брежнев, лучше получится. После чего я переквалифицировался в игрока

обороны.

В Канаде меня никто не привязывал к амплуа. Одну игру действовал в атаке, следующую мог провести в защите и т. д. Самое интересное – по возвращении в Москву продолжил шайбу гонять. Можно сказать, полноценно в хоккей вернулся – игра затянула, увлекла настолько, что уже не представлял себя без полюбившегося увлечения.

В то время еще немного катков работало. В любительской, Ночной лигах поигрывал. Это 2000-е годы. Первый свой сезон в организованном хоккее провел в небезызвестном коллективе – «Торнадо».

Запомнилась поездка на чемпионат мира среди сборных авиакомпаний. В составе команды «Аэрофлота» довелось сыграть. Среди участников – две американские команды, столько же канадских. Американцев, кстати, «Дельта» представляла. Люди прилетели не только в хоккей сыграть, но и пообщаться в неформальной обстановке.

По три матча в день проводили. Каждый период – 15 минут «грязного» времени. Затем полуфиналы и финал. Сборных много приехало, поэтому столь жестким график встреч оказался.

В финале играли, как говорят, «по-взрослому», 20 минут период. Мы в финал пробились, в соперниках – финны. Скандинавы на нашем фоне пацанами смотрелись, средний возраст их дружины лет 30, не больше. Каждому из нас было под 40, кому-то больше. Банально перебегали возрастных русских.

Сейчас не играю. Все-таки два инфаркта перенес. Признаться, после рецидива не очень комфортно себя чувствую. Кататься в хоккее просто так не могу. Хочется ведь шайбу догнать, обработать ее как следует, соперника обыграть, пас толковый отдать и т. д. Отбывать номер на площадке, без азарта, эмоций не приучен, не в моем характере. Всякие ускорения, физические и нервные нагрузки нынче возбраняются, в ущерб здоровью. Стоит себя иногда пожалеть.

В бизнесе, которым теперь занимаюсь, как раз необходимы нервные и физические затраты. Поэтому есть смысл сконцентрироваться именно на данной стезе, а не шайбу гонять. Проблем, между прочим, в процессе работы всегда прилично набегает. Все близко к сердцу принимаю, не могу в роли стороннего наблюдателя пребывать. Ну, такой характер, мироощущение, восприятие. Проще говоря, так устроен. Не получается равнодушнее быть. По-моему, люди аморфные типа амеб терпят крах.

В принципе, особых, «кричащих» проблем в жизни, тьфу-тьфу, не возникало. Помните, рассказывал, что одно время трудился на

ниве торговых дел. Тот опыт очень даже пригодился в текущий момент. Плюс получил еще экономическое образование, окончил Академию управления. После чего спокойно, с умом и расстановкой руководил компанией. А в начале 2000-х ушел в строительный сектор. Исключительно стройками занялся.

Спортсменчик растет!

Меняются подчас в строительном секторе направления нашей работы. Исходим из современной конъюнктуры, спроса. Нервы? Конечно, время от времени «играют», как без этого? Зато приятно видеть плоды своей работы. Когда вроде как ничего не стояло, потом – бац, и проект завершен.

Объекты разные, начинали, как говорят, с мелочей. Сейчас достаточно крупные бизнес-центры возводим. К сожалению, в сфере спорта редко приходится трудиться. Только раз удалось прикоснуться к любимой для меня тематике. В подмосковном Климовске основательно похозяйничали. Старый спорткомплекс реконструировали, новый дворец ввели в строй. Кроме игрового, зал единоборств функционирует. Рядом – футбольное поле с трибуной, «коробка» для хоккейных баталий, как же без нее?!

Что скрывать, мне интереснее строить спорткомплексы, дворцы, «коробки», бассейны, арены. Правда, в данный сектор строительного бизнеса предстоит еще внедриться, наработать определенные связи и контакты. Желающих, кроме нас, хватает. К примеру, необходимо найти заказчиков на подобные объекты, чтобы реализовать задуманное. Поскольку пока не выпадали нам такие заказы, не получалось себя проявить в полной мере. Только в упомянутом Климовске удалась стройка.

…В личном плане, по-моему, и желать лучшего не надо. Женат вторично, от первого брака сын Стас, внук Вениамина Вениаминовича. Первая супруга осталась жить в Канаде, я предпочел в России жить. И спустя время встретил девушку, с которой учился вместе в институте. Поженились, двое детей у нас, и, на радость, столько же внуков. Внучок, что постарше, 4-летний, к спорту не очень тяготеет. У другого малыша явно спортивная фигурка, ну, вылитый спортсменчик растет! Надо будет взять его на хоккей, пусть начнет проникаться атмосферой популярной игры.

Стас, насколько знаю, встречается с девушкой, намерения серьезные. Хочется верить, сын и его избранница тоже подарят нам внуков. У Стаса, как, впрочем, и у меня, хоккейная карьера не сложилась. Может, кто-то из внуков на славу заиграет, почему нет?

Хотя, наверное, не пожелаешь близким людям столь тяжелой, пусть и очень интересной, работы, как хоккей. Сегодня эта игра на редкость энергозатратная, огромный, подчас непосильный для кого-то труд. Плюс к тому же небезопасный – в смысле травм.

У нас никто не становился великим атлетом просто так, с

бухты-барахты. Все равно почти у каждого были и есть родители, бабушки с дедушками. Они, так или иначе, помогали и помогают становлению. Те, кто тебя приводит или привозит во дворец спорта на тренировки, матчи. Вот Третьяка в свое время приводили за ручку, он стал знаменитым мастером.

Моего отца, к примеру, никто не заставлял, даже не ориентировал заниматься спортом, хоккеем в частности. Так вышло. Уже рассказывал, его, по сути, улица воспитала. Там он сделал первые шаги, как оказалось, к спортивному Олимпу. Рос без матери, отец, Вениамин Васильевич, трудился на заводе.

Папа учился в техникуме, продолжал мяч и шайбу гонять. Кто-то из специалистов увидел отца в игре, пригласил выступить на более высоком уровне, чем уличные баталии. Само собой, у юного человека взыграли здоровые амбиции, он начал бурно прогрессировать. На стадионе «Красная Пресня» Веня Александров мастерство оттачивал.

Я задавался вопросом: почему отец на Пресню ездил, когда под боком стадион «Динамо», в том районе Вениамин Вениаминович жил с Вениамином Васильевичем. Удобнее на динамовскую арену ходить, в хоккей играть. Разгадка проста: знакомые ребята позвали моего отца на стадион «Красная Пресня», в тамошний клуб записаться. Он прикипел душой к этому клубу и товарищам по команде. И никуда на тот момент не хотел переходить. Здесь папа оказался, как говорят, в нужном месте в нужное время. С нужными людьми. Удалось, что называется, выстрелить, его заметили как игрока.

Никогда не жалею о ранее принятых мною решениях, потому что они принимались осознанно. Вернусь ненадолго к временам моей хоккейной юности. Ощутил тогда некое чувство ревности. Если помните из моего рассказа, я пошел учиться.

В то время как в составе молодежной команды ЦСКА, где мне тоже довелось выступать, бурно раскрывались таланты ровесников. На полную мощь заиграли Дима Сапрыкин, Саша Зыбин, другие ребята. А потрясающий Вова Крутов из молодежной сборной сразу в главную команду страны попал. На Олимпиаду-80 отправился, в Кубке Канады блестяще зарекомендовал себя. Внутри, признаться, все кипело. Как же так, а я что, намного хуже, получается?!

Повзрослев, возмужав, понял: у каждого свой путь в жизни. Наверное, так предначертано. Зато нынче прихожу во дворец спорта ЦСКА, вижу рядом сына Стаса. Душа радуется. У каждого из нас разное дело, профессиональные интересы несколько другие. Но один из Александровых трудится непосредственно в любимом нами хоккее. Здорово!

Шероховатости в отношениях отцов и детей всегда были, есть и будут. Дети, сколько бы ни было им лет, все равно остаются детьми, даже в пятьдесят. Не говоря уже о тридцатилетних, как мой сын. Конечно, возникают подчас спорные моменты, непростые ситуации. Наши мнения в чем-то могут не совпадать, это нормально. Не повод ссориться, тем паче гневаться друг на друга.

Хотя, наверное, не пожелаешь близким людям столь тяжелой, пусть и очень интересной, работы, как хоккей.

Понимаю, Стас уже взрослый парень, 31 год. Решения самостоятельно принимает. Подсказываю ему что-то, если интересуется моим мнением. Ничего, однако, не навязываю. Повторюсь, он не маленький, не в начале жизненного пути.

В личном плане подсказки вообще дело неблагодарное. Пограничные вопросы, весьма тонкие грани – не вторгаюсь. Негласно повелось: сын сам звонит, если ему необходимы мои советы.

Не собирался умирать

…Поскольку страна в определенный период времени оказалась в крутом пике, отъезд за рубеж моей первой супруги с маленьким тогда Стасом был предопределен. Мы обсуждали сложившуюся ситуацию с бывшей женой и сошлись во мнении: да, следует уехать. К тому же сын хотел играть в хоккей, Канада, сами понимаете, не худший вариант. Он там, к слову, тренировался, выступал, и весьма неплохо.

Если бы что-то не сложилось, мы с удовольствием приняли бы его здесь, в России. Так и произошло. Вернулся сюда, дальше, считаю, все отлично складывается. Нашел себя, свое призвание, работает в хоккейном клубе ЦСКА.

Помню, Стас по окончании тамошней школы приезжал погостить летом. Он неважно говорил по-русски, расстояние и воспитание, сам образ жизни все-таки разнятся. Нынче с языком нет проблем. Говорит чисто, понятно, мысли ясно выражает, никакого акцента. Молодец.

Впрочем, по ходу учебы за океаном сын гостил в Москве еще пару-тройку раз. Присматривался, прислушивался, оценивал российские реалии. В конце концов, решил обосноваться на родине. Ему не требовались подсказки, как поступить. Стал искать работу ближе к спорту, попал в ЦСКА. По-моему, Стасу интересно. Посмотрим, как сложится его жизнь дальше.

С Еленой Николаевной Бобровой, кстати, бабушкой Стаса, общаюсь довольно редко. У нас, признаться, не очень сложились отношения. Елена Николаевна всегда отличалась властным характером, слывет человеком, не терпящим возражений. Пересекаемся в основном на матчах с участием армейцев, во дворце спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте. Конечно, обнимемся при встрече, расцелуемся. Своего рода давнишний ритуал. Друг от друга не бегаем, разговариваем без проблем.

От игры нынешних армейцев в большинстве случаев получаю удовольствие. И сама атмосфера во время матчей классная. Некоторые знатоки, любители хоккея утверждают, что игра нынче, не только ЦСКА, якобы примитивная. Не соглашусь. Возможно, кто-то из болельщиков не поспевает за мыслью теперешних хоккеистов, многие вещи происходят моментально, очень стремительно.

Порой потрясающие шедевры творят мастера! Такие комбинации разыгрывают – закачаться можно. Плоды импровизации, а не только подготовленные на тренировках элементы.

Вот форвард Да Коста по ходу одной из встреч регулярного первенства уложил на лед двух соперников, затем на паузе столь же изящно расправился с голкипером соперников, и – шайба в воротах. Подобных шедевров достаточно. Есть на что и на кого посмотреть. Шикарнейшие комбинации выдают. По-моему, я убедительно ответил на доводы ворчливых поклонников игры.

Все в хоккее изменилось. Играют значительно быстрее. Как-то с нашим замечательным мастером Володей Лутченко общался. Вспоминали с ним ход красивейшего матча «Бостон Брюинз» – ЦСКА в 76-м. «Ну, вы молодцы, – говорю Вове. – Не торопясь, с расстановочкой покатились, бросочек туда-сюда».

Бесспорно, красотища неописуемая. Тот хоккей, да, медленный в сравнении с нынешним зрелищем. Объективная данность. Кому что нравится. Здесь спор, тем более ожесточенный, неуместен, разные эпохи, другой хоккей. Каждый по-своему привлекателен.

Лутченко, могу, правда, ошибаться, застал еще в ЦСКА отца моего. Тот находился на излете славной карьеры, собирался завершать ее. Едва из молодежки Володя пришел в основной состав. Проживали мы с ним в одном доме, в гости захаживали. Прекрасные отношения сохранились.

С Альметовыми, увы, почти не общались. Супруга его, насколько знаю, улетела в США. Там и осталась, как говорят, на ПМЖ. Детей у пары не было. С дочерью Локтевых Наташей и ее мужем до сих пор дружим. Иногда вместе отдыхаем, на лыжах прекрасно катались в красивейших местах Италии.

Вообще круг знакомых и друзей разный. Неплохие отношения сложились с людьми по работе. С друзьями из армейской среды, конечно, вижусь. Эти мои давние товарищи еще с лейтенантских времен сердцу дороги. Есть среди них ребята несколько старше меня.

Реже, тем не менее общаемся. Раньше едва ли не ежемесячно, к примеру, отмечали дни рождения. Начали хохмить: мол, слишком часто встречаемся одной компанией. Давайте, дескать, подарки в таких случаях отменим, как-то разнообразим досуг.

Увы, стареем, мудрее становимся. Личная свобода стала куда более ограниченной, потому что появились на свет долгожданные и любимые внуки. Нынче вижусь с приятелями пару-тройку раз в год. Примерно тем же коллективом, что и раньше.

В хоккейной среде, безусловно, знакомые остались. Со многими из них играл в юношеской, молодежной команде ЦСКА. С тем же Сергеем Жарковым встречаюсь на матчах с участием армейцев. Никто из нас, может, не стал большим спортсменом. Не повод, однако, игнорировать друзей юности.

Весьма часто общаюсь с известным голкипером Александром Пашковым. Однажды припарковал машину у супермаркета. Оказалось, рядом стоял его автомобиль. Саша выходит из авто, обнимаемся, как приятно! Блистательных ветеранов ЦСКА кивком головы приветствую, не более того. Все-таки разница в возрасте, в спортивных заслугах и многом-многом еще. Не вправе фамильярничать.

…Папа мой никогда паинькой не считался, этаким «гладким» по характеру не был. Напротив, «шершавым», непростым представлялся. Упертым, как я говорил. Конфликтным тоже не слыл, но мог вспылить по мелочам, как и в любой семье, наверное.

> Тот хоккей, да, медленный в сравнении с нынешним зрелищем. Объективная данность. Кому что нравится. Здесь спор, тем более ожесточенный, неуместен, разные эпохи, другой хоккей.

Главное, оставался для меня безусловным авторитетом. Потом мы ведь представители разных поколений, интересы не могли совпадать априори. Имеются в виду жизненные позиции, взгляды на события, людей. На некоторые ценности. Времени на возможные споры не оставалось, он умер-то слишком рано, в 54 года. Отца было за что уважать, уже рассказал вам подробно.

Он не собирался умирать. Жизнь его шла не то чтобы размеренно – буквально кипела. За пару недель до своей кончины мой Вениамин Вениаминович организовал доставку на дачу досок, бревен, других вспомогательных вещей. Целых две машины. Рвался благоустраивать наше подмосковное гнездышко. И бац, не стало человека…

Альметова не бросили

– Характерная особенность для детей советского периода: они почти не видели любимых, знаменитых отцов-хоккеистов во время их активной карьеры, – с некоторой грустью констатирует дочь выдающегося мастера Константина Борисовича Локтева Наталья. – Где-то до седьмого-восьмого класса школы я смотрела матчи с участием папы по телевизору.

Вот когда он возвращался из дальних странствий или после домашних встреч советского первенства, был настоящий праздник. Мало того, что сам отец дома появлялся, вместе с ним приезжали долгожданные подарки нам, детям. Звали многочисленных знакомых, друзей, они и сами без особых церемоний приходили, двери дома всегда были открыты. Собачка наша просто с ума сходила от радости, встречая папу. Словом, приезд Константина Борисовича – постоянное ощущение праздника, небывалого душевного подъема, неизбывной радости.

Папа, так повелось в семье, никогда нас с сестрой не ругал. Хотя бы по той причине, о которой уже сказала: редко нас видел, когда в хоккей играл. Не до ругани, обнять бы, расцеловать своих девочек, и снова в путешествие по городам и весям. Плюс длительные сборы на подмосковной спортивной базе, откуда знаменитый тренер ЦСКА Анатолий Владимирович Тарасов почти не отпускал домой подопечных.

По сути, одна мама нас воспитывала. Следила за выполнением уроков, общалась с учителями, если требовалось. Кормила, поила, ухаживала, настоящая хозяйка, как и миллионы мам в стране. Папа, да, очень добрый, заботливый, сердечный, мягкий человек. Во всяком случае, дома. Каким слыл на работе, по ходу матчей, не знаю. Возможно, в определенные моменты проявлял жесткость, хоккей – игра контактная, там порой не до сантиментов. В семье, повторюсь, отец оставался истинно великодушным, добрейшим человеком.

Круг друзей? Назвать ли дружбой отношения с космонавтом Титовым? Он, когда выпадало свободное время, как и у папы тоже, приезжал в гости к нам. Удобно еще и потому, что жили мы рядом.

В основном давние, прочные отношения сложились с абсолютно простыми людьми. Как правило, с друзьями детства, юности отца и мамы. У них и знакомые-то общие. Родители никогда не стремились непременно заручиться поддержкой сильных мира сего. Дорожили обычными человеческими ценностями.

Например, дружили с людьми, с которыми вместе детский сад посещали. Потом в школе опять же учились. Почти все эти замечательные граждане родились и выросли, как и мы, в столичном районе Сокольники, полном романтики, красоты. Собирались в нашем доме на вечеринки и праздники, Локтевы тоже заглядывали к друзьям на огонек. Помню подобные эпизоды с детства.

Встречались с незапамятных времен с Александровыми. Вы знаете, «дядя Веня» – давний партнер Константина Борисовича в хоккее и товарищ по жизни. За годы общения стали практически родственниками – настолько сроднились. Мама моя самым тесным образом дружила с тетей Светой, супругой Вениамина Вениаминовича.

Разумеется, позже мне рассказали, как тетя Света дневала и ночевала в нашей квартире накануне моего появления на свет. Да, жена Александрова, можно сказать, принимала роды, во всем маме помогала. Разве такое забыть?! Папа-то в отъезде находился – по хоккейным делам. Разве что на расстоянии переживал, не более того.

Альметов Александр Давлетович, тоже партнер папы по ЦСКА и советской сборной, реже появлялся у нас. Наверное, в силу каких-то причин. Наверняка между отцом и Альметовым имелись глубокие чувства признательности, дружбы, взаимовыручки. Когда Александр Давлетович скончался, папа принял горячее участие в процессе подготовки похорон, в самих похоронах.

Он и место пробивал другу на Ваганькове. Именно там потрясающий человек и хоккеист просил его положить в случае кончины. Не секрет, последние годы жизни Альметов работал на кладбище, видимо, отчасти сроднился с этой землей. Удивительно, как порой складываются судьбы. Выдающийся хоккеист Альметов, со слов моей мамы, окончил школу с золотой медалью! Многие перспективы открывались перед столь умным юношей, впоследствии гениальным мастером игры. Он предпочел хоккеем заняться, знаем, небезуспешно.

Слишком рано закончил блистательную карьеру. Одно время улетал с женой в Америку. Она там осталась, Александр Давлетович вернулся в Союз, чтобы умереть на родной земле. Общих детей у супружеской пары Альметовых не было, только ребенок от первого брака жены.

Трогательно до слез: свои награды, завоеванные на чемпионатах мира и Европы, Олимпийских играх, папа мой отдал в знак признательности скончавшемуся товарищу по команде.

Во время церемонии прощания с Альметовым медали аккуратно лежали на подушечках. Дело в том, что личных наград

Александра Давлетовича в его квартире не нашли, куда-то, вероятно, пропали. Возможно, их украли. Вот Константин Борисович жест от души и сердца сделал. Зная папу, скажу: не мог он иначе поступить.

Почитывал классиков

Если продолжить тему друзей… Муж и жена Кундилевы, с ними замечательно общались, могли часами наслаждаться их обществом. Они из разряда людей, которые, как говорят, сами сделали себя личностями. Опять же близкая подруга моей мамы – с тетей Верой они учились в ремесленном училище.

Дядя Валентин, муж Веры, стал тогда представителем нашей страны от Торговой палаты. Поставками леса занимался в Финляндию, ряд других стран. Они из самых низов шли к успеху, никто их не толкал, не продвигал, как принято думать. Так что в друзьях нашей семьи обычные простые люди. Наделенные умом, сердцем, душой.

С тетей Светой Александровой, если помните, помогавшей моей маме в предродовом состоянии, общаемся не от случая к случаю, а достаточно регулярно. По сути, родной нам человек. И с Наташей, дочерью Александровых, обмениваемся сообщениями в Интернете, созваниваемся, иногда встречаемся, благо она рядом со мной живет.

Стасу Александрову, внуку Вениамина Вениаминовича и тети Светы, обязательно звоним. Он же непосредственно в ЦСКА работает, помогает попасть на матчи с участием армейцев. Видимся с ним на матчах, говорим о нормальных житейских вещах. Хожу с мужем на игры, от души болеем за родную команду отца. В нашей квартире, к слову, на видном месте висит вся клубная атрибутика.

Сами с мужем занимаемся спортом, вообще любим все спортивное. Тем более хоккей давно вошел, можно сказать, в мою кровь и плоть. В 60—70-е, как правило, в большинстве семей не стояло несколько телевизоров. Подходило время хоккейного матча, мы, Локтевы, смотрели исключительно ледовые баталии. Своего рода ритуал, обязанность, в то же время увлечение, страсть. Ну, папа со своей командой играл! Как можно пропустить такое событие!

Вопрос: любит кто-то из нас хоккей, не любит – никогда в нашей семье не стоял. Игру смотрели обязательно. Знаете, сначала наблюдаешь за подобным действом, потом начинаешь его обожать.

Подобное произошло и с нами, маленькими тогда девочками. В те годы особенного выбора не было. Включали телевизор, смотрели хоккей. Как и сейчас, в зрелом уже возрасте. Только нынче осознанный шаг, давние, проверенные, взаимные отношения с популярной игрой.

Да, на очень красивых, сказала бы, изящных комбинациях в советском хоккее многое строилось. Не просто кое-как шайбу в ворота запихнуть, а именно с умом, красиво, импровизируя. Не самоцель размазать соперников по бортам. Навалиться пятеркой на оборону. Видение площадки, партнеров потрясающее. Между прочим, оцените, как реагирует нынче публика на толково разыгранные комбинации. Столь же эмоционально, восторженно, как и раньше.

Конечно, мы привыкли, что сейчас события на площадке разворачиваются стремительно, моментально. Иногда глазом моргнуть не успеваешь, глядишь, шайба доставлена на заветный «пятачок». Раз-раз, гол. Тогда все вдумчиво развивалось, размеренно. Так представлялось. Многие вещи диктует сама эпоха, в которую живем.

…Отец на коньки меня не ставил. Потому что, рассказывала вам, его дома во время карьеры почти не было. Мама чаще приобщала к занятиям спортом. Кататься я умела, но больше спортивной гимнастикой увлекалась. Гонять на велосипеде тоже мама учила.

У папы действительно не оставалось времени приобщить нас, дочек, к замечательному, как оказалось, миру спорта. Отец лишь неподдельно восхищался, когда показывала ему, чему научилась за период его отсутствия. Меньше месяца папа мог посвятить нам, когда он и его команда отдыхали по окончании сезона.

Сейчас с улыбкой вспоминаю, как папа реагировал на наши относительные неудачи, скажем, в школе. Однажды стою, плачу, отец рядом сумку спортивную собирает, чтобы уехать на сборы. Интересуется у мамы, что это дочка рыдает? «Двойку сегодня получила», – отвечает мама. «Нехорошо, Наташа. Ну, я поехал». Спокойно, без намека на злость. Папа никогда не читал нотаций, той же злости, тем паче гнева, близко не проявлял. Ему такое не присуще. Не помню, чтобы он нас, девчонок, ругал за что-то.

После напряженных матчей, когда хоккейные баталии завершались, Константин Борисович с удовольствием отправлялся на встречи с болельщиками. В санатории приезжал, дома отдыха. В Эшерах, например, выступал перед поклонниками игры, людей собралось видимо-невидимо. С огромным вниманием, интересом слушали рассказы папы.

Его действительно можно заслушаться, рассказчик замечательный. Формулировал мысли четко, ясно, выразительно. Народ восхищался. Даже в пионерский лагерь приезжал, где я смену проводила. С юными поклонниками хоккея от души разговаривал. Те буквально засыпали отца вопросами.

Умение папы увлечь публику содержательными вещами не

случайно. Еще великий тренер Анатолий Владимирович Тарасов подчеркивал начитанность отца, его уровень просвещенности. Папа не ограничивался в жизни лишь пределами хоккейной площадки, немало и с видимым удовольствием почитывал тех же классиков. В его активе, к примеру, Писемский, Достоевский, Пруст, другие известные авторы.

У нас очень обширная домашняя библиотечка, ее начал собирать еще дедушка, отец нашего папы. Кстати, он тоже имеет прямое отношение к спорту, был футбольным арбитром. И матчи по русскому хоккею судил. Сохранились уникальные фото, на которых дед, что называется, в работе, обслуживает матчи в качестве рефери.

Личная трагедия

Папа по окончании активной хоккейной карьеры учился на высших курсах тренеров. Он еще и пединститут окончил. Во многом, считаю, благодаря нашей маме. Она, в свою очередь, очень настаивала, рекомендовала, убеждала отца непременно получить высшее образование.

Как бы постоянно стимулировала, ненавязчиво подгоняла, настраивала на серьезное отношение к учебе. Помогала ему во всем. Конспекты, к примеру, готовила, в общем, вдохновляла на подвиги уже на студенческой стезе. Она и меня с сестрой ориентировала на аналогичные вещи, что без высшего образования в жизни никак не обойтись. Молодец. Спасибо ей за внимание и заботу.

Папа по окончании активной хоккейной карьеры учился на высших курсах тренеров.

Была еще маленькой девочкой, когда отец закончил играть. Многих вещей в силу возраста, конечно, не понимала и просто не знала. Только позднее информация дошла, что Тарасов просил папу вернуться в ЦСКА. Увы, не сразу, по мнению маститого наставника, можно восполнить потерю столь классного мастера, как Локтев. Поэтому Анатолий Владимирович уговаривал Константина Борисовича еще поиграть. Папа внял просьбе, недолго выступал в составе, чем-то, думаю, помог родной команде.

Маленькой меня брали на хоккей, друзья немногим старше говорили: вон, смотри, твой папа играет. Тот период смутно помню, повторюсь, совсем юной оказалась. Уход отца с поста старшего тренера ЦСКА отчетливее отложился, повзрослела я, стала немного разбираться в хитросплетениях большого хоккея. Вообще жуткий для папы временной отрезок, адаптировался он к окружающей действительности весьма непросто, если не сказать, тяжело.

Зачем он стал бы уходить сам, ведь ЦСКА под его руководством золотые медали чемпионов страны выиграл. Конечно, отца, что называется, ушли. Уход из команды обставили мерзко, надо прямо сказать.

Игроки, тренеры, обслуживающий персонал клуба – практически все приехали в ресторан, победу в чемпионате отметить. Там папе и сообщили об увольнении. Повод придумали странный: дескать, сборная уступила на первенстве мира. Думаю,

кому-то наверху срочно потребовалось Локтева снять. Сняли.

Со слов некоторых хоккеистов, недавних подопечных Константина Борисовича, команда горой стояла за Локтева. Игроки даже намеревались идти к высшему армейскому руководству, чтобы папу оставили тренером. Разубедил их в этом сам отец. Он посчитал, что ничего не нужно предпринимать в сложившейся ситуации. Бесполезно. Все решено бесповоротно. Никто не изменил бы решение. Забегая вперед, скажу: тот вынужденный уход из любимого клуба губительно отразился на близком нам человеке. Во всех смыслах.

Папу в свое время звали к себе на работу тогдашние югославы. Они через представителей соответствующих ведомств, в том числе спортивных, просили отца приехать к ним и готовить тамошних хоккеистов. Наши родители вместе ездили на переговоры. Какое-то время, весьма короткое, они там пожили. Но договориться о деталях предстоящего контракта не смогли. Спросите, почему?

Рассказываю. Мы намеревались отправиться на новое место работы папы всей семьей. Нас, однако, не выпустили. Боялись, Локтевы убегут из СССР. Маразм? Да.

А дальше свою «неоценимую лепту» внесли спортивные чиновники. Они запросили у югославов совершенно неподъемные по тем временам деньги за работу отца там. В Союзе функционеры почти всю зарплату по контракту того или иного атлета забирали себе. Спортсменам, знаменитости не исключение, крохи доставались. Непомерные аппетиты околоспортивных деятелей, проще говоря, патологическая жадность сорвали папину поездку. Югославы на подобные условия просто не пошли.

Командировка в Польшу… Я училась на тот момент в восьмом классе, 77-й год. Тоже вышла не очень красивая история, мягко говоря. Поляки прислали запрос именно на папу для работы тренером в клубе «Легия». Уже готовились к отъезду, «сидели на чемоданах». Вдруг сообщают, что вместо Локтева в Польшу отправился Фирсов. Анатолий Васильевич туда прибыл, а местные люди говорят: извините, мы ждали Локтева, а не вас. Ситуация в высшей степени неловкая, хотя бы с точки зрения морали, этики.

Обратно Фирсова поляки, видимо, не решились отправить, пристроили его работать. Не знаю точно, в качестве кого. Тем не менее решительно настаивали на скорейшем приезде в «Легию» нашего папы.

История эта почему еще некрасивая? Родители созванивались с Фирсовыми, из разговора стало ясно, что бывший партнер по

ЦСКА и сборной тоже планировал с семьей уехать за рубеж. Работать, естественно. Правда, Фирсовым якобы неизвестно, куда и когда они поедут. Все они прекрасно знали, но зачем-то темнили. Наверное, люди суеверные. Вот Анатолий Васильевич и свалился полякам как снег на голову.

С Фирсовым, как нетрудно догадаться, папа не трудился в «Легии». Поднял клуб на достаточно высокие позиции. Под руководством отца команда превратилась в мощный, дееспособный коллектив. Рейтинг стал выше, это правда. За свою информацию я спокойна, потому что сама там присутствовала, довелось видеть матчи «Легии», ведомой Константином Борисовичем. Да и восьмой, девятый, десятый классы оканчивала именно там. В русской школе при советском посольстве училась. Так что все знаю из первых уст.

Видела глазами, слышала ушами.

Что в Польше, что по возвращении оттуда родители, насколько знаю, больше не общались с четой Фирсовых. По понятным причинам. Случилась некая недоговоренность между ними в связи с данной историей. Люди в общении с папой и мамой уходили от прямых ответов, что-то скрывали, утаивали и прочее. Такое не способствует добрым отношениям.

Жизнь отца после ухода из большого хоккея, скажу прямо, сложилась плохо. Потому что папа, откровенно говоря, больше себя нигде не видел, кроме как в роли наставника армейцев. Та нежданная отставка, повторюсь, очень губительно сказалась. На психологическом, душевном, как следствие, физическом состоянии. Мы это чувствовали, знали.

Если нынче есть где себя проявить и реализовать – выбор возможностей шире, – то в советскую эпоху крайне сложно было себя найти. Практически невозможно. Плюс папа угодил в жернова 90-х. Никто никому по большому счету не нужен был. Даже Локтев.

Еще отец такого склада человек, что не стал бы просить за себя ни при каких обстоятельствах. Характерная черта людей того поколения. Поплакаться кому-то, поскулить – ни-ни. Не мог он, понимаете? Однозначно после ЦСКА папа нигде не нашел применения сил и таланта. Может, и не пытался. Потому что душа и сердце остались там, в родной команде.

Одно время работал инженером по технике безопасности в гражданской обороне. Считал себя обязанным приносить деньги в семью. Затем трудился в компании, где знаменитости помогали, образно говоря, открывать двери в кабинеты высокопоставленных чиновников, престижных организаций.

Ему платили деньги за подобные услуги. Продолжал вести по

жизни никому не известных или малоизвестных людей. Отчасти способствовал их успеху, продвигал, таким манером.

Расписались тайно

Папу пригласили, наконец, на должность вице-президента Федерации хоккея России. Не кто-нибудь, а Владимир Владимирович Петров, сам армеец, заслуженный мастер спорта. Отец принял предложение с воодушевлением.

Владимир Владимирович очень трепетно относился к старшему товарищу, уважал, по-моему, даже любил легендарную тройку нападения Альметов – Локтев – Александров. Папа отвечал взаимностью, между ним и Владимиром Владимировичем сложились добрые отношения. Так что выбор Петрова кандидата на высокую должность представлялся отнюдь не случайным.

Мы, признаться, от души радовались за отца. Казалось, он уже никогда не вернется в хоккей, ни в каком качестве. Тут нежданно представилась возможность послужить любимой игре. Чувство радости, однако, оказалось скоротечным.

Ушлые чиновники во главе с безызвестным Сычом буквально прогнали с поста президента Петрова, вслед за ним добровольно ушел и папа. Хотя Сыч предлагал ему остаться. Константин Борисович наотрез отказался, присовокупив, что никогда не стал бы работать с подобными людьми.

…Наши родители знакомы с детства. Помните, рассказывала, что они в один детский сад ходили. Регулярно стали общаться ближе к восемнадцати. Одна из моих бабушек, к слову, не хотела брака между молодыми людьми. Мама моей мамы мечтала, чтобы ее дочь вышла замуж за военного. Пытался ухаживать за молоденькой особой лейтенант. Безуспешно. Тогда, между прочим, считалось весьма престижным найти себе пару в лице спутника из Вооруженных сил.

Отец на тот момент – совершенно простой юноша, отнюдь не звезда советского хоккея. До этого еще далеко было. Ушел, как и многие, служить в армию, призвали. В принципе рядом, в Подмосковье часть располагалась. Папа бегал в самоволки, чтобы с любимой встречаться. Отчаянным слыл!

Забавно, мама всякий раз стеснялась своего избранника, папу, разумеется, коротко стригли в армии. Девушка неизменно просила прикрыть стриженую, почти лысую голову пилоткой.

Матушка рано пошла работать, в пятнадцать лет. Заработанные деньги родители, как правило, у дочки не забирали. То есть вольна купить себе, что захочется. Мама пользовалась привилегией. С ее слов, на свидание ходила вся такая красивая, необыкновенная, и отец шел навстречу – с непокрытой головой.

Между прочим, родители папы тоже не восторгались выбором сына будущей спутницы жизни. Бабушка по линии отца из староверов, купеческой, зажиточной семьи. Мама моя полная противоположность в данном смысле. Согласно метрикам, рассказам близких ее людей, они приехали в столицу из деревни. Видимо, поэтому и не случилось сразу альянса, слияния душ, сердец.

Расписались молодые люди тайно, никто не знал и не догадывался о столь дерзком шаге. Стали мужем и женой 8 мая. Каждый год делала для них импровизированный плакатик, вешала на стенку, таким образом поздравляла дорогих мне людей. Мама обязательно хранила мои «произведения».

Представьте, по окончании процедуры бракосочетания папа с мамой ушли домой, каждый к своим родителям. Никакой свадьбы, поздравлений, отмечаний, ничего! Спустя время молодые все-таки сознались, что стали мужем и женой. Папа привел любимую женщину домой. И сказал маме, бабушке моей: «Валю очень люблю, и если ты, мама, станешь ее обижать, уйду вместе с ней. Пусть тяжело будет, все равно не расстанемся». Слова мужчины.

В общем, недолго у бабушки жили. Папа уже в ленинградском СКА играл. Вскоре его позвали в столичный ЦСКА, клуб с богатейшими традициями. Команде посвятил лучшие годы. Руководство армейцев предоставило молодой супружеской паре однокомнатную квартиру на «Соколе». Самостоятельно зажили, радовались от души, были счастливы.

У папы, ничего тут не поделаешь, натянутые отношения со своей мамой. Хорошего контакта не дождались. Куда больше внимания мне, например, уделяла бабушка Марья по линии мамы. Старшую сестру воспитывала как раз мама отца, бабушка Шура. Такие замысловатые ребусы подчас возникают. Но любили нас, маленьких, одинаково.

Константин Борисович, надо признать, глубоко любил мою маму. Очень уважал всех женщин. Не терпел даже малейшего проявления дерзости, тем паче хамства. Характерный случай. Кто-то у нас гостил. Мы с сестрой, Иришкой, в соседней комнате находились. Вдруг шум, гам. Оказалось, папа выгонял из квартиры человека, пренебрежительно отозвавшегося о женщинах. Чуть ли не тумаков ему надавал.

Отец мог и подраться, характер у него соответствующий. Наверное, издержки большого хоккея. Уж врезать обидчику прекрасных дам запросто получалось. Мгновенно воспламенялся, реагировал. Настоящий мужчина!

Пил – от безысходности

Расскажу еще одну историю из жизни родителей. Весьма показательную. В том смысле, насколько все-таки незлобивы мои родители. Конечно, ссоры вспыхивали иногда, как и в других семьях. Тишь и благодать тоже в какой-то мере утомляют. Мама поведала об этом эпизоде, который в итоге благополучно разрешился.

Поссорились они. Папа хлопнул дверью, ушел, вскоре вернулся. Стал что-то в шкафах искать. Ищет, ищет. Мама вошла в комнату: «Что ты без конца там роешься?!» «Сберкнижку ищу». Посередине комнаты стоял обеденный стол. Мама резко придвинула столик едва ли не вплотную к отцу, прижав его таким образом к шкафу. «А детей забрать вместе с книжкой не хочешь?!»

Пожалуй, единственный «серьезный» за их многолетнюю совместную жизнь момент. Больше и не помню аналогий. Ситуаций, когда близкие люди не разговаривали друг с другом месяцами, никогда не было. И не могло быть. Мои родители иного склада. Если у отца, например, возникали проблемы по работе, родители уединялись на кухне, в комнате, обсуждали, решали, как поступить. Со стороны читалось: пара создана друг для друга, единое целое.

Да, мой папа выпивал. Во время карьеры – нет, после – да. Это произошло не сразу, не вдруг – медленно, почти незаметно даже для нас, близких ему людей. Ясно, из-за его неустроенности. В подобных случаях возникает, наверное, душевный вакуум, некая опустошенность.

Вернулись мы из папиной командировки в Польшу, о которой вам уже рассказала, отцу просто некуда податься. К тому времени ему лет сорок, не больше, молодой, полный сил мужчина. Хоккеист выдающийся. Мастера его уровня нередко ничего заметного не добиваются на тренерской стезе.

Общеизвестно, классный мастер не всегда становится столь же колоритным наставником. Здесь все с точностью до наоборот: Константин Борисович, если помните, привел родной ЦСКА к званию чемпионов СССР.

Плюс, как отмечали многие эксперты, сами хоккеисты, отец слыл весьма тонким психологом, умел найти подход к подопечным. Недаром оканчивал педагогический институт. И при всех, казалось бы, несомненных достоинствах ты никому не нужен. Никто тебе не звонит, ничего не предлагает. Безысходность, конечно. Тяжело, можно понять. Я не в оправдание папы своего, просто констатирую.

Вернулись мы из папиной командировки в Польшу, о которой вам уже рассказала, отцу просто некуда податься. К тому времени ему лет сорок, не больше, молодой, полный сил мужчина.

Может, есть сильные личности, способные куда-то приткнуться. Точнее сказать, гибкие граждане, умеющие найти выход из почти безвыходной ситуации. Увы, отец не из категории приспособленцев, даже в лучшем понимании. В том-то и дело: никогда и ничего не просил. Не в его характере. Говорила уже: отличительная черта представителей того поколения.

Ближе к концу жизни папа сильно пил. Нам, самым близким людям, казалось, пытаемся влиять на него, убеждаем, он прислушивается. Как, однако, можно переубедить взрослого, состоявшегося человека кардинально что-то поменять в себе. Если он сам не очень-то хотел изменить. Отец не смог побороть страсть к алкоголю в последние годы.

Характер был таким, что на психику мужа могла повлиять только любимая супруга. Она пыталась – отчасти волевая, требовательная женщина, разумеется, любящая близкого ей человека. Но силы и возможности не беспредельны. Папа прислушивался к советам, наказам мамы. Константин Борисович однажды бумагу сочинил на имя мамы, в которой клятвенно обещал: «Даю слово не пить целый год». Позднее я маму спросила: сдержал обещание? «Нет». В запои отец не уходил, конечно, но выпивать продолжал. Что в итоге не могло не сказаться на здоровье.

Сердце у отца болело. Таблетки принимал. Кстати, никогда не жаловался на порой нестерпимые боли, тихонько лекарства употреблял. Вместе с мамой «колдовали» над возможным улучшением здоровья.

Все-таки угодил в больницу, печень сдавала. На почве алкоголя. Положили в клинику Бурденко. Вроде папу подлечили, даже визуально казалось, лучше стало. Выписали его. Спустя буквально неделю увезли-таки на «Скорой». Больше он не пришел в себя…

Одно время на льду спорткомплекса «Олимпийский», где я нынче работаю, проводились турниры памяти папы. Участвовали детские коллективы. В том числе и команда нашего района Мещанское, на территории которого расположен «Олимпийский». Она, по-моему, до сих пор играет в разных соревнованиях.

Сын гордится дедом

Пять лет кряду пацаны играли в турнирах памяти моего отца. Каждый год в мае собирались под крышей «Олимпийского». Стараниями прежде всего мамы привлекали на матчи детских клубов знаменитых ветеранов ЦСКА. Александр Павлович Рагулин, просто красавец мужчина, обязательно приезжал. Его славные партнеры по армейской команде и сборной СССР – Виктор Григорьевич Кузькин, ряд других. Спартаковский тренер Карпов Николай Иванович неизменно был.

Славные ветераны хоккея открывали и закрывали турниры, вручали мальчишкам кубки, призы, медали. С Карповым мои родители дружили, мама, к примеру, с удовольствием общалась с женой Николая Ивановича. Очень теплые отношения сложились. Но в 2007-м не стало и моей мамы.

Работаю, как уже вкратце сказала, заведующей Южным и Северным секторами «Олимпийского». Под моим началом все спортсооружения на территории упомянутых владений. Раньше активно пропагандировала занятия фитнесом, держала свой клуб, так и называется – «Натали». Функционирует до сих пор. Немного занимаюсь фитнесом сама, форму поддерживаю.

Институт оканчивала тот же, что и папа, – педагогический. Не могу сказать, каким видам спорта отдаю предпочтение. В чем-то я универсальна, от времени года зависит. Летом на велосипеде гоняю, зимой мчусь на горных лыжах, коньки, наверное, с детства люблю.

Второй раз замужем. С первым супругом прожили десять лет, от этого брака сын Костя родился. Нынче тридцать лет ему. Девушка у сына есть, но пока официально не женился. Нет-нет, бабушкой еще не стала. Со вторым мужем шестнадцать лет живем. Тьфу-тьфу, все пока хорошо складывается, я довольна, счастлива.

У меня жесткий, волевой характер, в работе и в жизни в меру строга. Муж как раз мягче, иначе, боюсь, мы не ужились бы. В работе ценю умение оперативно все делать, не мешкая. Главное – организовать дело на «пятерку», только так успеха добиваются.

Муж институт физкультуры оканчивал, ему тема особенно близка. Мы здесь, можно сказать, полностью совпадаем. Он дзюдоист по специализации. Представьте, о спортивном, отчасти жизненном пути моего папы знает даже больше меня. Действительно обладает полной информацией о хоккеисте Локтеве, позавидовать можно.

Еще слегка подтрунивает надо мной: мол, как не стыдно

дочери великого игрока не знать того-то и того-то. В подобном ключе общаемся. Муж сканирует фотографии отца, мало того, состоит в одной из фанатских групп хоккейного клуба ЦСКА. Главное, мой близкий человек понимает, чувствует, какой личностью был папа.

Подсказывает и рассказывает мне весьма любопытные факты спортивной биографии выдающегося мастера игры. Словом, в унисон думаем и чувствуем. Муж как раз в первых рядах поклонников нынешней армейской команды. Почти все матчи во дворце спорта ЦСКА посещает. Я за ним едва успеваю, когда отправляемся на хоккей.

Не скажу, что сын – фанат хоккея. Тем не менее очень гордится дедом, его достижениями. Не секрет, в честь Константина Борисовича сына назвали. Помнит, знает, ценит знаменитого дедушку. Костя с другим дедом общается, это отец моего первого мужа. Тоже достойный человек.

С Александровыми, конечно, отношения поддерживаем. Так вышло по жизни, что эти замечательные люди ближе всех нам из хоккейных династий. Подробности из детства и юности вам рассказала.

Все-таки огромное спасибо руководству теперешнего армейского клуба, его сотрудникам. Они достаточно регулярно собирают родственников славных хоккейных ветеранов, чествуют наших неподражаемых отцов.

Да и сами ветераны, когда-то радовавшие публику великолепным мастерством, приезжают по возможности на вечера встреч. Общаемся, что очень важно, в неформальной обстановке, вспоминаем былые годы. Об игре и жизни потрясающих пап говорим. О своих житейских моментах тоже. Много подобных мероприятий проводит ЦСКА. Еще раз – спасибо!

Помню, при прежнем начальстве все иначе обстояло. До абсурда доходило. К примеру, игровая майка легендарного Константина Локтева даже не висела под сводами дворца спорта ЦСКА. Атмосфера гнетущая царила. Хаос и безразличие являлись своего рода визитной карточкой тогдашнего руководства.

Мы с мамой сокрушались: почему майка отца не висит под сводами дворца?! Матушка узнала от кого-то, что представители команды сослались на якобы нехватку денег в данном вопросе. Дескать, средств нет, чтобы вывесить маечку Локтева. И смех, и грех, право!

Тогда с издевкой в адрес, мягко говоря, недалеких по уму армейских управленцев тех лет предложила: «Мам, давай им денег дадим. Уточним сумму, приедем и вручим». Что оставалось? Только язвить. В принципе, на полном серьезе с

мамой обсуждали ситуацию. Потому что, судя по всему, никто и не собирался это делать. Мы-то знаем и помним, что порой происходило за кулисами большого хоккея. Какие нездоровые страсти имели место.

Только в последние годы с приходом нормальных людей в руководство, в том числе и с помощью наших ветеранов, справедливость восстановили. Ведь не может хоккей начинаться с одного, двух поколений игроков. Были и другие прекрасные люди, выдающиеся игроки. Целые хоккейные династии. Нельзя их отсекать.

Те же юные болельщики знают ровно столько, сколько им рассказали и показали, понимаете? Если не вести нормальную, в лучшем смысле, пропагандистскую работу, молодежь никогда и не узнает, какие порой потрясающие личности приносили громкую славу ЦСКА, отечественному хоккею в целом.

«Не буду я дачей заниматься»

Сестра… Любопытно наши отношения складывались. Иришка старше меня на пять с половиной лет. Мы с ней в детстве, бывало, вредничали, даже дрались. Почти в любой семье так. В Сокольниках жили вместе с папиными родителями, на улице Гастелло. В самом ее начале, ближе к станции метро, в двенадцатиэтажном блочном доме.

Сестру поселили в комнате с бабушкой и дедушкой. Обычный день. Ира, в отличие от меня, малышки, уже училась, сидела за столом, уроки делала. Я специально мешала ей, вредничала, отвлекала.

Меня вывели из комнаты – дескать, дай сестре спокойно домашнее задание выполнить. Ира вдруг встает из-за стола, начинает собирать книжки, говорит: «Если вы ее выгнали, то я, пожалуй, тоже пойду отсюда». Заступилась, проявила солидарность с младшей сестрой.

Сестренка, однако, любила подтрунивать надо мной. Все же старше, значит, искуснее младшей – на розыгрыши.

«Мам, ну, скажи, что мы ее из детдома взяли», – ерничала Иришка. Я за чистую монету приняла, расстроилась, заплакала. «Ира, я тебя накажу», – откликнулась мама на подобный словесный пассаж старшей дочери. Та не унималась: «Скажи ей, скажи». Мне лет пять было, сестра вдвое старше. Неизменно, однако, вступалась за меня, если кто-то пытался обидеть. В жизни мы всегда друг за друга стояли.

Ира не спортивный человек. Например, в институте по физкультуре неизменно получала «тройки». С этим связана одна из забавных историй. Почти все время просила меня… пробежаться вместо себя на занятиях по легкой атлетике. «Никто не узнает, – вполне серьезно уверяла сестренка. – Сдай за меня, хорошую отметку, наконец, получу». «У нас фигуры разные (Иринка полненькой, пухленькой была), сразу заметят подмену», – говорю. «Ничего, сойдет».

> Однако не хоккеем единым. Нынче мы с мужем путешествуем по российским просторам – на машине. Достопримечательности смотрим, отдыхаем, культурно развиваемся.

Или вот история. Я уже в «Олимпийском» работала. Советую ей: приходи, надо спортом заниматься, фигуру блюсти, чтобы нравиться себе и окружающим. Пришла. Поплавала день-другой.

Простудилась. Лежит в постели, упрекает меня: «Не пошла бы к тебе, не простудилась бы. Твой спорт довел до болезни». После чего перестала посещать занятия вообще.

Да, сестра далека от спорта. Музыкой занималась. Папины гены старшей дочери не передались совсем. В свою очередь, у меня физкультура на ура шла – в школе, позднее в институте. Говорила уже, велосипед, коньки, гимнастика, лыжи, в более зрелом возрасте фитнесом занялась. Всего понемножку, и главное – в удовольствие. Чувствую себя прекрасно, в тонусе нахожусь.

Хоккей в детстве всей семьей смотрели, мама нас не спрашивала, хотим, не хотим. Почти в приказном порядке просмотр хоккейных матчей проходил. Папа ведь играл, ясно, члены его семьи, самые близкие люди, у телевизора будут сидеть. Как иначе? Родной человек по хоккейной площадке бегает. Это «наше – все!», – как модно сейчас говорить.

Может, мама вначале не очень хоккеем увлекалась. Опять же спортивным человеком была. Сейчас поймете, о чем я. Со слов самой мамы, в Сокольниках, где мы жили, заливали достаточно большой круг зимой. На территории парка. Народ туда валом валил. Покататься. Мама водила так называемые цепочки. Вставала на простенькие беговые коньки, «ножами» их называли. Отталкивалась, и люди как бы цеплялись за мамины приспособления, скользили вместе с ней. Потому цепочками подобную манеру досуга и нарекли.

Так что мама давно созрела для восприятия тех же хоккейных баталий. Зимний же вид спорта, как и досуг в Сокольниках на коньках. Игру очень полюбила, вообще по натуре, характеру азартной смотрелась. Мне в ней это качество сильно импонировало. Наш человек!

Конечно, ездила в «Лужники» на матчи с участием ЦСКА, в составе которого папа выступал. Переживала от души. Очень мужем гордилась, не скрывала этого. Болельщики рядом с ней на трибуне восхищались игрой Локтева, его партнеров. Она слушала, оценивала, проникалась красотой зрелища. Вокруг восторженные крики: ой, как здорово! «Сижу, смотрю, думаю. Играет он для всех, а домой со мной пойдет», – говаривала с подчеркнутой гордостью, любовью, восхищением наша матушка.

Она безмерно радовалась, что когда-то стала его «половинкой» в жизни. Сейчас ведь тоже жены хоккеистов, как правило, посещают матчи с участием своих мужей. Времена меняются, традиции, тем не менее, остаются. Переходят как бы по наследству из поколения в поколение. Так и должно быть, так будет всегда.

Однако не хоккеем единым. Нынче мы с мужем путешествуем

по российским просторам на машине. Достопримечательности смотрим, отдыхаем, культурно развиваемся. Например, замечательно отметили мой день рождения. Отправились на экскурсию в Кусково. Красотища!

Затем по городу гуляли, смотрели, как преобразился центр нашей столицы. Зашли в ресторанчик, поужинали вдвоем. Чудесно день провели. Хотя раньше нередко предпочитали за границей обретаться. Не панацея, у нас лучше. И вовсе не ура-патриотизм во мне говорит, объективная данность.

Очень дачу свою любим. Муж вообще предпочитает жить там, вдали от городской суеты. Каждые выходные еду туда, к нему. Всю рабочую неделю с нетерпением жду, когда отправлюсь в Подмосковье, на наш участок. Благоустроенное место, можно жить круглогодично. В хозяйстве всякая живность – курочки, уточки, они заботы требуют. Стараемся не обмануть их ожиданий. Собачки ласковые, ждут ответного, трепетного отношения.

С дачей связана любопытная история. Ее у нас, Локтевых, еще в бытность папы с мамой никогда не было. Многие искренне удивлялись: почему так? Знаменитый хоккеист Локтев и без собственной дачи? Папа как раз хотел иметь участок, мама категорически возражала. «Не буду я дачей заниматься», – неизменно парировала матушка. В санаториях, домах отдыха предпочитала отдыхать. Дачное хозяйство чуждо ее натуре.

Нам, к слову, неоднократно предлагали заветные сотки, но всякий раз как приговор звучало категоричное мамино «нет». Причем в таких престижных местах сулили, что нынче подобные участки слывут золотыми, в смысле расположения. Признаться, я очень жалела об упущенных возможностях, мама никогда.

Мы с мужем, однако, соорудили на славу свою дачу, обустроили замечательное наше семейное гнездышко. Мама, отдадим ей должное, помогла в процессе строительства. Не вредничала, тем паче не вставляла палки в колеса. Не мешала. Повторюсь, сильно помогла.

Матушка приезжала на участок, отслеживала все телодвижения рабочих, отчасти руководила их работой. У нее, как говорят, не забалуешь. Но что-то делать на даче абсолютно не ее призвание. Стихия мамы – городская жизнь. Отдых уже сказала где – в санаториях, домах отдыха. Ничего не поделаешь, склад души, образ жизни соответствующий.

Папа, насколько знаю, был в этом смысле полной противоположностью любимой супруге. В детстве, например, обожал в деревню ездить, траву покосить, на природе отдохнуть. Отец ни в чем не пытался переубедить маму, подстроить под личные интересы, пристрастия.

В годы активной карьеры хоккеиста дома редко появлялся. И домашними заботами, естественно, мама занималась. В том числе организацией переезда с квартиры на квартиру. Хотя, понятно, клуб выделял отцу новое жилье.

Одну из квартир тогда предложили, между прочим, на Новом Арбате, где Александровы, кстати, живут. Вторую – в 3-м Самотечном переулке. Мама посетила Арбат, тут же вынесла вердикт: нет, не годится, с собачкой негде гулять, самый центр. По другому адресу – сквер рядом, тихие улочки. «Костя, мы вот эту квартиру берем», – подытожила наш семейный эксперт.

Дружба с Тарасовым

– В хоккей начал играть в ДЮСШ ЦСКА, скажу так, пытался играть, – говорит сын знаменитого защитника армейцев и советской сборной Николая Сологубова Игорь. – К слову, детско-юношескую школу, увы, не окончил. Может, терпения, таланта не хватило. Кстати, в одной команде со Славой Фетисовым тренировался и выступал. Разумеется, еще на том, юношеском уровне.

Тренер у нас весьма колоритный – Чабарин Юрий Александрович. Он не одно поколение известных мастеров подготовил для клуба и сборной. Знаю, например, Саша Харламов, сын знаменитого Валерия, тоже под его чутким руководством занимался. Да много-много ребят вышло в большой хоккей.

Тем не менее позднее поступил я в школу тренеров, она функционировала под крышей военного ведомства. Дважды краснознаменной, физической культуры называлась. Два года учился, звание младшего лейтенанта получил. Потом все равно оказался в системе ЦСКА, будучи офицером. Но об этом периоде чуть позже.

Папа никогда не отговаривал заниматься хоккеем, напротив, всячески стимулировал, поддерживал. Единственное, к чему призывал и на что ориентировал: работать и еще раз работать. В поте лица. Посещал мои тренировки, матчи юных армейцев, в составе которых играл и я. Указывал на ошибки, подсказывал, как исправить. Словом, одним только появлением во дворце спорта подстегивал, невольно заставлял подтянуться, прибавлять в мастерстве. Поэтому громкое имя отца не тяготило и не довлело, скорее, повторюсь, помогало.

К пятнадцати годам понял, хоккеиста уровня отца из меня не выйдет. Признаться, не фанател я игрой, не рвался стать знаменитым мастером. У подростков нередко интересы меняются, причем резко. Чаще пристальнее взоры на девушек обращал. Тут не до хоккея. Ну, кому что.

От хоккея, как уже сказал, судьба не отвратила. По окончании упомянутой школы тренеров пару лет работал в системе ЦСКА. У меня появился друг в роли наставника, наш замечательный хоккеист и прекрасный человек – Жлуктов Виктор Васильевич.

В штате Спорткомитета Министерства обороны Виктор Васильевич курировал армейские команды. Не только, кстати, по хоккею с шайбой. Под его началом – хоккей с мячом и даже на

траве. Мне посчастливилось трудиться с ним бок о бок в должности помощника. Многому у него научился, благо и работали с ним весьма продолжительное время.

Если помните, был период, когда сразу две армейские команды выступали. Времен начальника «большого» ЦСКА Барановского. Мы и так со Жлуктовым в штате ведомства трудились, вот нам и предложили в хоккейной команде работать. Виктора Васильевича назначили начальником, меня опять же его помощником, функции администратора выполнял. Очень даже интересно попробовать себя в подобной ипостаси и на таком уровне, как хоккейная команда мастеров. Да еще с громким именем ЦСКА.

…Игру отца не застал в полной мере, маленьким на тот период был. Удалось посмотреть его в деле, когда папа выходил на лед в составе команды ветеранов. Это много позже. Мама весьма регулярно посещала матчи с участием отца и его знаменитой команды. Увы, я, конечно, не мог видеть событий, ощутить магию антуража вокруг большой игры. Тем паче что-то анализировать в столь юном возрасте.

Анализировать, сопоставлять не мог, конечно, но все равно постоянно теребил Николая Михайловича. Типа, почему он сегодня не забил и так далее. В то время, насколько знаю, папа слыл единственным защитником в команде, кому великий наставник Анатолий Владимирович Тарасов позволял бегать в атаку, завершать комбинации партнеров.

Только после удачных экспериментов с отцом Тарасов начал подпускать вперед и других мастеров обороны. Правда, далеко не всех и не всегда. Окончательно мода на подключение защитников взяла верх лишь по окончании карьеры Николая Сологубова.

С Тарасовым, не поверите, отец очень-очень дружил. В баню вместе ходили, кваску могли выпить. Дома друг у друга собирались. И когда папа в свое время перебрался из Хабаровска в Москву, стали они с Тарасовым разучивать, шлифовать, практиковать силовые приемы в хоккее.

Игроки уже покинут площадку, Николай Михайлович с Анатолием Владимировичем продолжали элементы силовой борьбы отрабатывать. Просто немыслимые фанаты! Отец как-то во время «процесса» изрядно приложил Анатолия Владимировича на лед. И Тарасов, сидя на «пятой точке», воскликнул: «Это то, что нужно!» Знал толк в подобных вещах.

«Кошка» между папой и Тарасовым пробежала, когда наставника освободили из ЦСКА. Если не ошибаюсь, решением коллектива, на собрании. Наверное, и высшее руководство поучаствовало в тех событиях. Единогласно проголосовали за

отставку тренера при одном воздержавшемся – отце, разумеется.

Прошло некоторое время, и Тарасов навестил нас дома. Анатолий Владимирович – судя по всему, редчайший случай – просил недавнего подопечного поговорить с ребятами. На предмет его возвращения в команду. Авторитет Сологубова был непререкаем в коллективе, мог влиять на умонастроения своих товарищей. Со слов самого папы, он тогда резонно заметил маститому наставнику: дескать, прошло слишком мало времени, давай немного подождем с этим.

Тарасов, скрепя сердце, согласился, но, вероятно, затаил обиду на отца. Как, отказать ему, действительно выдающемуся тренеру?! Позднее отношения возобновились, но, по-моему, оказались не очень теплыми, искренними, товарищескими, как раньше. Общались, да, однако не так доверительно.

Анонимка пришла…

Мы жили семьей в высотном доме на площади Восстания. Соседями были известные всей стране люди, актеры, прежде всего, Алейников, Абрикосов-старший, много-много других колоритных персон. Они не без удовольствия ходили на хоккейные матчи с участием папы, его команды. Николай Михайлович с моей мамой посещали спектакли друзей-актеров.

Отец брал меня, маленького, на руки, говорил маме: пойдем-ка мы погуляем. А сам направлялся в здание гастронома номер пятнадцать. Магазинчик неслыханной популярностью пользовался в округе. Мог граммов сто пятьдесят пропустить с приятелями, спортсмены тоже люди. Помню, Быстрицкая жила в том доме. Не сказал бы, что отец закадычным другом являлся, но актриса время от времени приглашала в гости.

Из хоккеистов в первую очередь дружил с Константином Борисовичем Локтевым. Часто бывали в гостях у него, он тоже наезжал к нам. Даже в пионерский лагерь вместе отправлялись. Дочка Константина Борисовича там отдыхала. Лагерь со спортивным уклоном, от Ильюшинского завода. Отец, кстати, помогал с организацией досуга для ребят и девчат: в волейбол и баскетбол играли, по другим видам спорта соревнования проводили.

Трегубов Иван Сергеевич, партнер и товарищ папы в хоккее, гостил у нас регулярно. К сожалению, личная жизнь Ивана Сергеевича сложилась не очень хорошо. С первой женой пришлось развестись. Замечательного игрока преследовала страсть к алкоголю.

Затем познакомился с другой женщиной. Не берусь сказать, почему, но с ней он редко выбирался куда-либо. В основном в одиночку к нам опять же приезжал. С папой Трегубов виделся часто, пару-тройку раз в неделю точно.

Видимо, нуждался в совете старшего товарища. По-моему, он именно так и воспринимал отца. Тарасов тоже постоянно напоминал классному защитнику: «Иди, обратись к Николаю, он подскажет, как правильно играть».

По завершении выступлений в большом хоккее отец оформлял документы на поездку в ГДР. И должен был стать первым в истории советским тренером зарубежной команды. По-моему, в дрезденское «Динамо» его приглашали. Казалось, авторитет папы как человека и хоккеиста не вызывал сомнений.

Нашелся, однако, «доброжелатель», повесивший на Сологубова модный во все времена ярлык «неблагонадежного».

Понятно, анонимка пришла в спецслужбы. В принципе, мы догадывались, кто мог бросить тень на близкого нам человека. Ну, бог ему судья. Поездка, разумеется, сорвалась.

Но тренировать отец хотел, собственно, готовил себя к подобной работе. Конспекты вел, постоянно что-то записывал, общался с тогдашними экспертами, специалистами. Хотя сам способен дать фору кое-кому по части хоккейных знаний. Мечтал работать в топовом клубе, с нормальной инфраструктурой, толковыми руководителями. И, конечно, с игроками, не обделенными талантом.

В ЦСКА его не ждали, все вакансии позанимали. Да и Тарасов, к слову, продолжал трудиться с командой. Если уж Локтева, ничего, по сути, не проигравшего, ухитрились снять с должности… Беспардонно с ним поступили. Чтобы только поставить «нужного» специалиста.

Проще говоря, отправился папа в Новокузнецк, тамошний клуб тренировать. Конечно, по приезде к первому секретарю обкома заглянул, обязательная в те годы процедура. Партийные руководители, не секрет, являлись боссами, в том числе и спорта. Курировали, холили и лелеяли местные команды. Особенно в столь престижных видах спорта, как хоккей и футбол.

Секретарь обкома оказался неравнодушным к хоккейным делам человеком. Очень хотел, например, вывести команду из первой лиги в высшую. Разговор зашел о целях клуба на сезон, задачах, путях их решения. Заодно уточнили диспозиции по многим вопросам. В перечне – приглашение квалифицированных мастеров, соответствующий уровень зарплат, добротное питание, условия проживания и прочие моменты.

Арендовали даже номера в тамошней гостинице, где затем велись переговоры с потенциальными новобранцами хоккейного коллектива. Все, что папа обговорил с начальством, выполнили. Отец тоже в долгу не остался, вывел-таки клуб в заветную высшую лигу.

Работал еще два года, пока сам не ушел оттуда. Ситуация следующая. В первый сезон он вырывался домой довольно часто. По ходу второго реже, затем и вовсе почти прекратил появляться в столице. У мамы, видимо, женское чутье, интуиция сработали. Она едва ли не ультиматум выдвинула: либо отец возвращается в родные пенаты, либо развод.

В советское время, замечу, не практиковались поездки всей семьей к месту работы мужа, отца ячейки. Жили весьма долго порознь. К тому же мы с сестрой учились, я – в школе, она – в институте. Куда бы мы поехали, как могли сорваться с насиженных мест, где продолжили бы учебу? Вот мама и

взбунтовалась. Наверное, матушка в чем-то права. В каникулы тоже к папе не летали, обычно он навещал нас.

В общем, папа отработал завершающий сезон, вернулся в семью. Затем, однако, в Пензу отбыл, тренировать местный «Дизелист». Команда по хоккейным меркам известная, достаточно раскрученная. Лишь год трудился. Условия не понравились, контракт порвал, в Москву приехал.

Теперь в плане тренерской работы ближе к столице расположился. В клуб Подмосковья из Павловского Посада перебрался. Командочка скромная, ни на что особо не претендовавшая. Отцу так и сказали местные управленцы: средства весьма ограниченные, на повышение в классе не рассчитываем, им бы позиции сохранить, все.

Из конька – кровь рекой

Отец близко сошелся на тот период с одним из братьев Рагулиных, Михаилом Павловичем. Он, кстати, под руководством папы еще в Новокузнецке играл. В Подмосковье из них вышел тренерский тандем. Когда Николай Михайлович решил уйти, то оставил команду на попечение Михаила Павловича, проверенный человек, специалист неплохой. На этом тренерская стезя папы оборвалась. Раз и навсегда.

Решающую роль здесь сыграла, безусловно, почти непримиримая позиция мамы. «У тебя разъезды, матчи, сборы, дома практически нет», – выговаривала она мужу. Конечно, ей нелегко приходилось, психологически, морально. Воспитывать одной двух детей непросто. Деньги отец приносил, но его присутствия, общения с ним катастрофически не хватало. Всем нам. Его хроническое отсутствие негативно сказывалось, прежде всего, на отношениях с мамой.

Папа нашел, чем себя занять. Заядлым рыбаком, охотником был. Пенсию ему военную платили. Друзей по всему Союзу хоть отбавляй. Он и разъезжал по стране, на охоту, рыбалку. Мама недоумевала: «Опять тебя не вижу». «Смотри, рыбу, икру домой привожу, я – добытчик для семьи», – отшучивался отец.

Не мог сидеть на месте, характер не позволял. Подобный образ жизни достаточно долго продолжался. Папа хотел и умел находить компромиссы со своей «половинкой». По части отлучек из дома. Сил, энергии много оставалось, требовалось выплеснуть иногда. Явно на тот момент не исчерпал запас.

Часто спрашивал отца о военной поре. Всего двое в полку – он и его товарищ – остались живы. С ранениями вышли из окружения. Затем попал в разведку. Там около года пробыл. На задание вдвоем отправились. Лихой парень маячил чуть впереди. Он задел так называемую прыгающую мину. Того парня разорвало в клочья. Отец успел руками лицо закрыть, и осколки чувствительно ноги задели. Кость основательно ранило. В сознании находился, когда в госпиталь привезли.

Врачи сошлись во мнении – ногу ампутировать. Папа не позволил, хорошо, что на тот момент сознание не терял. Эвакуировали в Хабаровск. Лечился около десяти месяцев. Гангрена началась. Кость чистили-чистили, в итоге она оказалась тоньше, чем на другой ноге. Пальцы от ранения и последующего лечения прилично поднялись, выше допустимого уровня.

Решающую роль здесь сыграла, безусловно, почти

непримиримая позиция мамы. «У тебя разъезды, матчи, сборы, дома практически нет», – выговаривала она мужу.

Ботинки для коньков отцу на заказ шили. Понятно, по причине травмы. Как ни странно, реакция на те или иные игровые моменты была очень развитой, просто феноменальной. Представьте, ногой штангу ворот доставал, то есть перекладину.

После десяти месяцев упомянутой «отлежки» в госпитале отец пришел на стадион в Хабаровске. Раньше проще было на спортивную арену попасть, никакой вам охраны, пропусков и прочего. «Нельзя ли покататься?» – спросил папа у дежурного. «А давай», – ответили. Никто шлагбаума не ставил. В компании с офицерами круги по арене наматывал. На дворе 46-й год.

Окружающие, увидев стремительно мчавшегося на коньках папу, невольно воскликнули: кто такой, откуда взялся? Конечки после занятия снял, один из них полон крови. Да-да, последствия ранения. Еще на пять месяцев пауза. Но тамошние селекционеры, как бы сейчас сказали, уже не отходили от него, практически охраняли. Чтобы конкуренты из других команд не увели потенциальную звезду.

Тарасов, кстати, уже слышал о нем, знал возможности отца. Папа-то сам москвич, никто из соперников не смог бы его украсть. Потому что представители столичных армейцев, по заданию Тарасова, уже пообщались с молодым тогда Сологубовым. На предмет выступлений за их команду.

Участь будущего легендарного защитника отечественного хоккея была, таким образом, предрешена. Только ведомыми столичным армейцам путями отца перевели в Москву, в ЦСКА. Просто из одних родов войск грамотно оформили в другой формат, и все. Даже формальных препятствий не осталось для игры в знаменитом московском клубе.

Раненая нога суше здоровой – по сути, уникальный случай не только для хоккея. «Погода сегодня будет плохой», – говаривал отец. По состоянию здоровья определял. Нога, кость в непогоду особенно ныла, доставляла весьма ощутимый дискомфорт. Забегая вперед, скажу, поврежденные войной части тела не восстановятся до конца дней. Так и выступал с травмой.

На тренировках «пахал», как и все, поблажек, скидок себе не делал. Не в его характере. По ходу одного из матчей чемпионата страны нежданно-негаданно возникла очередная напасть. Соперник в эпизоде задней частью конька распорол отцу брюшину. Кишки едва собрали, вообще мог умереть. После чего шов немаленький остался.

Дело случая, насколько помню из рассказа самого отца.

Оппонент, правда, на хоккейной площадке неправым оказался, можно иначе сыграть. Но преднамеренной грубости, по оценке специалистов, тогда не просматривалось.

…Отец рассказывал, что, видимо, так звезды расположились, когда они стали олимпийскими чемпионами. По его мнению, ну, никак золото им не «светило». Заведомо сильнее по ходу турнира канадцы смотрелись. Да и чехи здорово играли.

На следующую Олимпиаду советские хоккеисты в ранге фаворитов отправлялись, а в итоге бронзу получили. Вероятно, судьба «отыграла» назад за успех предыдущего четырехлетия.

«У тебя круглогубцы есть?»

Папа очень коммуникабельным, общительным был. Просто на редкость. От него больше позитива исходило, чем негатива. Мама упрекала его: для других, мол, в лепешку расшибется, для семьи ничего не делает. Оценка с точки зрения женщины, можно с пониманием отнестись или отринуть.

В то же время отец мог и жесткость, неуступчивость в чем-то проявить. В нем сочетались, казалось, несочетаемые на первый взгляд качества. Вот умение общаться точно я от папы унаследовал. Еще бы голову его иметь. В смысле преданности хоккею. Всепоглощающей отдачи любимому делу. Цена моя, думаю, возросла бы, в собственных глазах прежде всего.

На высоком уровне не заиграешь, если думать о посторонних вещах, иных увлечениях. Понял это, осознал, но поезд ушел. Слава богу, так или иначе, связан с миром спорта до сих пор. Не мыслю и не представляю себя в другой отрасли жизни.

В общении с нами папа по-разному раскрывался. В основном спокойным, выдержанным был. Фронтовики, заметил, почти все с таким устойчивым, ровным характером. Маме, Нине Алексеевне, 90 лет исполнилось, отец умер в неполные 64 года.

Матушка больше не вышла замуж. В молодости очень походила на известную актрису театра и кино Валентину Серову. Прямо вылитая она. Интересовался у родного человека: почему не нашла себе спутника жизни после кончины отца? Ведь немало лет минуло. Мама полушутя-полусерьезно отвечала в том духе, что, мол, общения с моим папой хватило ей на всю оставшуюся жизнь.

Ирония, сарказм? Или она в мужчинах разуверилась, или больше не видела рядом никого, кроме нашего отца. Он ей действительно много чего дал. Нет ему равноценной замены? Оставалось только домысливать.

Родители знали друг друга еще до войны, рядом жили. Мама работала на мясокомбинате, папа как раз поигрывал за команду предприятия. На танцы вместе ходили, на стадионе за баталиями наблюдали.

Николая Михайловича в армию призвали в 42-м. После войны начался их бурный роман, со слов самих родителей. Поженились спустя год, тогда не приветствовались скоротечные браки. Люди долго ухаживали, старались лучше узнать друг друга. Кроме меня, родившегося в 58-м, есть сестра, Галина, семью годами старше.

Запомнился период, когда родители стали отдаляться. Чувство любви, видимо, уходило, как песок сквозь пальцы.

Незаметно. Словами все не объяснить. У мамы тяжело отец заболел. Разумеется, перевезли его к нам, пожилому человеку требовался тщательный уход, ежедневная, подчас ежечасная забота. Общению с отцом, напротив, очень мало времени уделялось. В конце концов, это привело к разводу.

От нашей высотки, ближе к зданию американского посольства, двухэтажный гаражик располагался, этакий цоколь. Шикарный по тем временам, около двухсот авто вмещал. Папа туда ходил, как к себе домой. С женщиной познакомился, заведующей винным отделом 15-го гастронома. Жила она в коммунальной квартире на улице Воровского. Конечно, для отца, привыкшего к несколько иным жилищным условиям, коммуналка – заведомый дискомфорт, некоторое ущемление прав.

Папа уверенно стучался в двери разных инстанций, от Моссовета до руководства хоккейного клуба ЦСКА, которому отдал лучшие годы. Не сомневался, что ему помогут. Получил-таки двухкомнатную квартиру в элитной высотке. Жениться на той женщине, кстати, не хотел.

Однако по правилам того времени предстояло оформить брак, чтобы жилье обрести. И со второй женой снова стал новоселом. Детей у них не было. Из квартиры отец «конфетку» сделал, масштабный ремонт провел. Но, видимо, по злой иронии судьбы пожить в ней не успел…

После развода с мамой папа лишь со мной общался. И то несколько натянуто. Вот уже в моей семье родился сын, назвали его Николаем, в честь, разумеется, деда и тестя. Решил я, таким образом, семейную традицию поддержать.

Прогуливался с коляской, в которой малыш Коля спал, внук Николая Михайловича. В сквере порой пересекались. На почве внука, можно сказать, теснее с отцом сошлись. Как бы реанимировали отношения. Сын мой родился в 80-м, отец умер спустя восемь лет. Так что успели дед с внуком хоть немного пообщаться. Притяжение между нами, повторюсь, оставалось.

При встречах бросалось в глаза: что-то с отцом неладное происходит. Визуально стало заметно. В последний год жизни папа сильно похудел. Близкий мне человек обладал потрясающей внутренней силой, казалось, он и хворь преодолеет.

Квартиру в элитной высотке папе предоставил Василий Сталин. Помню, отец подхватывал на руки меня, годовалого, и восьмилетнюю дочь. И чуть ли не бежал с детьми на четырнадцатый этаж. Такой силищей, выдающейся энергетикой обладал человек. Потому спустя годы и ситуация с его здоровьем представлялась преодолимой. Не мог он сдаться!

Насторожило, что известный спортивный доктор Олег

Белаковский регулярно, пару раз в год, отправлял папу в санаторий и в госпиталь. Болезнь – воспаление легких – в последние годы жизни развивалась стремительно. Двигался он мало, плюс непозволительно много курил.

Не знаю, почему, но внутреннее убеждение подсказывало: не может быть у отца рака. Ну да, отек легкого, не более того. Оказалось все серьезнее. В командировке находился, когда сообщили о кончине папы. Врач клиники Бурденко сказал, что смерть наступила от обширного отека легких. В новой, отремонтированной собственными руками квартире Николай Михайлович Сологубов, как я уже говорил, не пожил и дня. Судьба, да.

Если прислушаться только к доводам моей мамы, то образ отца несколько меркнет. Получается, он беспробудно пил, куролесил и тому подобное. Она с неутолимой, алкогольной жаждой мужа все время боролась.

Конечно, знаменитый хоккеист, особенно по окончании карьеры, мог выпить много или мало, в зависимости от возраста и состояния здоровья. Тем не менее не помню отца в стельку пьяным, тем паче устраивающим разносы близким людям. Всегда держал себя в руках, даже бессвязной речи, присущей выпивохам, никогда я от него не слышал.

Врач клиники Бурденко сказал, что смерть наступила от обширного отека легких. В новой, отремонтированной собственными руками квартире Николай Михайлович Сологубов, как я уже говорил, не пожил и дня.

В связи с упомянутыми алкогольными делами всплывает забавнейшая история. Конечно, я не сразу догадался о некоторых маленьких хитростях отца и его закадычного приятеля, нашего, кстати, соседа. На том же этаже, что и мы, проживал знаменитый летчик-испытатель Константин Коккинаки. Они с папой были буквально неразлейвода. Вот приходит к нам Коккинаки, спрашивает: «Коля, у тебя есть круглогубцы?» «А проволока алюминиевая с желтой оплеткой?»

Что на самом деле означала незатейливая на первый взгляд беседа? На языке Коккинаки и папы моего, «круглогубцы» – это коньяк. «Проволока с желтой оплеткой» – лимон. Убедившись, что нужные им ингредиенты в наличии, друзья собирались вместе, чтобы опрокинуть по рюмашке с долькой лимона.

Папа с Коккинаки что делали? Ванная комната, под сифоном лежат всякие инструменты. Сзади, за дверью, почти у всех в те годы располагалась стиральная машинка. Накрывали

полотенчиком бутылочку с лимончиком. Для отвода глаз решили еще пивко ставить. Как бы легкий алкоголь, отбивающий запах от сильного собрата. Нечто! Горазды мужики на выдумку. Мама много позже стала догадываться о хитроумных проделках друзей.

Сестра жестче отца

Кстати, на коньки меня мама поставила, отнюдь не отец. В Лужниках катались. Тогда вокруг Большой спортивной арены все дорожки заливались зимой. Лужники по праву стали родным для нас домом, много времени, главное – с превеликим удовольствием, там проводили.

Отец тоже составлял нам компанию. Приезжали на полюбившуюся арену, папа говорил: «Ну, я пошел по делам». На свою хоккейную тренировку торопился. Я еще маленьким был. Обожал на санках с высокими полозьями кататься. Держался за них, а впереди мама на коньках скользила, везла меня, малыша. Получалось с ветерком. Позднее сам на коньки встал при мамином непосредственном участии.

В подмосковное Архангельское отправлялись всей семьей. На лыжах прокатиться. По-моему, повсеместно царил бум спорта. В том же Архангельском, как говорят, яблоку негде было упасть, народу приезжало видимо-невидимо. Искренне любили это дело, насильно людей не загонишь спортом заниматься.

Приезжали мы на машине, отец ставил ее, и айда резвиться. Мы с сестрой, кроме лыжных гонок, очень любили еще с тамошних горок мчаться. В паузах из термоса чайку попивали с вкуснейшими бутербродами с копченой колбаской. Прелесть! Могли с друзьями, семейной парой, их детьми отправиться на спортивную базу Министерства обороны. Оттуда – домой, к нам, или к ним, знакомые жили в районе Фрунзенской.

Рядом с нашей высоткой только сквер разбит, там зимой ничего не заливалось. Поэтому на стадион «Красная Пресня» ходил, отец нередко сопровождал меня. Катался я неплохо, техникой немного овладел. Было мне лет семь-восемь. Наверное, уже на генном уровне тяга к хоккею прослеживалась, папа ведь классный мастер.

Он мне показывал некоторые приемчики, характерные для игры в хоккей. Как, например, грамотно подкатиться к сопернику в том или ином эпизоде. Уроки отца очень интересны были, прислушивался к его советам, присматривался, словом, впитывал. Еще ближе к зданию американского посольства «коробка» стояла, туда ходил кататься, с пацанами играл.

В том счастливом возрасте действительно очень хотелось посвятить себя замечательной игре. Казалось, клюшка станет моим непременным атрибутом на долгие годы. Ошибался. Подростковый период явился, видимо, во многом переломным. По части увлечений. Хоккей, надо признать, отошел на второй,

даже третий план.

Уже говорил, знакомства с девушками стали более приоритетными, чем занятия на льду. Чтобы стать мастером хоккея, необходимо чем-то жертвовать. Я не захотел, невольно сделав выбор в пользу иных моментов.

…Папа никогда не срывал злость на близких ему людях в случае поражений ЦСКА, сборной, в составе которых выступал. Правда, неудач совсем мало на его карьеру пришлось, тем не менее. Запомнилось только, что долго общался по телефону с Тарасовым, с тем же Локтевым.

Вероятно, обсуждали, анализировали ход матчей, допущенные промахи, итоговые результаты. Пути выхода из сложившихся ситуаций. Никогда не перекладывал рабочие вопросы на плечи семьи, ничем ее, таким образом, не обременял. Мудрый, спокойный, выдержанный человек, умеющий держать удар.

Даже во время ссор с мамой не разжигал страстей, старался их по возможности гасить, свести на нет. В крайнем случае молчал, давая выплеснуть эмоции маме. Степенно поднимался, брал ключи от квартиры, шел прогуляться. В упомянутый гараж рядом с американским посольством заглядывал. В магазин. Или к другу, Косте Коккинаки. Конфликт само собой сходил на нет.

Отец умел найти подход к маме. Нужные, проникновенные слова. Казалось, разругались вдрызг. Чуть ли не о разводе в сердцах говорили. Вдруг спустя время в театр супругу зовет, в кино. Просто прогуляться. Снова мир, покой в семье воцаряются. Я бы так сказал: папа очень мудрым человеком был, мама на редкость отходчива. В принципе, счастливое сочетание душ и сердец.

О периоде учебы в школе тренеров уже рассказывал. Удавалось вместе с отцом на хоккей съездить. Общение продолжалось. Вроде как с моей и божьей помощью удавалось склеивать семейные отношения, дававшие трещину.

На короткое время уехал из Москвы по делам. Отрезок пришелся как раз на уход матери за тяжелобольным своим отцом. На полноценные отношения с мужем времени не оставалось. Это явилось предвестником разрыва, за которым последовал развод моих родителей.

Сестра моя, к слову, характером в папу. Даже несколько жестче. В молодости у нее был хороший, добрый роман с известным хоккеистом Лебедевым. Отец от души радовался выбору дочери. Видимо, лелеял надежду на скорую свадьбу. Хоккеисту с хоккеистом всегда есть о чем поговорить. Молодой тогда человек часто гостил у нас, папа с удовольствием с ним

разговаривал о делах насущных.

Сестра, однако, позднее обмолвилась: дескать, не надо больше в семье хоккеистов. Выпивают они, и все в том же духе. С Лебедевым в итоге рассталась. Сама в медицинском вузе училась, может, это обстоятельство как-то повлияло на ее непростое восприятие, психологическое состояние.

В итоге замуж вышла за доктора, который выпивал, что называется, «мама, не горюй». Весьма и весьма прилично. Развелась с ним. Вторично вышла замуж… за спортсмена – баскетболиста. Говорю ей: «Галя, где логика в твоих поступках?!» Парадокс, да и только. Попрощалась раньше с хорошим, добрым, приветливым парнем – хоккеистом. Кстати, позже продолжила с ним встречаться, отношения поддерживала. Нынче избранник – баскетболист.

Если, правда, баскетболист начинает ее доставать, она быстро ставит его на место. «Иди-ка ты к маме», – весьма жестко реагирует Галина. Мама игрока живет буквально через дорогу от их дома. В самом деле уходит. «Где пил, туда и чеши», – может и такое заявить мужу. Почти не женский характер.

Общаюсь с сестрой, почему нет? Не столь часто, однако. К примеру, дни рождения мамы вместе отмечаем. Раз в год непременно на могилу отца приезжаю. Мама уже в силу возраста не может далеко перемещаться. Сестра из принципа не посещает кладбище.

Галя сильно, глубоко обижена на папу. Дело в том, что она, как уже упоминалось, продолжала встречаться с хоккеистом Лебедевым. Будучи замужем. Отец резко тогда отреагировал, заявил, что больше не знает и знать не хочет дочери. Пришлось ей на первых порах жилплощадь снимать.

Ребенок у сестры родился, Света, моя любимая племянница. Помогал Гале, сидел с малышкой, сестре даже не пришлось академический отпуск оформлять в институте. По сути, лишь я и внук Коля оставались связующим звеном в семье. Поддерживали отношения с тем же отцом. Время быстро бежит, сыну 36 лет, внучка имеется от сына. Дочке моей 34 года, внуков мне пока не родила.

Конечно, случались в жизни ситуации, когда обращался за советом к отцу. Он, правда, несколько странно советовал. Ни на чем никогда не настаивал. «Правильно поступить следующим образом, а как сделаешь, тебе решать», – говорил папа. Словно призывал мозги включать.

Как-то пророчески изрек: «Не бросайся головой в омут. Будь сдержаннее. Не все так просто в другой семье может сложиться. Ты привык с нами жить. Еще вернешься в родные пенаты».

Любопытно, женившись, я проживал рядом с нашей высоткой. И действительно, был период, когда примерно на целых четыре месяца от жены уходил.

Мою избранницу родители знали еще со школьной ее поры. И мой брак с ней продлился почти тридцать лет. После чего мы развелись. Кстати, нормально общаемся. Но восстановить отношения не представляется возможным. Да и смысла не вижу. Главное – не ощущаю потребности вновь сойтись, жить вместе. Повторюсь, общаемся, скажем, по поводу наших детей, их жизни, возникающих проблем. Вполне достаточно.

По прозвищу Комар

Рассказывал вам, что одно время трудился под началом прекрасного человека и замечательного хоккеиста Виктора Васильевича Жлуктова. Это когда странным образом функционировали сразу две армейские команды. Затем их объединили в одну, и бизнесмен Прохоров стал генеральным менеджером. Гинер отошел тогда от дел хоккейного клуба. Прохоров позвал Жлуктова и меня на работу в должности начальника команды. Пять лет посвятил любимой дружине.

Затем Немчинов занял пост гендиректора, тренеры Быков с Захаркиным покинули коллектив. Я в ДЮСШ ЦСКА перебрался, директором школы был известный мастер хоккея Бабинов. Года три проработал его заместителем.

Наконец, компания «Роснефть» взяла под опеку ЦСКА, и нам вместе со «спасибо» сказали «до свидания». После ухода из детско-юношеской школы отправился на некоторое время в Самару, пригласили туда люди, работавшие со мной раньше в ЦСКА.

От столицы сложно оторваться, прежде всего, коренным москвичам. Тоска зеленая. Скучаешь по всему родному, близкому. Не сильно я сентиментальный человек, но без города, с которым так много связано, долго не мог обойтись.

Встретился с Андреем Михайловым, сыном знаменитого Бориса Петровича Михайлова. Мы с Андреем, кстати, трудились на пару, когда его отец возглавлял главную команду ЦСКА, Андрей – вторую. При встрече Андрей Борисович сообщил, что его нынче ставят директором школы «Белые медведи», что на севере Москвы. Предложил мне стать заместителем директора по спортивной работе. Уже четыре года коллеги, трудимся бок о бок.

> На хоккейную площадку отчасти побаиваюсь выходить, слишком большой по времени тайм-аут брал. Нынче и некогда.

Под моим началом целых пять отделений по видам спорта. Не только хоккей с шайбой, но и следж-хоккей, фигурное катание, плавание, лыжные гонки. Интересно, много разных направлений. Хоккей, не скрою, превалирующий вид. И отдача здесь ощутимая, игроков талантливых растим.

Можно сказать, питаем юными хоккейными талантами едва ли не всю Москву. Поставляем мальчишек элитным школам – ЦСКА и «Динамо». На очереди «Спартак» с «Русью».

В то же время пытаемся убедить коллег не забирать у нас совсем маленьких ребятишек, скажем, семи-восьми лет. Пожалуйста, берите юношей уже на выходе из нашей школы, 15—16-летних. Заставьте, наконец, собственных тренеров нормально работать, а не только кадрами «Белых медведей» пользоваться. Нет, не всегда удается убедить, договориться.

С Андреем Борисовичем Михайловым регулярно посещаем матчи главной команды ЦСКА. Просим у Бориса Петрович абонементы, и айда на игру армейцев во дворец спорта на Ленинградском проспекте.

Откровенно говоря, самому поиграть в хоккей нет ни возможности, ни, признаться, особого желания. Однажды лет в сорок вышел на лед, и все. Ну, куда сейчас, в шестьдесят, – несерьезно. Если играть, то регулярно, постоянно в тонусе себя держать требуется. Увы. Зато плавал, почти неделю напролет в большой теннис поигрывал. Нормально.

На хоккейную площадку отчасти побаиваюсь выходить, слишком большой по времени тайм-аут брал. Нынче и некогда. Работа в школе «Белые медведи» много сил, энергии отнимает, все-таки у меня пять спортивных направлений. Надо «пахать» и «пахать», юные таланты пестовать.

Конечно, ЦСКА стал большим, пафосным, в лучшем смысле, клубом. О ветеранах не забывают. Над Жлуктовым, к примеру, буквально шефствуют. Прекрасную, удобную в обращении инвалидную коляску ему приобрели. Представители родной команды постарались. На юбилей к партнеру по ЦСКА и советской сборной приезжали президент Федерации хоккея Владислав Третьяк, другие прославленные мастера. Опять же неплохие стипендии платят ветеранам, очень хорошее, нужное подспорье в жизни.

В ЦСКА нестандартно работают. Импровизируют. Кроме тех атрибутов, о которых упомянул, неожиданно приятные вещи практикуют. Вот так называемые фруктовые корзины стали дарить. Маме своей привез аналогичную корзинку, она в улыбке расплылась от приятного, к тому же вкусного сюрприза.

Мечты? Хочется, глупо скрывать, поработать в каком-либо качестве в «большом» ЦСКА. Я вкусил этой участи, очень-очень интересно. Готов днем и даже ночью пропадать на любимой работе. Посмотрим, как дальше жизнь сложится.

…От папы исходило чувство справедливости, безусловной честности. Перед партнерами по хоккею, разумеется, членами нашей семьи. Негласный принцип – «не предай» – как бы витал в воздухе. Это само собой разумеющееся.

Наверное, нам с отцом присуща некая спортивная злость,

«издержки» спортивного бытия. Мама, напротив, призывала нас мягче к людям относиться. В какой-то мере мне передались ее гены тоже, еще больше – внукам. Вот сын мой характером во многом напоминает матушку.

На мой взгляд, каждое десятилетие хоккей видоизменяется. Неоднократно пересматривал матчи хоккеистов прежних поколений, скажем, поединки легендарной Суперсерии 1972 года. Конечно, скорости нынче выросли несоизмеримо. А как вратари потрясающе действуют!

Тогда, впрочем, беготни меньше наблюдалось. Нельзя проводить грубые сопоставления, неудобоваримые сравнения. Разные эпохи, другая игра. Тот же уровень мышления на площадке отличается. Одно скажу: хоккей в исполнении отца и его партнеров все-таки шедевральный!

…Папа до призыва в армию немного шпаной был, даже возглавлял свою группку ребят. Оттуда, из давних времен его юности, пошло прозвище Комар. Но Комарик никого, по сути, не кусал, не приносил вреда окружающим.

По стечению обстоятельств он и его ребята однажды угодили в милицию. Как раз незадолго до призыва в армию. В милиции разобрались, юношей отпустили. Папа на войну ушел в 42-м.

Из прозвища Комар прямо сенсацию сотворили. Будто отец в какой-то зоне отсидел. Чушь полная. По окончании Великой Отечественной Николай Михайлович Сологубов офицером стал. И какая тут «зона» может быть?!

Испуг после Канады

– Он будто притягивал к себе друзей, – вспоминает сын легендарного форварда Владимира Викулова Виталий. – Добрейшей души человек, веселый, отзывчивый. Помню, на нашей даче в подмосковном Голицыно справляли день рождения отца. Так почти полкоманды ЦСКА приехало, не считая друзей детства, юности. Это нечто!

Разумеется, места всем в доме не хватило, в большинстве своем люди в автомобилях ночью спали. Ни расстояние от столицы, ни определенные бытовые неудобства не остановили приятелей папы. Многие из тех, кого он хотел видеть, конечно, приехали.

Очень уважали, просто-таки любили Владимира Ивановича. За его легкий, располагающий к общению характер. Преданность делу, умение дружить. Тот период времени пришелся на активную хоккейную карьеру отца.

А в Москве, да, в баньку вместе ходили. Опять же не только хоккеисты армейского клуба и сборной, но и, как говорят, простые смертные – папины друзья детства, юности. Отец был доступен практически всем, никогда не кичился своей известностью. Ни малейшего налета звездности. Качество, присущее не только ему, но и всем замечательным хоккеистам того поколения.

Конечно, знаменитый тренер Анатолий Владимирович Тарасов отпускал подопечных домой крайне редко. Не секрет, они почти весь сезон жили на спортивной базе в Архангельском, откуда без разрешения именитого и очень строгого, взыскательного наставника ни ногой.

Но случались временные «отдушины», и отец приезжал в родные пенаты. Праздник души! Не только для его самых близких, но и друзей, конечно. Изумительным образом о визите папы домой узнавали все, кто хотел знать. Ведь мобильных тогда не было. Созванивались по обычным городским телефонам. И – айда на «коробку» рядом с нашим домом на Планетной улице, недалеко от «Динамо», кстати.

Меня ставили в ворота, и от души – нет, не шайбу гоняли – в футбол играли. Мне лет семь-восемь на тот момент было. Понятно, зимой папа не смог бы в тот же футбольчик с нами сыграть, занят хоккеем. Тренировки, матчи, бесконечные разъезды по городам, весям, странам… Вот период, когда в компании с папой и его друзьями удавалось поиграть, запомнился. Повторюсь, удовольствие редкое по тем временам.

Разумеется, когда папа завершил карьеру в большом хоккее, наконец-то больше времени стал уделять семье – мне, маме, позднее моей младшей сестре, Елене. Тренером молодежной команды ЦСКА работал.

Тоже отправлялся с подопечными на выездные матчи, но уже не столь подолгу отсутствовал дома. Все-таки сумасшедший ритм активной карьеры в ЦСКА и сборной СССР не сравнить с последующей деятельностью наставника армейской молодежки.

Кто отцу был ближе в хоккейной среде? С Виктором Васильевичем Жлуктовым тепло общался, с дядей Валерой Харламовым тоже. Он вообще мог заглянуть к нам в гости без предварительного звонка, всегда радовались его приезду. В то время не считалось чем-то зазорным. Проезжал, скажем, мимо, решил зайти к старшему товарищу по команде. Что тут плохого?

С Фирсовым и Полупановым, можно сказать, семьями дружили, все-таки непосредственные партнеры отца по клубу и сборной. Я, например, прекрасно знал дочку дяди Вити Полупанова, его жену. Вячеслав Михайлович Анисин гостил у нас, когда, разумеется, свободное от хоккея время выпадало. Очень большой, чрезвычайно высокий баскетболист Ткаченко, сгибаясь, входил в нашу квартиру на Планетной улице.

Говорил уже, компания у папы разноплановая. Не только хоккеисты, но и представители других видов. Еще друзья, не имевшие никакого отношения к спорту. Они обычные болельщики. Порой и вовсе далекие от всяких баталий люди. По-моему, отец их особенно почитал, ценил. Наверное, потому, что они всегда были верными приятелями. Независимо от статуса Викулова в большом хоккее. Дружили с ним, поддерживали его с незапамятных времен. Владимир Иванович отвечал взаимностью.

Не стану, пожалуй, в строгой последовательности рассказывать. Скучно, нудно. Не взыщите, если от одного события перебегу к другому, порой не связанному с ним по времени. Поведаю, на мой взгляд, о самом интересном. Это важнее, любопытнее.

…Вернулся отец, по-моему, с Кубка Канады. Мы с мамой не сразу узнали родного человека. Папа с друзьями по сборной вышел из здания Шереметьевского аэропорта, мы вроде как к нему бегом от радости. Но что-то нас насторожило, ошеломило, даже испугало. Ба, да у отца многих зубов не оказалось! Ему их просто выбили злющие соперники во время матчей. Папа непривычно шепелявил, шутил: мол, ничего, все нормально.

Это приключение на хоккейных заокеанских площадках не помешало, однако, дальнейшему общению. Папа настолько домашний, гостеприимный человек, что, едва сойдя с трапа

самолета, позвал партнеров по команде к нам домой, на Планетную. Посидеть с дороги, отдохнуть, чайку попить. Москвичи охотно откликнулись. Не смогли составить компанию только игроки из других городов, они, понятно, спешили к своим семьям. Пересели на другие рейсы и айда в родные пенаты.

Моя мама и бабушка с удовольствием встречали долгожданных гостей. Чудесно посидели, пообщались, знаменитые хоккеисты перевели дух после нелегких баталий. Не допоздна, конечно, засиживались, но было шумно, весело.

Такое стало почти ритуалом, но очень приятным. Позднее и ближе к окончанию большой, славной карьеры отца мы переехали в квартиру недалеко от «Щукинской». Проводили папу из хоккея, и гостей поубавилось. Так, наверное, часто бывает, не только у Викулова. Но факт налицо: встречи с друзьями по игре стали значительно реже. Потом и вовсе сошли на нет.

Хронический скромняга

Сейчас легко поймете, о чем я, если еще не поняли. Да, знаменитые хоккеисты того поколения, к которому и мой отец относился, потрясающе стеснительны едва ли не во всех проявлениях. Представьте, как дети: смущались, даже краснели при малейшем, на их взгляд, повышенном внимании к ним. Папа не исключение. Спешу рассказать.

Уже говорил, даже налета звездности мой Владимир Иванович был лишен. Такого склада человек. Повторюсь, ОНИ все, великие хоккеисты прошлого, подобным образом скроены.

Помню, в детстве (редкий случай!) пошли с отцом в парк Горького. На аттракционы, очень хотелось с ветерком промчаться. И директор, видимо, хоккейный болельщик, без труда узнал папу. «Владимир Иванович, катайтесь с сыном, сколько захочется. С вас ничего не возьму», – молвил начальник.

Отец замялся, покраснел. Ну, обычное его в подобных случаях состояние. Неловко ему стало, стеснялся своей известности. «Нет, что вы, как можно…» Мне-то, пацану, в радость – дольше кататься. «Все, уходим, совесть надо иметь», – пристыдил меня папа.

Пришли с мамой на матч ЦСКА, со «Спартаком» играли. Лет пять мне было. Врезалась в память встреча потому, что папе в пылу борьбы бровь рассекли. Из игры он не выключился, а кровь-то продолжала сочиться, капать. С трибуны мы отчетливо это видели.

И мама не выдержала зрелища, помчалась к скамейке запасных, где игроки ЦСКА располагались. Я – за ней. «Виталик, с папой что-то случилось!» – только и успела сказать она. Доктор армейцев, Игорь Владимирович Силин, успокоил: мол, вернитесь на свои места, все он сделает для Владимира Ивановича. Действительно, заклеил разбитую бровь пластырем, скрепил. Кровь уже не текла, страхи наши потихоньку улеглись. Сохранилось фото с той разбитой бровью. Немножко жуткая картина.

По окончании матчей удавалось с отцом обняться. У стен дворца спорта, пока двери клубного автобуса не закрылись. Считаные минуты отводились. Затем по команде Анатолия Владимировича Тарасова автобус уезжал на подмосковную базу ЦСКА в Архангельском. Все.

Тарасов иногда разрешал женам с детьми навещать хоккеистов в Архангельском. До обеда могли общаться. Даже на лодочке по пруду катались. На катамаранчике. Дальше по плану –

обед, отдых, вечерняя тренировка. Мы с мамой, как и члены других семей, возвращались в Москву.

Отец, будучи на редкость скромным человеком, тем не менее не стеснялся отстаивать свою точку зрения, когда требовалось. Мне эта черта в папе импонировала, можно сказать, передалась по наследству. Отец все говорил спокойно, без надрыва, никогда не срывался на крик. Главное – умел обосновать, почему считает так, а не иначе.

Еще школьником старался быть убедительным, если с кем-то не сходился во мнениях. Объяснял, убеждал, приводил аргументы. Как-то поспорил с учительницей, и та в сердцах выпалила: приведи, дескать, отца в школу. Что себе позволяешь!

> Пришли с мамой на матч ЦСКА, со «Спартаком» играли. Лет пять мне было. Врезалась в память встреча потому, что папе в пылу борьбы бровь рассекли.

Папа пришел, как раз в Москве оказался. Конечно, я и мое поведение на второй-третий план отошли, все знали, кто такой Владимир Викулов. Вопросы в основном о хоккее были. Ему опять же не в радость столь повышенное внимание. А мелкий инцидент с поведением сына Викулова благополучно разрешился. Папа обещал поговорить со мной, что-то поправить в поведении, настроении.

Кстати, в дни неудач на хоккейной площадке он держался достойно. Умел, как принято говорить, проигрывать. Никогда не срывал в подобных случаях злость на близких людях. Меня он тоже учил играть и проигрывать. Ненавязчиво. На конкретных примерах.

Вот шли мы с друзьями мяч погонять в той самой «коробке» рядом с нашим домом. Папа компанию составлял. Иногда уступали в счете. Отец говорил: «Не психуй, ничего страшного. Есть люди сильнее тебя. Надо тренироваться, чтобы прибавить в мастерстве. Но ни в коем случае не психовать, не плакать, не закрываться от мира. Все проигрывают. Даже великие спортсмены». Те уроки я запомнил на всю оставшуюся жизнь.

Он не закипал…

До 86-го года многие вещи, происходившие с отцом и вокруг него, я достаточно хорошо помню. Затем ушел в армию, срочную служить. Вкратце упоминал, что по окончании карьеры игрока папа тренировал молодежку родного клуба – ЦСКА. Вместе с дядей Юрой Чабариным работал.

В связи с блистательным хоккейным багажом Владимира Ивановича меня нередко спрашивают, почему по стопам отца не пошел. Мог, наверное, в той же молодежной команде играть. Не мог, и вот почему.

В пять лет мне очень интересно было кататься вместе с отцом, да еще с клюшкой наперевес. Папины финты, указания, техника катания на коньках просто завораживали. Старался учиться, подражать. Катались с ним, катались, и бац, сильно упал. Крайне неудачно – на спину.

Видимо, настолько угнетающе подействовало на мою детскую психику, что позднее не преодолел страха перед коньками, льдом и так далее. Ничего не мог поделать с собой. Ну, не сложилось у меня с хоккеем.

Отец все-таки пытался приобщить меня к занятиям. Он тренировал ребят 67-го года рождения, я был двумя годами моложе, 69-го. «Они старше, тебя подтянут», – говорил папа. Лето, мы находились на предсезонных сборах. Кроссы я бегал наравне со всеми, другие сопутствующие упражнения выполнял.

По окончании сборов, ближе к зиме, папа позвал на каток ЦСКА. Требования, мол, знаешь, приходи на тренировку. Приезжаю и не могу себя пересилить, заставить встать на коньки. Даже на дворовую «коробку» не выходил. Тщетно. Не хотел, боялся. Детские воспоминания, ощущения не прошли.

Не скрывал от родного человека чувств и намерений. Папа не то что не осуждал, с глубоким пониманием отнесся. «Ничего, значит, пойдешь своей дорогой в жизни», – напутствовал великий хоккеист.

До 87-го года отец так и жил: тренировал юных армейцев, дежурил, когда требовалось, на вахте «большого» ЦСКА. Позднее, когда служил срочную, мама сообщала в письмах, что папу звали на работу за границу. В том числе знающие толк в хоккее канадцы. Молодежь тамошнюю готовить. Технику советскую им ставить. Заокеанские дяди прекрасно помнили, знали, главное, ценили высочайший уровень Викулова-старшего, его партнеров по ЦСКА и советской сборной.

Из тогдашней Чехословакии отец все-таки быстро вернулся

домой. Не мог там долго жить, видимо, общения ему не хватало. Хотя бирюком, отшельником папа никогда не слыл. Напротив, располагал к себе людей, часто легко с ними сходился. Однако не со всеми, разумеется, находил общий язык.

Стремился, просто рвался домой. Здесь душа осталась, в родной Москве. В кругу самых близких, знакомых и друзей чувствовал себя куда лучше, чем на чужбине. Думаю, понятное каждому русскому человеку состояние.

…Ссориться с той же мамой у отца времени не было, особенно в бытность игроком ЦСКА и сборной. Да и зачем? Не самоцель. К тому же с папой, на мой взгляд, и ругаться невозможно. Мама по характеру несколько вспыльчива, папа – противоположность ей. Потому, наверное, родители прожили душа в душу. Ничего не преувеличиваю. Ни к чему из пальца «сенсации», «скандалы» выдумывать.

Возвращался папа из дальних странствий, сборов или матчей – праздник для меня, мамы, бабушки, сестры. Разумеется, многочисленных приятелей, друзей. Уже рассказывал, отец своего рода центр притяжения, будто все гости к нам стремились. Острое желание увидеться, пообщаться. На спортивной площадке или просто в нашей квартире посидеть, чайку попить, вспомнить дорогие нам моменты. Забавные и не очень.

Да, матушка импульсивная натура. Могла покричать на меня – для острастки. В детстве и юности всякое бывало. Папа спокойно анализировал поступки людей, никогда не закипал. Посидит, поразмышляет, после чего выносил вердикт: должно быть так и так. Отец как раз сглаживал намечавшиеся конфликты, предвосхищал развитие событий. Не случайно слыл весьма неплохим шахматистом-любителем. Умел считать и читать жизненные ситуации.

Рассказывал, бровь ему во время игры рассекли, кровь буквально хлестала. Казалось, я догнал бы в следующем эпизоде обидчика, врезал бы ему как следует. Папа считал ниже своего достоинства опускаться до проявления мести, не мог вредить кому-то. Сел тогда на лавку, быстро ему рану зашили, и дальше играл. Все. Эпизод исчерпан.

Повторюсь, родители жили в понимании, согласии. Мне эти семейные ценности, сформированные десятилетиями, тоже передались. Невольно позаимствовал что-то из прекрасных отношений папы с мамой. Живем с супругой хорошо, комфортно, больше двадцати лет вместе. Факт, говорящий о многом.

На работе, да, могу немного вспылить, на повышенных тонах разговаривать. Там, как говорят, требуется поруководить. Домой я отрицательные эмоции не заношу. Не принято у нас. Спокойно,

уважительно, тепло общаемся.

Не сказал бы, что отец злоупотреблял алкоголем. Было бы неправдой, явным преувеличением. Он одно время даже шампанского себе не позволял, когда играл в ЦСКА и сборной. По завершении карьеры у кого-то из друзей на днях рождения мог, конечно, выпить. Но не в «кондиции», распоясавшимся, тем паче с заплетающимся языком никогда его не видел и не слышал. Да и не мог он распустить себя хотя бы потому, что тренировал молодежь в ЦСКА. Держаться в тонусе, быть примером для подопечных – обязательное условие.

У отца были очевидные проблемы с ногами, от высоких физических нагрузок в большом хоккее. Позднее это сказалось роковым образом. У Александра Павловича Рагулина, насколько понимаю, впрочем, не только у него – многих знаменитых хоккеистов того времени, – аналогичная, чудовищная ситуация со здоровьем.

В панки подался

Ходил папа с трудом, полнеть начал. Последние лет пять он не работал, пенсию получал. Матчи родного ЦСКА, конечно, посещал. Ему билет участника клубное руководство выдало. Иногда получалось вместе на ту или иную игру съездить. На машине. Приезжал за отцом, садились и на хоккей во дворец спорта.

В тот период общался чаще с друзьями детства, коллег по хоккею почти не видел. Мой Владимир Иванович болезненно реагировал на уход из жизни ветеранов спорта, ведь с ними он прошел славный путь в любимой народом игре. Постепенно дорогие его сердцу люди умирали. Что скрывать, папа плакал, узнав об очередной кончине партнера. Очень глубоко переживал, смотреть на это сил не хватало. «Ну вот, видимо, скоро и моя очередь…» – предрекал отец.

В свою очередь, время от времени общался с людьми из мира спорта. Понятно, хоккея в основном. С Волчковым, с братом Славы Фетисова – Анатолием, он погиб, к сожалению, в автомобильной аварии. В молодости, представьте, занимался дзюдо, плаванием, в футбол поигрывал, в других видах пробовал силы. Но чувствовал, спортивная стезя не для меня.

В армию пошел, как и все, на два года. Папа осознанно не стал никуда меня пристраивать. Собственно, я и не стремился откосить. Отец четко обосновал свою позицию, с которой нельзя было не согласиться. Владимир Иванович с присущей прямотой дал понять: мол, если он сейчас поможет, «сделает» мне институт и тому подобное, я на шею ему сяду. «Выбери что-то свое, иди по выбранному пути, – логично и правдиво говорил отец. – Чтобы выбрать, иди для начала в армию. Становись мужиком». Меня призвали, и я пошел служить.

Еще до службы я был весьма импульсивным юношей. В том смысле, что совершал иногда опрометчивые поступки. Пытался самостоятельность таким образом проявлять. Выходило не очень здорово. Конечно, к родителям обращался: как ситуацию исправить? Они резонно замечали: ты все уже сам сделал, ничем здесь не поможешь. Пришел бы раньше, спросил. В общем, набил себе шишек на пути к самостоятельности. Такой склад характера, ничего тут не попишешь.

Отец, признаться, очень многое мне дал. Блестящий воспитатель! Он как раз сетовал, что мало меня воспитывал в силу объективных причин. Понятно, когда играл в хоккей, подолгу отсутствовал дома и так далее. Возможно, полагал папа,

удели он мне больше внимания, в моей судьбе все сложилось бы иначе. Вопрос дискуссионный и весьма непредсказуемый. Да и не стоит бесконечно копаться в себе. Жалеть особо ни о чем не приходится.

Жалел только вот о чем: отец в раннем детстве моем ни разу не присутствовал на дне рождения сына! Ну, так случилось, опять же по хоккейным обстоятельствам. Родился-то я первого января. А папа с ЦСКА или сборной выступал в турне за океаном. Именно в эти сроки.

Да, пяти-шестилетним мальчишкой я расстраивался по данному поводу. Нет и нет рядом близкого, любимого человека. В день рождения. Нисколько не упрекал отца, даже в столь юном возрасте постепенно проникся значимостью его занятия. Мама и бабушка с дедушкой популярно и в то же время мягко, доходчиво объясняли причину отсутствия отца. Он вместе со своими товарищами защищал цвета сборной СССР, тем самым прославлял родину. Еще родные пояснили, что папа не всю жизнь шайбу будет гонять. Когда-то закончит выступления, чаще станет общаться с нами.

Если продолжить тему воспитания… Владимир Иванович ни разу не поднял на меня руку. Разве что голосовыми связками воздействовал. Опять же на крик не срывался, просто менял интонацию. Нотки металла появлялись, когда, видимо, требовала ситуация. Но это было настолько доходчиво! А в целом он мягкий, добрый, отнюдь не злопамятливый человек.

Теперь о том, чему посвящен заголовок данной главы. Люди моего поколения и, естественно, старше помнят, как в Москве, да и в стране тоже, появилось в те годы направление панков. Молодежь чуть ли не поголовно брилась тогда. И я туда же. Подросток, лет четырнадцать-пятнадцать мне.

Отца в школу вызвали. Учителя очень переживали, не хотели видеть у себя рассадника панка. Да еще учился я в школе с углубленным изучением английского языка, требовалось соответствовать статусу. Папа заверил педагогов, что все поменяется, войдет в норму. Огорчаться не стоит, сыну многое объяснил.

А рассказал отец следующее. Он как раз вернулся из Германии с чемпионата мира по хоккею. Панки именно там сотнями, если не тысячами, бродили по улицам, даже на хоккей их пускали. По площадям и закоулкам ходили группами, приставали к прохожим.

Он воочию наблюдал за молодыми тамошними людьми. Как они себя держат, ведут, общаются с окружающими. Из уст отца – своего рода нарождающийся, поднимающий голову фашизм. И

настолько убедительно папа все рассказал, что я тут же отказался от идеи подражать этим панкам. Ужас, представьте, обуял.

Почти опрометью побежал в ближайшую парикмахерскую. Убедил мастера постричь меня наголо. Чтобы и близко не было дурацких разделений на голове. Спустя время волосы равномерно отросли. Как папа и предсказывал, все в норму вошло.

Вместо льда – бассейн

Отец по сути своей не конфликтен. Не самоцель же непременно ссориться, тем более в пух и прах с кем-то ругаться. Во время спортивных сборов, в преддверии крупных хоккейных турниров у папы неизменно находились друзья-партнеры для игры в бильярд или шахматы. В поездках, к слову, он всегда читал. Массу литературы проштудировал по любимым шахматам, бильярду.

Отец вычитал в одном из журналов, как правильно и быстро кубик-рубик собирать, популярное в те годы занятие. Меня искусству кубика научил. Разумеется, шахматишки и бильярд с его помощью освоил. В общем, что сам умел, то мне и передал.

Конечно, летом несколько недель вместе проводили. Папа, мама и я. Не только в таком составе, но и расширенной компанией. По окончании хоккейного сезона два-три купе скорого поезда заселялись игроками ЦСКА, и мы отправлялись на юг. Любили время проводить в доме отдыха под Ялтой. Там замечательная площадь, красивая набережная.

Перед той поездкой в Ялту, о которой пойдет рассказ, наши знаменитые хоккеисты-отцы летали, как водится, по ходу минувшего сезона в Канаду на очередные соревнования. И в тамошних магазинах купили себе популярную в то время обувь – сабо. Такие летние тапочки. Их и захватили с собой на юг, чтобы легко, непринужденно гулять.

В погожее утро идем на упомянутую набережную. Отцы наши взгромоздили на шеи детей и пошли в сторону аттракционов. Развлечься, нам удовольствие доставить. Шли в тех самых шлепанцах – сабо. Оглушающий звон на мостовой от них! Звук сравним разве что с цокотом лошадиных копыт. Народ с любопытством оборачивался, взирал на пешую кавалькаду знаменитых хоккеистов с детьми.

Конечно, известных всей стране спортсменов легко узнали. Буквально толпа окружила, в том числе и моего папу. Опять заминка, смущение, возникшая, казалось, на ровном месте неловкость. Читалось на лицах игроков некое чувство дискомфорта. Вроде давно должны привыкнуть к вниманию, славе, почету и т. д. Нет, будто в первый раз просили у них автографы. Это никакое не жеманство, не позерство, не манерничание. Думаю, люди с тонкой душевной организацией меня поняли.

В принципе, редко получалось выбраться куда-то втроем, во всяком случае, в детстве. Потом сестренка родилась, Лена. Мама,

естественно, больше внимания уделяла новорожденной.

Как-то – опять редчайший случай – родители пришли ко мне в детский сад на спортивный праздник. В роли зайчика я выступал. Папа с мамой поучаствовали в эстафете. Шумно, весело. Сквозь обруч, будто через угольное ушко, предстояло взрослым лезть – на скорость. Молодцы, справились, до сих пор помню.

«Владимир Иванович, подойдите, пожалуйста, сюда, посмотрите туда», – не оставляли в покое папу воспитатели и руководители учреждения. Увы, бремя славы, никуда от этого не уйти. Даже мне, тогдашнему малышу, бросалось в глаза: отец боготворил маму. Очень любил супругу. Читалось в каждом слове, движении. Мама всегда была в его сознании на первом месте.

> Отец по сути своей не конфликтен. Не самоцель же непременно ссориться, тем более в пух и прах с кем-то ругаться.

Родители рассказали мне о реакции бабушки с дедушкой на знакомство с папой. Они в первый раз буквально оторопели, когда мой будущий отец на пороге их квартиры появился. Дедушка, в прошлом моряк-подводник, при взгляде на папу невольно воскликнул: «А я знаю, кто это!» Конечно, будучи болельщиком, дед легко узнал хоккейного кумира.

Господи, как тогда глубоко переживали за тех же хоккеистов, не передать словами. Помню, тренеры по ходу одного из матчей Олимпиады 1972 года не сразу выпустили папу на лед. Так мы дома слезу пустили по этому поводу! Нашего любимца нет в команде?! Потом присмотрелись, отец мелькнул на экране, у всех домашних отлегло от сердца.

Разумеется, грандиозный успех – тогдашнее золото сборной в Саппоро – главное и безусловное впечатление отца от тех Игр. Но были еще как минимум два. Это когда они из Владивостока плыли в Японию на пароходе.

Их со страшной силой крутило в открытом море. И второе. Ушли после очередного олимпийского матча в раздевалку, приняли душ, переоделись. А вечером хозяева турнира позвали советских хоккеистов поплавать.

Бассейн функционировал на месте… ледовой арены, где часами ранее горячие баталии шли. Папу и его товарищей по команде приятно поразило сие обстоятельство. Прямо чудеса западной техники по тем временам. Затем импровизированный бассейн снова превратили в каток, на котором спустя время хоккеисты шайбы забивали.

Уже рассказывал вам, что мы по возможности посещали матчи с участием ЦСКА и сборной в Москве. Конечно, я с мамой приезжал либо во дворец спорта «Лужники», либо на старенькую арену армейцев, что на Ленинградском проспекте столицы. Мал еще был, чтобы самостоятельно отправляться на хоккей.

Так вот, в плане посещения матчей, распределения билетов на них приоритет отдавался супруге и ребенку, то есть мне. Папа объяснял нам, что мог бы, в принципе, с десяток билетиков взять на семью. Но считал это некрасивым, нескромным поступком, что ли. Чтобы все члены семьи Викуловых располагались во время матча на трибуне – нет, нехорошо, явный перебор.

Мы садились с мамой на трибуну, рядом – жены и дети других хоккеистов ЦСКА. Мило общались, от души болели за своих отцов и мужей. Вот Кузькина Татьяна Николаевна с Фирсовой Надеждой Михайловной, еще прекрасные дамы составляли компанию.

По окончании игры, как обычно, все дружно шли к автобусу. Чтобы минут пять, дай бог, десять, пообщаться с любимыми людьми. Обнять их, расцеловать, пожелать здоровья. Все. Двери автобуса закрывались, кумиры болельщиков отправлялись на базу в Архангельское. Крайне редко после какого-то матча наших пап Тарасов домой отпускал.

Но мы не сразу разъезжались по домам. Толпой близких родственников, только что отчаянно переживавших за любимцев публики, отправлялись, например, к нам. В квартиру на Планетной улице. Район Динамо, рядом с дворцом спорта ЦСКА. Удобно к Викуловым заглянуть. Конечно, такие экспромты случались нечасто. Но, когда удавалось вместе посидеть, за чашкой чая продолжали горячо обсуждать перипетии матча.

Дух алчности не царил

…Спустя годы в компании папы я с упоением пересматривал матчи Суперсерии 1972 года против канадских профессионалов. Но, пожалуй, особенно запомнилась, отложилась в сердце церемония проводов отца из большого хоккея в 79-м. Настолько тепло, необычно все проходило, что, помню, даже заплакал.

Семья наша жила уже в районе «Щукинской», мы прильнули к экрану, можно сказать, ловили каждое движение, каждое сказанное в адрес отца слово. Тогда игроки ЦСКА собрались в центре площадки, что-то проникновенно говорили в адрес папы. Нетривиальные, человеческие вещи. Потому, наверное, и отложилось это в моей душе. Просто феноменально!

Владимир Иванович не сетовал на свой уход из большого хоккея. Воспринял спокойно, нормально. По-моему, осознанно шел на данный шаг. Чтобы, наконец, регулярно видеть родных ему людей. Ведь он полтора десятка лет толком не общался с нами, так, фрагментарно.

Не знаю, может, и попросили освободить место – молодым, целеустремленным. Не забывайте, старшим тренером ЦСКА стал Виктор Тихонов. Но ни разу я не слышал, чтобы отец «поливал», называл нехорошими словами Виктора Васильевича. Не надо искать проявления «закулисья» там, где им близко не пахло.

Повторюсь, папа нисколько не жалел об уходе из хоккея. Искренне говорил: теперь можем чаще на горки ходить, на санках кататься. На любимую дачу ездить, отстраивать ее. Очень довольным казался.

Блестящий форвард Викулов не метался в поисках работы. Так сложилось. Месяцок отдохнул от хоккея, затем его позвали в тогдашний ленинградский СКА играющим тренером. Да, официально карьеру завершил. Однако выступающий на площадке наставник – отдельная песня.

Правда, Владимир Иванович выдвинул условие: супруга живет с ним на время работы с командой СКА. Ребенок приезжает на выходные, в каникулы. Мама отправилась в Ленинград к папе. Я остался в Москве с бабушкой и дедушкой. Отец продержался там сезон во многом благодаря тому, что рядом была любимая женщина.

Проблемы со здоровьем, тем не менее, обострялись. Сердце пошаливало, общее состояние не из лучших от высоких нагрузок в большом спорте. Какое-то время папа руководил хоккеистами СКА со скамейки запасных в роли тренера. Потом сказал, что хотел бы вернуться в Москву, в ЦСКА.

Вернулся. Стал готовить ту самую молодежку ЦСКА. У него в команде и Саша Харламов занимался. Он ему спуску, возможности расслабиться не давал. Как, впрочем, и другим подопечным. Гонял всех со страшной силой. Тренером слыл не просто взыскательным – жестким. В том числе по отношению ко мне тоже.

Помните, я рассказывал о сборах, на которые отец вместе с командой взял и меня. Да, пытался он приобщить сына к занятиям спортом. Говорил примерно следующее: «Мне все равно, что тебе тринадцать, а ребятам по пятнадцать лет. Должен делать то же, что и они». «Папа я дома. На сборах – старший тренер, и звать будешь тренера по имени-отчеству», – расставил акценты мой отец.

Он никогда не стал бы делать мне поблажек только потому, что я – его сын. Отец пояснил свою позицию тем, что иначе не будет дисциплины в коллективе. Если относиться к подопечным только по-доброму, по-домашнему, не станет команды. Она не сформируется – психологически, игроцки, как угодно. По мнению тренера, игроки, пусть и юные, должны чувствовать тренера, соблюдать определенную дистанцию. А не хлопать панибратски наставника по плечу.

После работы с молодежкой ЦСКА папа окончательно на пенсии обосновался. Тем более военные люди, в отличие от коллег на гражданке, имели возможность по закону раньше на пенсию уходить. Отец обожал на даче жить, «колдовать» над ней, всячески благоустраивать. Трепетное отношение.

Работал на участке в основном с отцом матери, моим дедом. И был в этом смысле донельзя пунктуальным, правильным человеком, даже в мелочах. Хотя мелочей, по мнению папы, в жизни не бывает, все имеет то или иное значение.

Если делать, к примеру, грядку, она должна быть непременно ровной. Неряшества, безразличия не терпел ни от кого. У него сложились прекрасные, теплые отношения с родителями мамы. С ними он и корпел над благоустройством дачи.

> Владимир Иванович не сетовал на свой уход из большого хоккея. Воспринял спокойно, нормально. По-моему, осознанно шел на данный шаг. Чтобы, наконец, регулярно видеть родных ему людей.

Владимир Иванович продолжал смотреть матчи. Даже иногда посещал тренировки молодежки, в которой относительно недавно трудился. То есть отчасти жил хоккеем. Как иначе? Человек, посвятивший себя замечательной игре, не мог оставаться равнодушным к ее проблемам, отслеживал тенденции в развитии

хоккея.

Но не переживал по поводу невостребованности. Не ныл, не стонал. Что, дескать, он, звезда отечественного и мирового хоккея, никому не нужен. Что его не зовут на работу. Не в его характере отчаиваться, предаваться самобичеванию. Ну, так сложилось, в конце концов. Он понимал: поколение выдающихся мастеров вместе с ним безвозвратно уходило. А плеяда современных хоккеистов все равно не смогла бы его понять. Разница в возрасте, психологии, менталитете. Нет, не сочетался он с ними.

…В нашей семье никогда не царил дух алчности, отсутствовал культ денег. Мама не упрекала папу ни в чем, как бы ни складывались обстоятельства. Да и упрекать-то не в чем. На жизнь, как говорят, хватало. Положа руку на сердце, мы неплохо жили.

Особенно когда папа за ЦСКА и сборную выступал. Хорошая квартира, у отца – машина, дача имелась, о которой уже неоднократно упоминалось. Всякие льготы, привилегии. Нормальный, размеренный уклад. Мало в чем себе отказывали.

Росли мы с сестрой вполне самостоятельными людьми. Мама работала, папа постоянно в разъездах. В свое время бабушка с дедушкой забирали меня из школы. Позднее я стал опекать сестру. Почти оканчивал учебу, в то время как Лена в первый класс пошла. Вот за ней и присматривал, за ручку из школы приводил.

С сестрой замечательно общаемся и сегодня. У меня классный племянник, Никита, сынишка Лены. Она совсем далекий от спорта человек, а Никита как раз полная ей противоположность. Правда, он не столько хоккеем, сколько футболом увлекается.

Тем не менее матчи знаменитой серии 1972 года мы смотрели, альбом уникальных фотографий с удовольствием листали. «Бог мой, что это?!» – удивленно воскликнул внук, увидев старый снимок. «Дед с рассеченной бровью во время матча», – поясняю.

Хоккей посещаем. В клубе ЦСКА выделяют нам абонементы. Спасибо. Все-таки не то зрелище, которое хотелось бы видеть. Смотреть, признаться, не очень интересно. Вот племянник, пятиклассник, после просмотра матчей легендарной серии-72 сразу свой вердикт вынес. Отправились мы с ним, предположим, на игру ЦСКА с «Динамо». «Такой хоккей очень на «бей-беги» похож», – резюмировал Никита.

Конечно, игроки советских поколений не носились по площадке, как заводные, скорости иные. Однако хоккеисты, на

взгляд моего племянника, очень техничные, там комбинации разыгрывались.

Кто-то после подобных откровений, наверное, спросит: зачем тогда на матчи приезжаете, если зрелище, мягко говоря, не очень? Да хочется побыть в атмосфере хоккея. Вспомнить, как отец с партнерами прекрасно играл. Еще на льду старенького дворца спорта ЦСКА. Будто сейчас вижу реакцию того же Тарасова на игровые эпизоды. Или слышу возгласы: «Викулов, отдай! Харламов, беги!»

Зал хоккейной славы, надо отдать должное, в нынешнем дворце спорта потрясающий. Со всеми возможными атрибутами. В том числе и времен моего отца, деда Никиты. «Вот это музей твоего дедушки, его замечательных партнеров и друзей, – говорю племяннику. – Ты можешь гордиться своим дедом». По-моему, он проникся.

Сейчас смотрю и вижу, люди приходят в хоккей деньги зарабатывать. Не в осуждение кого-то, просто констатирую. В глазах великих хоккеистов старших поколений, без преувеличения, светился патриотизм. «Что, премию дают за победу? Да, бог с ней, премией, мы победили!» Лейтмотив и мотивация тех игроков.

Может, отец, кстати, как и некоторые его друзья по хоккею, тоже хотел попробовать силы в заокеанской НХЛ. Наверное, боссы сильнейшей в мире лиги что-то ему предлагали. У папы все-таки превалировало чувство семьи. Не мог он нас оставить. В противном случае в одночасье стали бы «врагами народа».

«Никто не знал, что я – сын Викулова»

Основные черты характера отца? Прежде всего, скромность, чувство справедливости. Причем справедливость, как бы не рубленная топором. Дескать, я во всем прав, и точка. Вы мне здесь не перечьте. Он доказывал право на свое мнение, точку зрения весомыми аргументами и, главное, поступками. Такая умеренная, без пены у рта, справедливость.

До ухода в армию решил вкусить радостей взрослой жизни. Сказал родителям, что желаю поработать на заводе. Даже не знаю, почему, но хотелось именно так сделать. Отец не возражал: «Хочешь, значит, иди». Там, кстати, дали мне характеристику для службы в рядах Советской армии.

Здесь, думаю, уместно короткое лирическое отступление. Папу в свое время я, шутя, прозвал шайбой. Звоню ему, скажем, с работы, говорю: «Привет, шайба». Люди, невольно подслушавшие разговор, задавались вопросом: Викулов, шайба… А ты, случайно, не сыном приходишься знаменитому хоккеисту?

Никогда не афишировал, что я – сын знаменитого Владимира Викулова. И во время службы в армии никто из командиров и рядовых не знал, что состою в родстве с известным на всю страну хоккеистом.

Спустя год информация все же просочилась. Подошел командир роты: «Викулов – твой отец?» – «Да». – «Почему молчал до сих пор?» И началось. Слышал шепоток за спиной: мол, Виталия Викулова в наряды ставить нежелательно, и так далее и тому подобное.

Сам прервал нарождавшуюся порочную цепочку. «Я пришел в армию стать мужчиной, – сказал командирам. – Дайте мне отслужить еще год, как все служат. И вы забудете, что я – сын Викулова. Как на меня сослуживцы посмотрят из-за ваших послаблений? Отец-то мой добился всего сам! Без всяких поблажек, привилегий и т. д.». Отстали.

Служил радиотелеграфистом под Орлом. Рядовым. Прежде полгода изучал азбуку Морзе. Затем перевели из телеграфистов в пожарники, там свободного времени у служивых больше. Уже все ребята знали, чей я сын. Перевод оказался не случайным. В части регулярно проводились турниры по различным видам спорта. Я усилил футбольную команду офицеров, она практически неизменно побеждала.

По возвращении из армии искал себе занятие в разных

направлениях. Не спортивного значения. Пытался в бизнесе себя проявить. Самый конец восьмидесятых – начало девяностых. Перестройка, демократия, расцвет кооперативного движения. Думал, на этой волне что-то путное выйдет.

Забегая вперед, скажу: бизнес не удался. Хотя начинали неплохо. Создали творческую студию, дизайном занялись. Действительно, наш художник разработал тогда самый первый логотип ныне популярного канала РЕН ТВ. Делали офисы для журналистов в районе Зубовской площади. Затем оформляли один из банков.

Позже непонимание в коллективе возникло. Так часто бывает. Тот случай, когда произошла порча людей приличными заработками. Наверное, не вынесли испытания пресловутым металлом. Нас – трое друзей. Разбежались. Закрыли бизнес.

С упомянутым художником, к слову, продолжаю общаться. Мы с ним в меру спокойные, выдержанные люди. А вот с третьим участником проекта, вспыльчивым, нервным господином, отношения с тех пор не поддерживаю.

Дальше осознал, что в столь непростое время надо высшее образование получить. Время и требования стремительно менялись. Вуз желательно окончить, пополнить багаж знаний. Поступил на вечернее отделение Плехановского института. Отучился полтора года, не выдержал.

Видимо, не хватило терпения, но, прежде всего, физические и психологические нагрузки оказались неподъемными. Днем-то я подрабатывал, вечером на учебу спешил. Если оставить бизнес, работу и только учиться… Пять лет в Плешку предстояло ходить. А как жить без денег? Дилемма на тот момент серьезная. Очень хотелось самостоятельности, финансовой независимости.

Потом видел себя мастером одежды. Целенаправленно пошел в ателье. Никто меня туда не пихал, не пристраивал. Мечтал со временем создать что-то свое, оригинальное. Смотрел, сравнивал, анализировал. Сравнивать было с чем. Еще в детстве подметил некоторые моменты. Тот же отец из заграничных вояжей привозил домой приличного качества вещи. Повзрослев, хотел понять, как они делаются.

Начал с нелегкого труда – гладил штаны. Понимал, это необходимо освоить, прежде чем заняться искусством шитья. Ведь рано или поздно люди будут прилично одеваться. Но все быстро развалилось. Появились кооперативы, далекие от производства истинно модной, качественной одежды. То, к чему стремился я и мои коллеги, там вовсе не требовалось. В общем, завязал я с ателье.

Теперь у нас совместное предприятие. Возглавляю

производственный отдел. Одно из направлений – генераторы, любительские, профессиональные. Используются вплоть до освещения целых поселков. Привозим в Россию комплектующие, собираем. Второй раздел деятельности – насосные станции, они обеспечивают подачу воды в дома. Уже лет десять-двенадцать на рынке.

Видите, нашел себя отнюдь не в хоккее, а в сфере, весьма далекой от замечательной игры. Ни о чем не жалею. Мне нравится моя работа. Опять же общаюсь с людьми.

В офисе появляюсь раньше всех. К чему рвение? Надо, к примеру, все отследить. Сам процесс требует неустанного контроля. Не то что кому-то не доверяю, нет. Должно, скажем, всем всего хватить. Чтобы из таможни груз вовремя вышел. Сборку компонентов посмотреть. Чтобы продукцию своевременно отправили по адресатам, и многие-многие вещи сопутствуют нашей многогранной деятельности.

Рецепт семейного счастья

Мы сразу табу ввели на возможную работу по выходным. Нет и еще раз – нет. Бизнес – бизнесом, деньги – деньгами, но есть семья, дети, сопутствующие заботы. Да просто отдых, в конце концов, отпуск. Дело, по-моему, святое.

На примере отца прочувствовал, что это такое – изматывающий, почти каторжный труд. Мы папу дома практически не видели в бытность игроком. И что хорошего? Ничего. Повторюсь, почти у каждого из нас есть семья. Нужно отдыхать, те же деньги тратить на близких, дорогих сердцу людей.

Не скрою, в плане семьи я очень счастливый человек. Супруга Наташа занята в туристическом бизнесе. Познакомились, как нередко бывает, на дне рождения приятеля.

Бизнес – бизнесом, деньги – деньгами, но есть семья, дети, сопутствующие заботы. Да просто отдых, в конце концов, отпуск. Дело, по-моему, святое.

Последовал конфетно-букетный период, во время которого старался покорить сердце понравившейся девушки. Супруга достаточно властная натура, когда ситуация обязывает. Случается, хандра нападает. Тогда Наталья в чувство приводит: мол, соберись, хватит киснуть.

Наверное, у родителей почерпнул, если хотите, подсмотрел некоторые, крайне важные моменты. В какой-то степени они невольно приоткрыли мне секреты семейных отношений. Хотя ничего особенного, экстраординарного не совершали. У мамы с папой, кроме огромного и взаимного чувства любви, улавливалось еще безусловное доверие друг к другу. Это потрясало, удивляло, даже окрыляло.

Говорю, отложилось во мне с детства, юности. Мама, например, по полгода одна меня воспитывала. Вот она – любовь, доверие. Как у мамы глаза горели, когда встречала папу в «Шереметьево» по возвращении из поездки – надо видеть! Огромное, неизбывное чувство радости. Почти как в хорошем кино, когда люди стремглав бегут навстречу, искренне, по-детски ликуя, распахнув объятия.

Иногда супруга улетает в деловые командировки. Случается, на месяц. Я тоже отлучаюсь по работе, правда, быстрее домой возвращаюсь, характер занятости иной.

Чувство ревности? Никто из нас, думаю, не лишен его совсем.

Однако мы этот период с Натальей благополучно прошли. Верим друг другу. Вот семейные ценности, в том числе моих родителей, очень даже помогают. Скажем, в период своего отсутствия жена спокойна: знает, не загуляю, не стану бродить и т. д.

А как приятно встретить любимую в аэропорту! Вижу родное лицо, радуюсь от души. Ничего не приелось в наших отношениях, хотя, повторюсь, вместе мы больше двадцати лет.

Два прекрасных лебедя

Конечно, были у отца непростые периоды в жизни. Случались резкие перепады в настроении. Мама звонила: приезжай, поговори с папой, выведи его из этого состояния. Наверное, мы с ним «один в один» в смысле внутреннего устройства. Хандра донимала пару-тройку дней, затем отступала. Бывает с каждым.

Приезжал. Уединялись с отцом в комнате, беседовали по душам. Он на день рождения подарил мне кий бильярдный. Предлагал ему: поедем, шары погоняем. Знал, папа не откажется, фанат бильярда. Садились в машину, ехали в ЛФК ЦСКА на Ленинградском проспекте. В здании спорткомплекса клуб бильярдный располагался. Азарт переполнял обоих, главное – тоску прогонял.

Об отце не забывали его ближайшие приятели. В последние годы жизни не оставлял без внимания папу дядя Юра Чабарин, тренер хоккейной школы ЦСКА. Да и ребята значительно моложе, известные мастера хоккея тепло отзывались о Владимире Ивановиче. Среди них – Володя Константинов, Сергей Федоров. А Саша Могильный звал папу в гости, в Америку. Отдохнуть, может, подлечиться.

> Не знаю, может, время и лечит. Чувство пустоты до сих пор не покидает. Понятно, маме в первое время после кончины мужа очень тяжело пришлось.

К врачам сходить? Отец многие вещи скрывал, ни к кому не обращался за медицинской помощью. И настаивать бесполезно. Предлагал ему, например, заглянуть в диспансер хоккейного клуба ЦСКА, к знаменитому доктору Олегу Белаковскому. Даже на это не согласился.

Тут характер папы решающим образом сказался. Очень он не хотел, чтобы окружающие видели его слабым, неважно чувствующим себя человеком. Терпеть не мог возни вокруг себя, суеты. Убедил его в клинику Бурденко лечь. Он выдержал пару дней. Там, разумеется, военные люди лечились, сразу узнали знаменитого хоккеиста. Позвонил мне, просил забрать. Так Викулов «лечился». «Пусть я буду в семье, хоккейчик посмотрю с родными людьми», – говаривал отец. Просьбу нельзя было не выполнить…

Сердце прихватывало, кровь переставала нормально циркулировать. Мама как-то сказала, что выдающиеся спортсмены рано уходят, потому что отдали любимому делу всех

себя, без остатка. Это правда. Кому, как не ей, знать.

Мы все сделали, чтобы продлить дни любимого, родного нам человека. Обеспечили отца медпомощью на дому. Врачи приходили, процедуры проводили. Но констатировали: операция уже бессмысленна. И в один момент мама позвонила мне на работу: папа умер.

Не знаю, может, время и лечит. Чувство пустоты до сих пор не покидает. Понятно, маме в первое время после кончины мужа очень тяжело пришлось. Я это видел.

Папа с мамой словно два прекрасных лебедя. Их невозможно представить друг без друга. Песню Мартынова о лебединой верности нередко исполняли всей семьей. Закоперщиками, своего рода, солистами выступали бабушка с дедушкой. Мы подхватывали замечательную, теплую мелодию. Она будто нашим родителям посвящена.

Маму, конечно, не бросили, не оставили скорбеть в глубоком одиночестве. Она живет в семье дочери, моей сестры. С ее мужем, внуком Никитой. С Наташей приезжаем к ним не только по праздникам. В будни после работы заглядываем, общаемся регулярно. Либо они к нам в гости едут, либо мы к ним… Часто с родными видимся.

Вместо послесловия

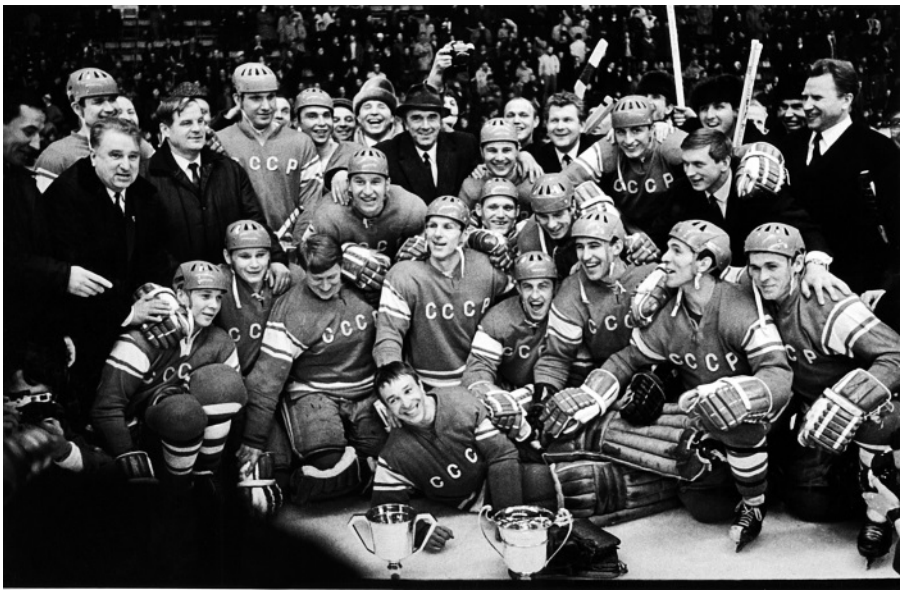
Друзья мои, не берусь судить, понравилась книга или не очень. Хочется верить, вы остались неравнодушными к судьбам тех людей, о которых здесь рассказано. Собственно, герои этой книги сами поведали прежде всего о жизни своих поистине легендарных отцов, великих хоккеистов прошлого.

Тема, однако, не исчерпана. В истории знаменитого хоккейного клуба ЦСКА еще много ярких личностей. В рамках одной только книги обо всех рассказать не представляется возможным.

Так что, скорее всего, не прощаемся. В будущем, почти не сомневаюсь, вас ждут не менее искренние, чем нынче, собеседники, любопытные, непридуманные истории о великих мастерах хоккея.

До встречи на страницах будущих книг!

Иллюстрации



Сборная СССР – чемпион мира! Под руководством легендарных тренеров Аркадия Чернышева и Анатолия Тарасова. 60-е годы

А.П. Рагулин с женой, дочерью Наташей и сыном Антоном. На даче в Одесской области. 1972 год

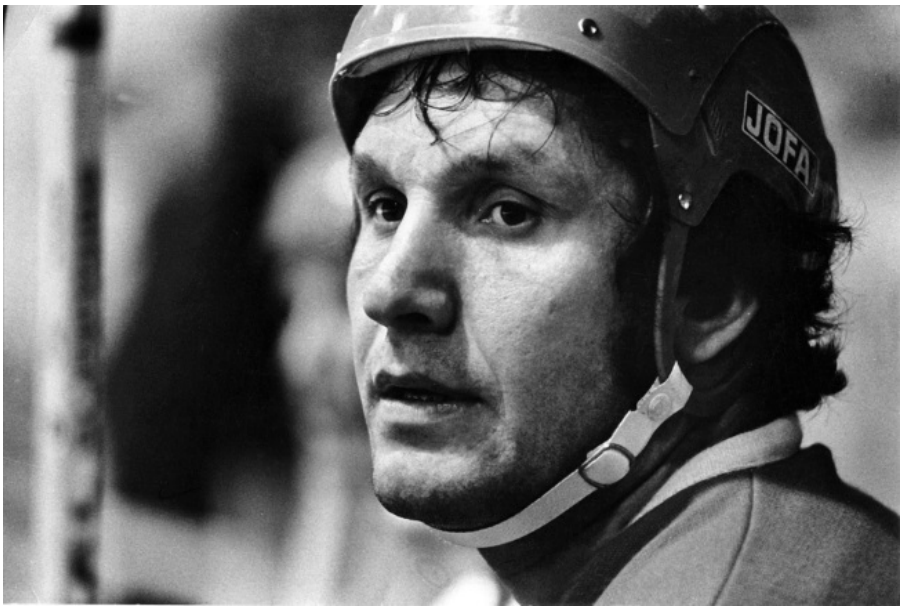
Тренировка Антона Рагулина в стареньком Дворце спорта ЦСКА на Ленинградском проспекте столицы. 1976 год

Маленький Антон Рагулин со старшей сестрой Наташей. Прогулка на катере в Крыму. 1975 год

Возмужавший Антон Рагулин в составе юношеской команды ЦСКА (на фото – второй слева)

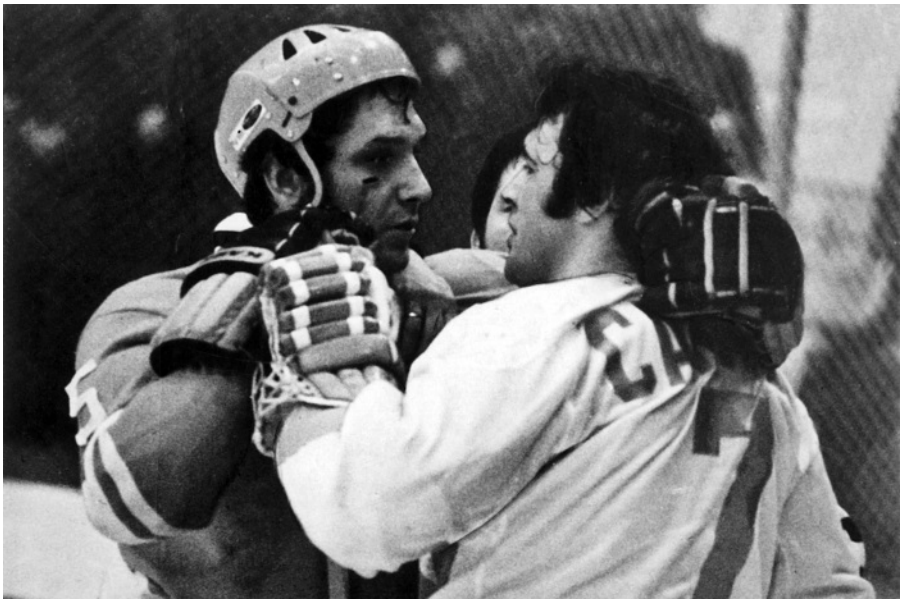
Первые шаги в хоккее юного Антона под присмотром мамы. 1972 год

А.П. Рагулин с сыном Антоном. 1973 год

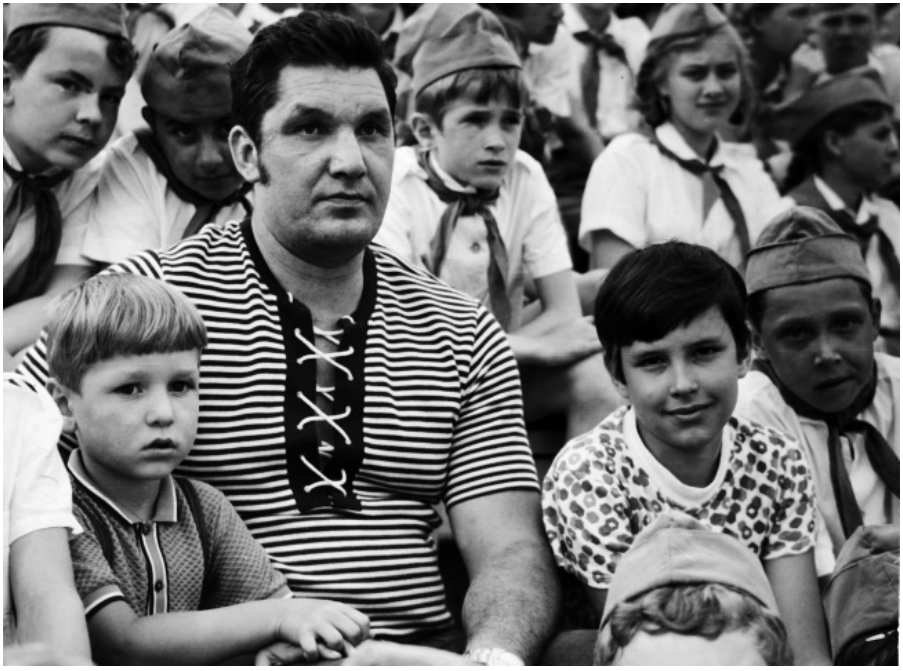


А.П. Рагулин в самом расцвете хоккейного таланта. 60-е годы

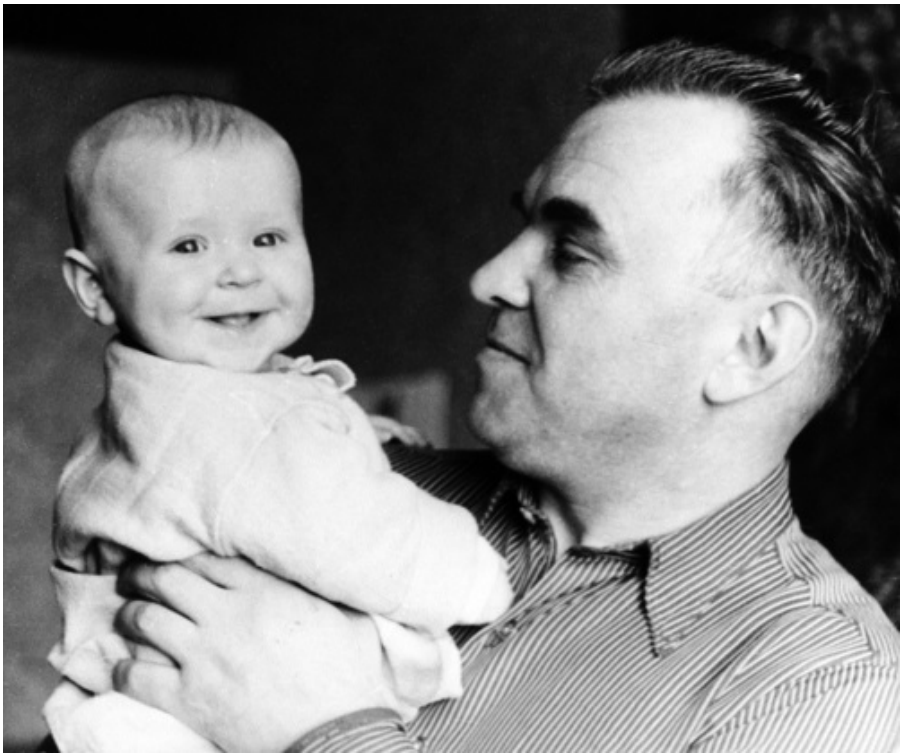
Рядовой Советской армии Антон Рагулин. 1987 год



Знаменитая суперсерия матчей 1972 года. Александр Рагулин сошелся в рукопашной с одним из лидеров канадцев Филом Эспозито



Александр Павлович Рагулин с детворой в «Артеке». Начало 70-х



Дедушка Борис Алексеевич Локтев с внучкой Наташей. 1963 год

Валентина Михайловна Локтева с младшей дочерью Наташей. 1963 год

Без дедушки – ни шагу. У него на руках старшая из сестер Локтевых – Ира. 60-е годы

Бабушка и дедушка Локтевы с внучкой Ирой. Начало 60-х

Умудренный опытом футбольный судья Борис Локтев руководит процессом на турнире среди любителей. Конец 60-х

Борис Локтев (на снимке справа), футбольный арбитр, во время матча в столичном спорткомплексе «Олимпийский». 1981 год

Церемония бракосочетания Ирины Локтевой и ее избранника Евгения.

ЗАГС Бабушкинского района столицы. 1979 год

Легендарный форвард ЦСКА и сборной СССР Константин Локтев с дочкой Ирой на отдыхе в Эшерах. Середина 60-х

Дочь Локтевых Наталья с мужем Николаем на пикнике. 2000-е годы

Наташа Локтева с мужем Колей неразлучна

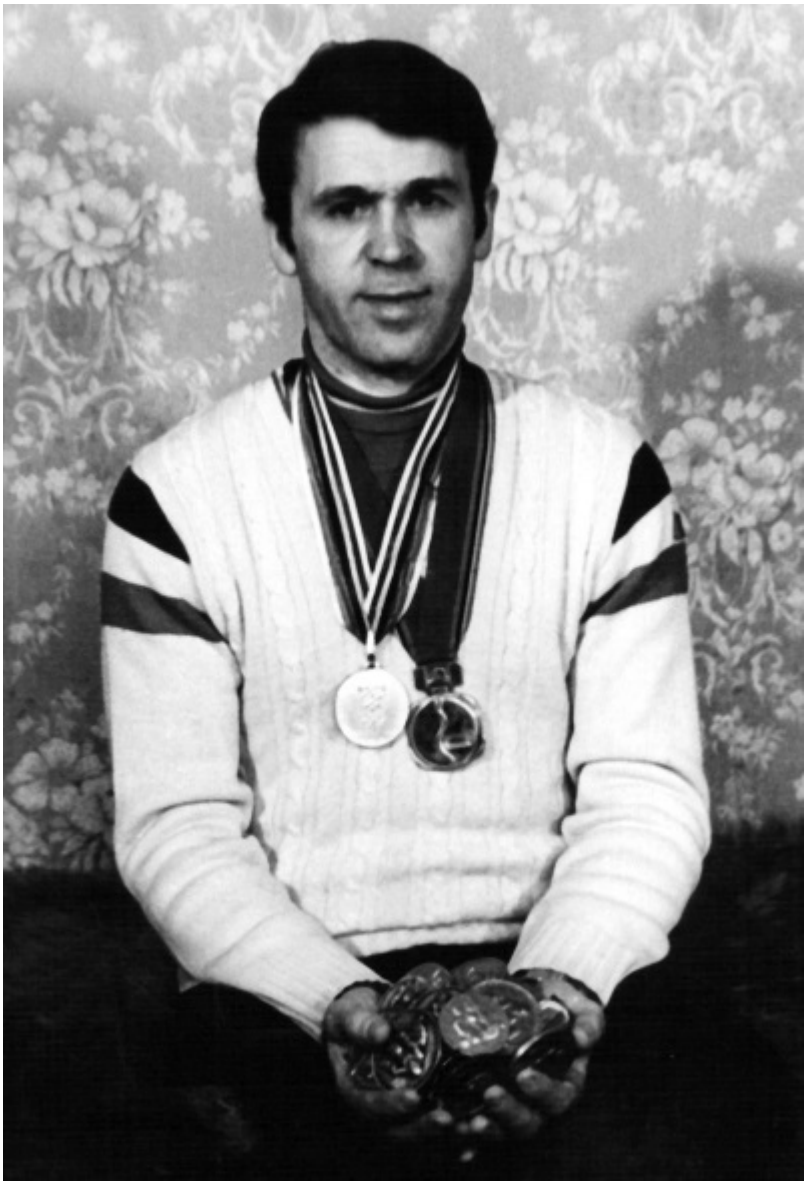
Наталья Локтева обаятельна, спортивна. В 2005-м работала инструктором по аэробике в столичном спорткомплексе «Олимпийский»

Валентина Локтева с дочерьми Ириной и Натальей накануне отъезда семьи в Югославию

Глава семьи Владимир Викулов с женой Аллой, младшей дочкой Леной и сыном Виталиком

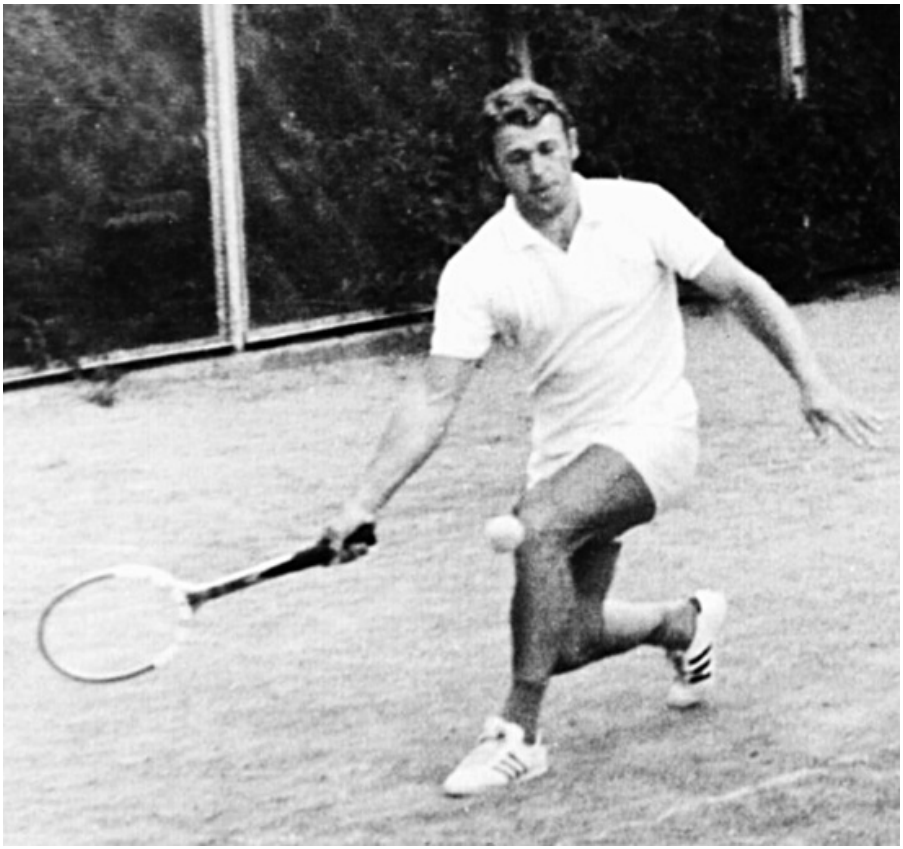
Владимир Викулов и сын Виталий с редкими сувенирами. Конец 60-х

В редкие минуты отдыха от большого хоккея



Выдающийся форвард ЦСКА и советской сборной Владимир Викулов во всей красе. Славные для него 60-е

С друзьями по клубу и национальной сборной – Борисом Михайловым (крайний слева) и Владимиром Петровым. Как молоды мы были…



Теннис тоже стал семейным увлечением

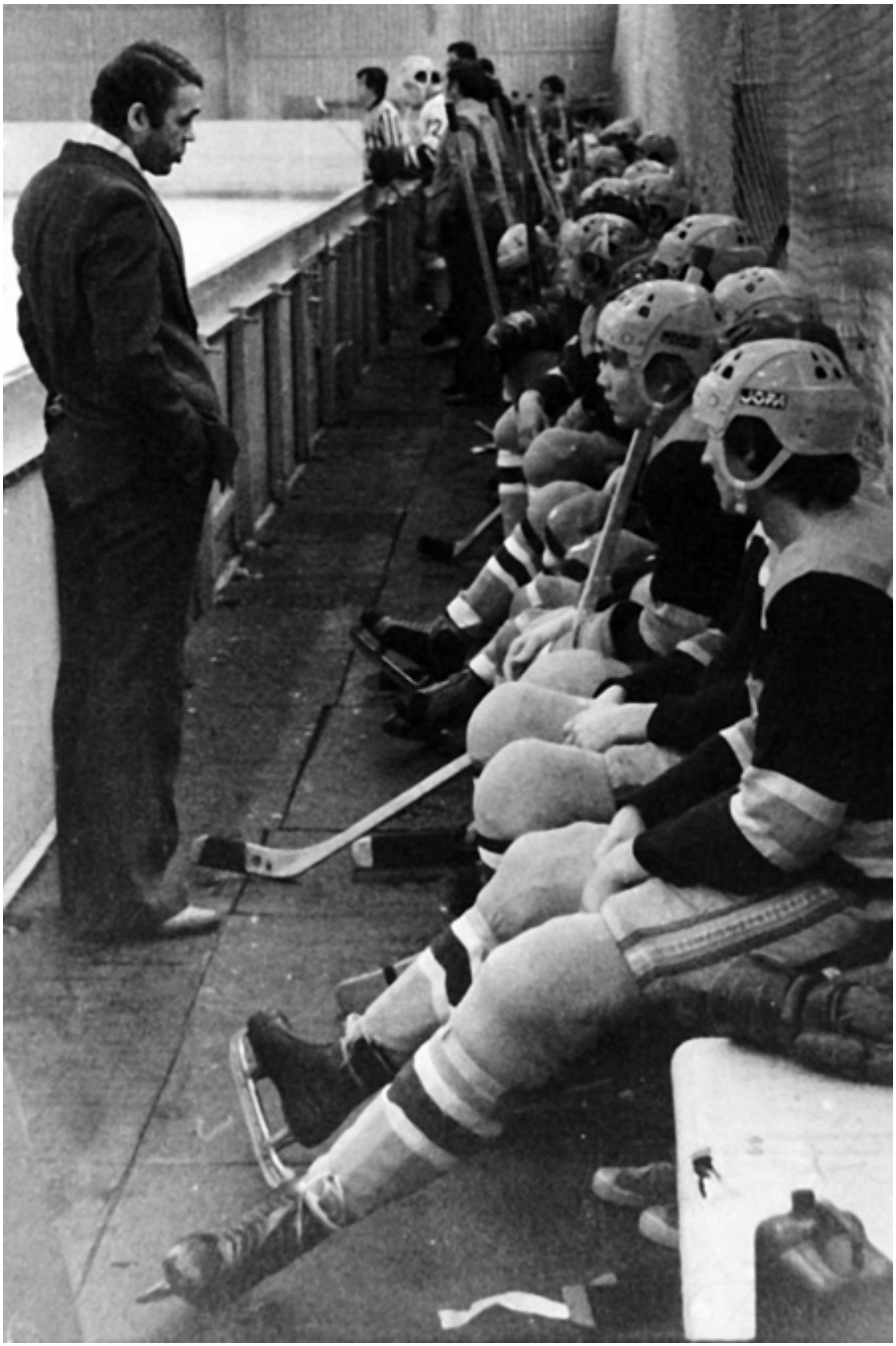
Тройка Викулов – Фирсов – Полупанов наводила ужас на

конкурентов.

В матчах чемпионата СССР и на зарубежной арене

Владимир Викулов неудержим: гол в ворота соперника неминуем

На тренерском поприще по окончании карьеры игрока



Владимир Иванович в роли наставника юных хоккеистов ЦСКА.

К советам чудо-форварда прислушивались даже самые строптивые ребята

Так Викулов-старший приобщал к спортивным баталиям сына Виталия. Начало 70-х

Даже маленькую дочку Владимир Иванович посвящал в таинства хоккея. 70-е